

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

НЕБЕСНЫЙ ЭФИР

ПАВЕЛ КОРНЕВ

РИТУАЛИСТ-1

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

НЕБЕСНЫЙ ЭФИР

ПАВЕЛ КОРНЕВ

РИТУАЛИСТ-1

Павел Корнев
Ритуалист. Том I
НЕКРОМАНТ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПАВЕЛ КОРНЕВ

РИТУАЛИСТ

РОМАН В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ 1

НЕКРОМАНТ

Москва, 2019
ЭАРМАДА
&
Издательство АЛЬФА-КНИГА

Часть первая

ВЕДЬМА

Глава 1

1

Ночь или день. Тьма или свет. Сон или боль.

Ночь дольше. Тьма чаще. Сон — почти беспрестанно. И не сон даже, а плотное и вязкое забытье, в котором тонули чувства и разум; тонуло все, даже боль. Проявлялась она, лишь когда начинал рассеиваться мрак и понемногу из небытия выплывали смутные силуэты окружающих предметов. Огненные пальцы тут же принимались терзать внутренности, а малейшая попытка пошевелиться вызывала судороги и корчи.

Тогда меня прижимали к тюфяку и вливали в рот теплое сладкое питье. Молоко, мед, лесные травы, маковый настой. И я проваливался во мрак, в благословенное ничто, а откуда-то из неведомого далека вслед за мной летела заунывная колыбельная. В немудреной песенке не удавалось разобрать ни слова, но это не имело ровным счетом никакого значения. Я засыпал.

Засыпал и пробуждался. Раз за разом, день за днем, ночь за ночью. Пока однажды не проснулся и не обнаружил, что боли больше нет. Ну, почти нет...

Чья-то рука приподняла голову, и к губам поднесли блюдечко, но я захрипел, не желая пить дурманное зелье.

— Воды!

Слово вырвалось сиплым хрипом, обожгло пересохшее горло, заставило закашляться, но меня услышали и поняли. И даже сочли нужным исполнить просьбу.

Вода! Чистая вода! Ангелы небесные, до чего хорошо! Я жадно плотал, присосавшись к деревянному черпаку, потом без сил откинулся на подушку и шумно выдохнул. Голова закружилась, тени взвились и пошли кругом. Какое-то время удавалось балансировать на самой грани беспамьятства, а затем свет окончательно померк.

— Не сейчас!

Хлесткая пощечина вырвала из мягких объятий забытья, к губам вновь поднесли блюдце. И снова я не пожелал пить теплое молоко,

приправленное медом, маковым зельем и настоем лесных трав.

— Не надо...

— Тогда не спи! — потребовали от меня. — Не засыпай, слышишь?

— Слышу... — просипел я, пытаясь продраться через паутину беспомощности.

Меня ткнули ножом. Да! Клинок угодил в поясницу, и я, истекая кровью, полз неведомо куда. Потерял сознание и должен был умереть, но не умер. Не умер ведь?!

Я вздохнул поглубже и хрипло кашлянул; боль наждаком продрала нутро. Нет, не умер! Ни на небесные палаты, ни на пыточные заперелю мое нынешнее пристанище нисколько не походило. Неужели кто-то из добрых горожан наткнулся на истекающего кровью чужака, приволок к себе и взялся выхаживать? Чего только не случается в этой жизни!

Сил оторвать голову от подушки не было, да и темень комнату заполонила слишком уж непроглядная. Не видно было ни зги; взгляд различал лишь смазанные силуэты.

Тени, тени, тени. Одна из них разговаривала со мной и дала напиток. Молодая женщина или даже девушка. Голоса зачастую обманчивы, но женщина или девушка — точно, здесь ошибки быть не могло.

Я попытался подняться, но меня тут же скрутил приступ сухого кашля, а когда кое-как удалось подавить его и отдышаться, силы окончательно иссякли. На этот раз отказываться от молока я не стал.

Ночь или день. Беспомощность или свет. Тьма или боль.

Впрочем — нет, все было не совсем так. Вместо дня — утро, вместо света — густой полумрак, а боль затаилась и утихла, лишь изредка царапая своими острыми коготками спину. Я чувствовал себя гораздо лучше прежнего. Куда лучше, нежели того стоило ожидать.

И вновь колыхнулась одна из теней, мне приподняли голову и поднесли ко рту кружку.

— Пей!

Я послушался, и поток наполнил рот горечью травяного настоя. Напиток провалился вниз теплой волной, позволил немного расслабиться и отогнать уже подступивший к горлу кашель.

Напоив, целительница позволила мне опуститься обратно на подушку и отошла, враз растворившись в тенях; в темноте она ориентировалась словно сова. Я же почти ничего не видел, только различал слегка светившийся край неплотно задернутой шторы.

Попробовал вдохнуть поглубже и попытался распознать наполнявшие помещение запахи. Травы, травы, травы. Плотный и даже душный аромат множества трав властвовал здесь безраздельно. Да еще — запах болезни и вонь нечистот. Но это уже от меня.

Второй вдох разжег в груди огонь, меж лопаток заворочалась болезненная ломота. Меня скрутил приступ хриплого кашля; показалось, будто еще немного и выхаркаю собственные легкие, но рядом тут же возник женский силуэт. На этот раз я беспрекословно осушил блюдечко молока и в изнеможении распластался на тюфяке.

Спать! Ничего иного мне сейчас попросту не оставалось...

День. Свет. Слабость.

На этот раз в комнате оказалось непривычно светло; солнечные лучи проникали через забранные слюдяными пластинами оконца. Я с трудом оторвал голову от подушки и огляделся. Первое, что бросилось в глаза, — это висевшие на стенах пучки сушеных трав. Меж них хватало матерчатых мешочков, и весь этот, выражаясь ученым языком, гербарий наполнял помещение сонмом невообразимых ароматов и запахов.

А еще — окованные железом сундуки, монументальная печь с полатями, стол с кухонной утварью и полки, сплошь заставленные стеклянными бутылками и банками, глиняными кувшинчиками и горшочками, деревянными бочоночками. Больше всего хижина походила на обиталище знахарки. Да и куда бы еще приволокли раненого, если не к целительнице?

Я попытался перевернуться на бок и сползти с тюфяка, но в груди немедленно разгорелось жгучее пламя и легкие начал рвать невыносимый кашель. Пришлось повалиться обратно и замереть в ожидании, когда наконец минует приступ.

Скрипнула дверь, с улицы ворвались клубы морозного воздуха, закружились над полом, быстро развеялись. Хозяйка скинула длинную шубу, посмотрела на меня, осуждающе покачала головой и принялась разуваться. Затем наполнила из стоявшей на столе

кастрюльки глиняную кружку, подошла и дала напиток. Кашель отступил, и я с облегчением перевел дух.

Целительница оказалась совсем молодой еще девчонкой с волосами, отливавшими тусклым серебром, и льдисто-серыми, едва ли не бесцветными глазами. Невысокая, бледная и худенькая, в простом невзрачном платье. А вот лицо выглядело очень живым и выразительным, правда, сейчас его сковало непонятное напряжение. Узкая ладошка с длинными тонкими пальцами вытерла выступивший у меня на лбу пот; я собрался с силами и прохрипел:

— Где я?

Маска напряженного отчуждения треснула, в уголках девичьих глаз залегли смешливые морщинки.

— Здесь. Ты — здесь. Лежишь на тюфяке в моем доме.

Я был не в настроении шутить, каждое слово рвало легкие болью, разжигало в груди огонь, разливалось меж лопаток мерзкой ломотой. Ангелы небесные! Да что со мной такое?!

Несколько неглубоких вдохов помогли собраться с мыслями, и я продолжил расспросы:

— Кто ты?

Девушка задумалась и ответила далеко не сразу.

— Знахарка, — в итоге сказала она, а после явственной паузы добавила: — Меня зовут Марта.

Говорила знахарка на североимперском наречии чисто, но как-то слишком неуверенно, словно сначала фразы строились на каком-то другом языке. Ей определенно не хватало практики.

— Филипп, — представился я и слотнул, пытаясь избавиться от неприятной щекотки в горле, предвестницы сухого и злого кашля. — Как я сюда попал, фрейлейн Марта?

Из голубовато-серых глаз с необычайно крупными зрачками враз пропало всякое веселье. Марта поправила шерстяное одеяло и, глядя куда-то в сторону, произнесла:

— Я возвращалась из города, когда наткнулась на тебя. Ты истекал кровью. Замерзал.

Девичье лицо помрачнело, вспоминать о случившемся знахарке точно не хотелось. И я не мог ее за это осуждать. Все же не каждый день натыкаешься ночью на раненого незнакомца.

Важно было совсем другое: она не оставила меня умирать. Не бросила, хоть и могла, а выходила. Это дорогого стоило.

— Моя рана... — просипел я, тщетно пытаясь перебороть кашель. — Она...

— Зажила, — уверила меня Марта. — Но на ее лечение ушли все мои силы, а ты слишком ослаб и замерз, началась лихоманка и грудная холодянка. Летом я бы не допустила такого, а сейчас лес спит. Придется полагаться на отвары.

Названия болезней ни о чем не говорили, и оставалось лишь надеяться, что они не прикончат меня, как едва не прикончил загнанный в спину нож. А раны в пояснице я и в самом деле больше не ощущал, словно и не пропарывало плоть стальное острие.

— Лес спит? Тебе не хватает трав? — выдавил я из себя и стиснул зубы, из последних сил удерживая в себе кашель.

Марта странно глянула на меня, затем подтвердила:

— Именно так, — но подтвердила с едва скрываемой усмешкой, будто говорила с неразумным ребенком.

Не в силах больше сдерживаться, я принялся выкашливать собственные легкие, тогда знахарка отошла к столу. Вскоре она вернулась с теплым молоком, молча и решительно влила его мне в рот. Не подавился лишь чудом.

— Спи! — приказала Марта. — Тебе надо больше спать!

Я кое-как отдышался и спросил:

— Долго я здесь?

— Не слишком.

— А точнее? Какой сегодня день?

Думал, ответа уже не дождусь, но сквозь подступающую дремоту все же расслышал:

— Вчера начался стужень.

Миг я силился понять ответ знахарки, потом коротко выдохнул:

— Ангелы небесные!

Стужень! Народное название двенадцатого месяца!

Я провалялся в бреде без малого три седмицы!

На следующий день меня напоили куриным бульоном, наваристым и прозрачным. Изменение в рационе донельзя порадовало, иначе

желудок рисковал окончательно присохнуть к позвоночнику. Отощал ужасно.

Запив бульон травяным настоем, я выпростал из-под одеяла правую руку и посмотрел на едва ли не полупрозрачную кисть. Опустил ее, потряс, и перстень легко соскользнул с пальца, со звоном покатился по полу.

Марта подошла и, не говоря ни слова, убрала серебряную, с золотой накладкой университетского герба печатку на одну из полок.

— Я заплачу за лечение, фрейлейн, — пообещал я.

Та плянула на меня, и в льдисто-серых глазищах мелькнула несомненное веселье.

— Заплатишь, — кивнула знахарка так, будто иначе и быть не могло, обулась, облачилась в шубу и вышла за дверь. Насколько удалось заметить, снега там намело почти по колено.

Стоило бы подняться и хоть немного размяться, но по здравом размышлении я делать этого не стал. Пусть самочувствие и улучшилось, а приступы кашля сегодня почти не донимали, до полного выздоровления все же было еще далеко. Меня лихорадило, тело ломило.

Холодянка и лихоманка? Знать бы еще, что это за напасти...

Я попытался обратиться к незримой стихии, но нисколько в этом не преуспел, лишь закружилась голова. Для работы с эфиром следовало хоть немного окрепнуть.

Солнце начало клониться к закату, слюдяные окошки налились оранжевым сиянием, понемногу стали сгущаться тени. Со скрипом распахнулась дверь; Марта закатила внутрь заиндеветшую кадку, выставила ее у печи, вышла и вернулась с парой деревянных ведер. Вывалила заполнявший их снег в бадью и вновь скрылась на улице.

Я перевалился на бок, откашлялся и принялся с интересом следить за действиями девчонки. После кадки знахарка наполнила снегом котел и поместила его в печь, а некоторое время спустя слила кипяток в бадью и начала перемешивать его палкой. Затем рукой оценила температуру воды и поставила растапливаться очередную порцию снега.

Вскоре над кадкой за клубился пар, воздух в доме смягчился, запах трав усилился пуще прежнего. В отдельной кастрюльке Марта заварила какие-то ягоды, еловые иглы, листья и корешки, вылила

пахучий настой в бадью, и по комнате разошелся густой аромат хвои. После этого знахарка оценивающе взглянула на меня и принялась закатывать рукава платья.

Я спокойно выдержал взгляд льдистых глаз, про себя гадая, сколько же лет моей хозяйке. Ей с равным успехом могло оказаться и пятнадцать, и двадцать — едва ли больше и никак не меньше, — а вот точнее определить возраст не получалось. Лицо отличалось правильными чертами и показалось бы даже красивым, если б не его предельная худоба. Из-за этого линия подбородка выглядела излишне жесткой, а губы — слишком тонкими, ситуацию лишь отчасти скрашивали высокие точеные скулы. И глаза. Льдинки голубовато-серых глаз смотрели из-под светлых, практически белых волос на редкость пронзительно и строго. Слишком уж взросло.

— Сможешь встать? — спросила Марта, приблизившись.

Я хрипло закашлялся, отдышался и приподнялся, давая сползти с плеч одеялу.

— Смогу.

Ни ночной сорочки, ни исподнего на мне не было, но трудно придумать вещь более глупую, нежели стесняться человека, который обихаживал тебя в беспомощном состоянии, обтирал и делал невесть что еще. Я начал подниматься и сразу покачнулся, тогда Марта придержала, помогла устоять на ногах.

Девичьи запястья были тонкими, а руки будто прутики, но хрупкость оказалась мнимой — знахарка без всякого труда довела меня до бадьи и помогла усесться внутри. Я поместился в кадке, из воды остались торчать лишь торс и колени.

Хорошо!

Марта вручила мне кусок мыла и жесткую мочалку, а сама выволокла на улицу тюфяк. Вскоре девчонка вернулась с грязным покрывалом, кинула его у порога и потребовала:

— Мойся! Вода остывает.

Я не без сожаления сбросил оцепенение, стал намыливать плечи и спросил:

— Мы ведь не в городе? Далеко до него?

На эту мысль натолкнула тишина. Она не была абсолютной, время от времени где-то поблизости кричал петух, а если прислушаться, получалось разобрать козье бляенье, но в остальном никаких

привычных уху звуков не раздавалось. Ни криков лоточников и колокольного звона, ни лошадиного ржания и стука копыт по мостовой.

— До города? — Марта испытующе посмотрела на меня и пожала плечами. — Часа полтора на повозке ехать. Через лес.

Девчонка принялась готовить для меня новый тюфяк, а я завел руку за спину и попытался нащупать рану на пояснице, но от той не осталось и следа. Даже рубца не смог нашарить, будто удар ножом всего лишь привиделся.

Закончив с тюфяком, знахарка сунула мне полотенце; я кое-как обтерся и вернулся на свое место уже без посторонней помощи, словно помывка неким чудесным образом придала сил. Даже кашель на время перестал беспокоить.

Закутавшись в одеяло, я почувствовал себя заново родившимся и, к немалому своему удивлению, ощутил голод. Марта принесла миску бульона, где на этот раз обнаружилось немного лапши и две половинки вареного яйца, а в завершение трапезы вручила мне кружку подслащенного медом травяного настоя.

За окном окончательно сгустились сумерки, в комнате стемнело, но ни лучин, ни свечей Марта зажигать не стала. Послышался шорох платья, мелькнуло в полутьме что-то белое, легонько плеснула в бадье вода.

Я не стал подглядывать и закрыл глаза. Хотелось спать, да и в любом случае было слишком темно...

На следующее утро разбудило пение. Негромкое и приятное, оно вырвало меня из дремоты, заставило встрепенуться, продрать глаза и оглядеться по сторонам.

Пела Марта. Она сидела у окна, напевала что-то негромко и штопала дыру на пропоротом ударом ножа плаще. Выстиранное и починенное белье, рубаха и штаны уже лежали рядом с тюфяком.

— Разбудила? — огорчилась девчонка, заметив мое движение.

— Вовсе нет, — уверил я ее.

Голос знахарки был весьма мелодичным, ее пение и в самом деле нисколько не мешало. Но Марта замолчала, лишь продолжила что-то едва слышно мурлыкать себе под нос.

Я натянул исподнее, затем уселся на тюфяке и выгнулся, разглядывая поясницу. Удар ножом не был наваждением: на коже белел шрам, очертаниями отдаленно напомилавший запятую. След смещался вниз и в сторону, как если бы я сам расширил рану, разворачиваясь к убийце. Именно к убийце! По всему выходило, что нож проткнул почку, ранение, вне всякого сомнения, было смертельным.

Святые небеса! Не наткнись на меня знахарка, давно отпели бы и закопали в мерзлую землю! Немудрено, что нападавший не стал тратить время на то, чтобы добить. Дело было сделано одним-единственным ударом. Но кто и за что?

И как умудрилась знахарка поставить меня на ноги? Никакие целебные травы не смогли бы заживить рану столь быстро. Три седмицы для подобного ранения не срок.

Я хотел было справиться о своем необъяснимом исцелении, но вновь начался приступ кашля. На этот раз — не сухого и рвущего болью легкие, а влажного, рот наполнился мокротой. И что делать? Не плевать же на пол?

Я начал перебирать одежду в поисках носового платка; Марта поняла мои затруднения и подсказала:

— У двери.

Прошлепав босыми ступнями по холодным доскам, я заглянул в небольшой закуток и обнаружил там наполненное свежим снегом ведро. Сплюнул в него мокроту, затем использовал по прямому назначению, помочившись. Поясницу со стороны проткнутой почки неприятно кольнуло, закружилась голова.

Я оперся на стену и немного постоял так, после вернулся на тюфяк. Прогулка в пару десятков шагов оставила без сил, но удивляться этому не стоило — отошал просто жутко. В нынешнем состоянии меня легко возьмут экспонатом в любой анатомический музей.

Рядом со сложенной аккуратной стопкой одеждой обнаружился подсумок с книгой о ментальном доминировании, туда же моя хозяйка убрала кошель. Я распустил тесемки и сказал:

— Сколько с меня за лечение?

Марта лишь фыркнула.

— Куда-то собрался, колдун?

Колдун? Ах да! Она же видела перстень...

Я кинул кошель на тюфяк, натянул через голову рубаху и сообщил:
— Пойду в город.

Девчонка скривила гримасу нарочитого удивления.

— Пешком? Не пройдешь и половины пути! Замерзнешь в лесу!

Я припомнил, какого труда стоило дойти до входной двери, и поморщился. Но отказаться от своей затеи и не подумал. И без того слишком много времени потеряно впустую.

— Никто не возьмется меня довести? Я хорошо заплачу!

— Кто?! — фыркнула знахарка. — Здесь кругом только медведи да волки!

Я захлопал глазами в неприкрытом изумлении.

— Так это не хутор? Ты что же, живешь посреди леса совсем одна?

— А где еще жить ведьме, скажи на милость?

Ответ знахарки вверг меня в ступор. Ведьма? Она — ведьма?!

Зачесалась поясница, я непроизвольно потер то место, где была рана, и неуверенно улыбнулся.

— Ты ведь шутишь, да?

Марта ничего не ответила, отложила шитье и отошла к печи, выудила ухватом чугунный горшок и позвала меня за стол.

— Иди завтракать. А то смотреть больно, одни кожа и кости. А нам, лесным ведьмам, нравятся упитанные. В них мяса больше.

Я подумал-подумал и отказываться от приглашения не стал. Не на убой же меня, в самом деле, откармливают. В этом случае лечить попросту не требовалось — бери и разделявай, отрезай лучшие куски. Уже даже кровь спустили.

При этой мысли меня передернуло.

Завтракали пшеничной кашей с топленным маслом, белым хлебом и залитыми медом лесными орехами на десерт. Не обошлось и без травяного настоя, а вот теплым молоком хозяйка меня потчевать уже не стала.

Хоть я и был голоден как волк, есть старался без спешки, настороженно прислушиваясь к желудку, но организм принял пищу без неожиданностей и никаких неприятных сюрпризов не преподнес. Под конец трапезы я вновь завел разговор об оплате лечения.

— Сколько с меня, фрейлейн?

— Потом! — беспечно отмахнулась Марта и стала убирать со стола грязную посуду.

Я поднялся на ноги и неожиданно обнаружил, что ростом девчонка уступает мне от силы на половину головы, а впечатлению хрупкой малышки обязана исключительно худобе и очень бледной коже. Она словно состояла из сплошных углов, и даже белые волосы торчали во все стороны неровно подстриженными прядями.

Не приходилось удивляться тому, что горожане полагали ее ведьмой. Но настоящая ведьма... Нет, не может быть!

Решив убедиться наверняка, я воспользоваться истинным зрением, и Марта резко обернулась, будто мой взгляд уколол ее в спину. Льдисто-серые глаза гневно сверкнули.

— В могилу себя свести решил, колдун? — возмутилась она.

Я ничего не ответил. Просто не смог. Меня скрутил жесткий кашель, комната закружилась перед глазами, пол заходил ходуном. Я кое-как доковылял до ведра и долго отхаркивал мокроту. Потом улегся на тюфяк и нисколько не удивился, когда знахарка принесла горячего молока с медом и невесть чем еще.

Без пререканий осушив глубокое блюдо, я какое-то время смотрел на качающийся потолок и сам не заметил, как уснул.

3

Очнулся я от вязкой липкой дремоты уже под вечер, когда за окном стемнело и хозяйка запалила лучины. Поначалу вслушивался в негромкое пение, затем сказал:

— Завтра пойду в город.

Дневной сон прогнал усталость; я почувствовал себя бодрым и полным сил.

Марта в ответ на мои слова лишь рассмеялась.

— Завтра будет буран, — сообщила она, будто знала погоду наперед.

— С чего ты это взяла?

— Ты говоришь с ведьмой, забыл? — В глазах льдисто-серого оттенка весело сверкнул отблеск горячей лучины.

Я воздержался от расспросов, не желая лезть в чужую жизнь. Завтра я уйду из этого дома и не вернусь сюда никогда, надо только

расплатиться за лечение и собрать вещи. С этого и решил начать.

— Это все, что было со мной, фрейлейн Марта? — спросил я, указав на стопку одежды и подсумок.

— Меч и кинжал — на полке у двери, — подсказала знахарка, взяла ухват и вытащила из печи горшок. Пахло варево весьма аппетитно.

Я сплотнул слюну и непроизвольно покрутил левым запястьем. Не ощутил привычной тяжести и забеспокоился:

— А четки? Янтарные четки с символом веры? Не видела их?

Марта пожала худыми плечами.

— Должно быть, слетели по дороге. Было темно, я не заметила. Дорогие?

— Семейная реликвия.

— Мне жаль.

— Брось! — махнул я рукой. — Ты спасла мне жизнь! Это бесценно!

— Что бесценно, то ничего не стоит, — печально улыбнулась знахарка, вдруг показавшись старше своих лет, задумчиво потерла переносицу и указала на подсумок. — А там ты смотрел? Кажется, я убирала какие-то бусы...

Бусы?! Я принялся рыться в подсумке и — о чудо! — на самом дне отыскал заветные четки с одним оплавленным янтарным зерном и золотой семиконечной звездой с извилистыми лучами.

— Да! Вот они!

Марта улыбнулась и позвала:

— Иди ужинать, колдун.

По имени она ко мне упорно не обращалась.

Колдун и ведьма? Ну-ну...

Утро выдалось ясным. Сняв толстенный брус, я приоткрыл дверь, вдохнул морозный воздух и сразу закашлялся. Было свежо; солнце бесцветным пятном горело на безоблачном небе, на снегу сияли ослепительные искорки, не виднелось ни облачка.

Идти через заснеженный лес несколько не хотелось, но, если не отправлюсь в путь прямо сейчас, снегопады заметут перевалы Тарских гор и в Сваами попаду только с приходом тепла. А это неприемлемо! Я кровь из носу должен сохранить расположение

епископа Вима. Его преосвященство имеет все шансы войти в круг курфюрстов, а заступничество столь влиятельной персоны заставит спасовать даже Гепарда. Вице-канцлер уже понизил меня до магистра-надзирающего; кто знает, что придет в голову злопамятному гаду в следующий раз? А если он, не приведи небеса, возглавит Вселенскую комиссию, тогда и вовсе в порошок сотрет. Без высоких покровителей придется лихого.

К тому же не терпелось ознакомиться с трудом «Размышления о нереальности нереального». Возможно, на страницах этой книги скрывался ответ на вопрос, что именно разожгло в душе профессора Костеля опрометчивое стремление обуздать одного из князей запределья. Я питал надежду, что еретический труд поможет вникнуть в суть его замысла, ведь всех тайн самоуверенный глупец не раскрыл ни одному из своих учеников. Основная канва злополучного действия не составляла секрета, но детали ритуала Роберт Костель не разглашал никому и держал их в голове, не доверяя ни школярам, ни бумаге. Магистры Вселенской комиссии перевернули его квартиру вверх дном, но так и не отыскали ни дневника, ни каких-либо черновых записей и расчетов.

Долг и любопытство влекли на север, да и не дожидаться же в этой глуши прихода весны! Так и рехнуться недолго!

— Иди завтракать, колдун! — позвала меня знахарка.

Смолотив четыре сваренных вкрутую куриных яйца и пару бутербродов, я напился травяного настоя и развязал кошель. Высыпал на стол монеты, разделил ладонью на две неравные части, меньшую вернул обратно. Помимо серебра у меня оставались еще два золотых, голодать не придется.

— Возьми. Это плата за лечение, — сказал я знахарке.

Фрейлейн Марта изогнула бровь и спросила:

— Куда-то собрался?

Я натянул свитер, взял стеганую куртку и спросил:

— Покажешь дорогу в город?

Голубовато-серые глазищи заискрились неподдельным весельем.

— Покажу, — улыбнулась знахарка и протянула мне вязаный шарф. — Возьми, горло простудишь.

— А как же ты? — заколебался я.

— Пустяки, — отмахнулась девчонка. — Вернешься — отдашь.

— Я не собираюсь возвращаться.

— Тогда оставишь себе, — легкомысленно пожала плечами Марта, обулась и принялась застегивать крючки длинной шубы. Мне так и не удалось понять, шутит она или говорит всерьез.

Я замотал шею шарфом, надел плащ, шапку и взял подсумок.

— Меч не забудь, колдун, — напомнила девчонка. — И кольцо.

И точно — печатка лицензиата тайных искусств так и лежала на полке. Опасаясь, как бы перстень не слетел с похудевшего пальца, я сунул его в мешочек к остальным кольцам, натянул варежки и подпоясался оружейным ремнем.

Фрейлейн Марта оценивающе посмотрела на меня и покачала головой, но ничего говорить не стала, распахнула дверь и первой вышла в огороженный высоким частоколом двор. Сбоку к дому приткнулась пристройка, где содержалась живность. С другой стороны стоял сарай, дальше из снега торчала жердь колодезного журавля.

И кругом — лес. Высоченные ели вставали настоящей зеленой стеной; дом оказался выстроен на небольшой прогалине.

— Идем! — позвала меня знахарка.

Ворота замело, со двора мы вышли через калитку. За голенища сапог посыпался снег, стало сыро и холодно. Идти куда-либо незамедлительно расхотелось, но я не повернул назад, не сбежал в уют теплого дома и решительно потопал дальше.

Под соснами снега оказалось немногим меньше; фрейлейн Марта довела меня до поляны с кряжистым дубом и указала на облетевшее дерево.

— Запомни его, колдун. Заблудишься — всегда сможешь вернуться. Оглянись — отсюда виден дом.

Я вежливо улыбнулся и спросил:

— И куда мне теперь?

— Туда, — указала знахарка на прогалину между деревьями. — Держи солнце за правым плечом. Через полчаса начнется овраг, иди вдоль него до камышей. Напрямик через болото не суйся, забирай к деревьям. К этому времени уже увидишь черную скалу, равняйся на нее, но на сам холм подниматься нет нужды, обогни по склону.

— А дальше?

— А дальше будет дорога. Тебе направо, — сообщила девчонка и невесть чему загадочно улыбнулась. — Удачи, колдун! — помахала она на прощанье, развернулась и зашагала к дому.

Я глянул вслед знахарке и неожиданно для себя крикнул:

— И никакого бурана, как видишь!

Фрейлейн Марта лишь покачала головой, даже не обернулась. И я остался один в зимнем лесу. Ощущение было... неприятным.

Некоторое время я озирался по сторонам, затем непонятно для чего потянул носом воздух и обратил внимание на снег, пестревший заячьими и птичьими следами. Волчьих видно не было, что, впрочем, еще ни о чем не говорило.

Святые небеса!

Я коротко помолился, поцеловал звезду на четках и двинулся в путь. Солнце за правым плечом, кругом высоченные сосны и разлапистые ели, да еще тут и там торчат голые ветви кустов и сухой бурьян. И снег, снег, снег...

Очень скоро я начал со все большим трудом выдирать из глубоких сугробов сапоги и был вынужден замедлить шаг. Ну да ничего — на пару часов моих сил точно хватит, главное — в лесу не заплутать.

В чашобу солнце толком не заглядывало, приходилось ориентироваться на тени деревьев. Те перекрещивались и путались, время от времени я оборачивал и посматривал через плечо. Заодно прислушивался к шорохам и скрипам зимнего леса. Крупное зверье на глаза не попадалось, лишь изредка мелькали меж ветвей птицы, да еще где-то неподалеку выстукивал задорную дробь дятел.

Вскоре деревья расступились, и я вышел на небольшую поляну, поискал взглядом камыши, а вместо них углядел приметный дуб. Тот показался злобным сутулым великаном, сторбившимся под гнетом выросших на нем снежных шапок.

Ангелы небесные! Меня угораздило сделать круг и вернуться к дому ведьмы! В сердцах выругавшись, я развернулся и вломился в лес, дав себе зарок на этот раз следить за положением солнца на небосводе куда внимательней, нежели прежде. Это оказалось не так-то просто. Ноги беспрестанно проваливались в рыхлый наст, за голенища набился снег, дыхание вырывалось облачками пара, под носом и на шарфе намерзли настоящие сосульки. Да еще, ко всему прочему,

вернулся кашель, разнылось проткнутое Угрем бедро, начало неприятно покалывать поясницу.

Выбиваясь из сил, я упорно шагал меж деревьев и при этом не забывал оценивающе поглядывать на небо. Солнце — за правым плечом, пусть и затянутое пеленой серых облаков, но там, где ему и полагается быть. Это хорошо.

Замечательно просто, чего никак нельзя сказать о возникшем невесте откуда дубе! Проклятье! Я опять заблудился и вернулся на эту клятую поляну! Да что тут творится?!

Усилием воли я подавил вспышку бешенства и прислушался к собственным ощущениям. Блуждания по лесу порядком вымотали, а ноги промокли и замерзли, но это не смогло удержать меня от третьей попытки отыскать дорогу.

На этот раз я решил действовать наверняка, закрыл глаза и какое-то время стоял, растворяясь в атмосфере зимнего леса. Памятуя о недавней неудаче, рывком погружать себя в транс не рискнул и стал медитировать, соприкасаясь сознанием с незримой стихией медленно и неторопливо. Сработало! Мир дрогнул и раздвоился, реальность окрасили неведомые простецам оттенки, тени стали прозрачней, сделалось видимым медленное движение эфирных полей.

Да! Теперь не заплутаю!

С тревогой глянув на расплзшуюся по небу пелену облаков, я срезал кинжалом прочную палку и захромал прочь, тяжело наваливаясь на импровизированный посох. Раненая нога ныла и подгибалась, легкие рвал кашель, в ушах премерзко звенело. Понемногу начинала кружиться голова, и я брел, брел и брел, уже нисколько не заботясь о положении солнца на небосклоне. Сейчас это не имело ровным счетом никакого значения: я сохранял общность с незримой стихией и отслеживал свой путь по взбаламученному эфиру. Чувства обострились до предела; были прекрасно слышны шорох снежинок, скрип сосновых стволов, гул ветра. Да еще откуда-то издали донесся волчий вой. Не страшно! Теперь я не начну петлять, теперь выйду точно к дороге...

Но вышел я в итоге на всю ту же опостылевшую поляну. Дуб уставился на меня с нескрываемой усмешкой, трещины на его серой коре кривились в зловещих ухмылках. Невозможно!

Я едва не вылетел из транса, но вовремя успокоил дыхание и пробежался мысленным взором по расчертившему незримую стихию следу. Неведомым образом он оказался закольцован. Как так?! Я ведь никуда не сворачивал! Что за шутки?!

Почудился чей-то равнодушный взгляд, и не взгляд даже, а просто *внимание*, и по спине побежали мурашки. Лес! Это все клятый лес! Это он водит меня по кругу!

Усилием воли я прогнал суеверный страх, недостойный образованного человека, тяжело вздохнул и, едва переставляя ноги, заковылял к дому ведьмы. На поиски дороги не осталось ни времени, ни сил. Начинался буран.

— А ты упорный, колдун, — поприветствовала меня фрейлейн Марта, стоило переступить через порог. — Садись за стол. Только дверь запереть не забудь.

Я стянул шапку и плащ, растер покрасневшие щеки и спросил:

— Откуда знала? Ты ведь наперед знала, что вернусь? Откуда?!

— Я ведьма, забыл? — холодно улыбнулась знахарка, разливая по тарелкам наваристую похлебку. Оставленные монеты так и лежали на краю стола.

— Это не ответ! — возразил я, снял сапоги, избавился от промокших чулок и принялся негнущимися пальцами расстегивать куртку.

Девчонка плюнула на меня с нескрываемой усмешкой и пожала костлявыми плечами.

— Лес спит. Хранители не любят, когда его беспокоят, а они мастера запутывать дорогу и водить кругами.

Я нахмурился.

— Хранители?

— Духи леса, — спокойно сказала знахарка и улыбнулась. — Только не спрашивай, откуда я знаю...

Спрашивать я ни о чем не стал, заложил брусом входную дверь и уселся за стол.

— Сможешь вывести меня отсюда?

Марта покачала головой.

— Лес спит, духи меня не послушают. Только не зимой. — Она протянула ложку и скомандовала: — Ешь! Тебе надо согреться!

С этим было не поспорить — озяб просто ужасно. Я с несказанным наслаждением похлебал горячего, и нос моментально наполнился соплями. Сходил к ведру высморкаться, вернулся за стол, и хозяйка тут же сунула кружку травяного настоя.

— Пей! Еще не хватало, чтобы холодянка вернулась. Второй раз на ноги тебя могу и не поставить!

— Благодарю, — пробормотал я, делая осторожный глоток.

— И деньги заberi. Потом сочтемся.

Я кивнул и неловкими пальцами принялся собирать со стола монеты.

На улице все сильнее гудела вьюга, она шуршала по крыше снежинками и билась в закрывавшие окна ставни. Дом легонько подрагивал, и оставалось лишь радоваться, что разум возобладал над упрямством и я не стал продолжать бесцельные блуждания по лесу. А то бы замело...

Глава 2

1

Мело двое суток подряд. Метель не ослабевала ни днем, ни ночью, ветер выл и стонал, рвал крышу, сек стены холодным крошевом снежинок. Я сидел в тепле и медленно сходил с ума. Знахарка готовила еду, чинила одежду, разбирала запасы сушеных трав и ягод, заботилась о живности, а мне за все это время лишь выпало несколько раз сходить в дровяник да вынести на помойку ведро.

И чем дальше, тем яснее накатывало понимание: если застряну здесь до весны, то неминуемо свихнусь. Пробовал читать труд о ментальном доминировании, но из-за тусклого света моментально разболелась голова и принялись слезиться глаза. Зверем в клетке — вот кем я себя ощущал. Диким зверем в клетке.

Дабы хоть как-то развеяться, я обошел весь дом, разве что не забрался на чердак и не спустился в подпол. Осмотрел травы и сушеные ягоды, заглянул во все шкафы с горшочками, оценил добротную мебель. Та была сколочена из потемневших от времени досок, ей явно пользовалась не один десяток лет. Да и сам дом выстроили задолго до появления на свет моей спасительницы.

Когда совсем припекла скука, я несколько раз отжался от пола, с трудом подтянулся на балке и даже слегка проработал пресс. Фрейлейн Марта смотрела с усмешкой, но никак мои упражнения не комментировала. Я был ей за это благодарен.

Ангелы небесные! Почему только знахарка не оставила меня в городе? Зачем привезла к себе? Впрочем, во мне говорило раздражение, а никак не здравый смысл. Стоило кланяться девчонке в пояс, что она не проехала мимо, а озаботилась взять с собой и выходить. Кто бы занимался мной в городе? Да и убийца не упустил бы возможности завершить начатое ударом в спину.

Меня передернуло.

Когда к вечеру второго дня гул ветра пошел на убыль, я сходил в сарай за дровами и не преминул заметить:

— Буря стихает.

Знахарка прищурилась.

— Так не терпится повторить попытку?

Я кивнул, не видя смысла лукавить и таиться. Тогда фрейлейн Марта отложила куклу, которую плела из разноцветных нитей, и поинтересовалась:

— И если получится, что тогда? Донесешь обо мне книжникам?

Книжникам? Употребление этого слова в столь архаичном значении неприятно резануло слух. Имперские книжники во времена оные выискивали знающих людей и приносили их в жертву своему ненасытному солнечному божеству. Некоторые сумасброды полагали Вселенскую комиссию наследниками тех кровожадных фанатиков, но правда заключалась в том, что мы никого и никогда не тащили на костер. И даже топили в проточной воде отступников далеко не столь часто, как об этом болтали досужие сплетники.

— Следовало бы, — вздохнул я, — но нет, не донесу. Я перед тобой в долгу.

— Следовало бы? — Девчонку подбросило, словно в тощий зад шилом кольнули. — Тебе так хочется увидеть, как меня топят в пруду?

— Наоборот, — покачал я головой. — Мне очень не хочется, чтобы с тобой случилось что-нибудь подобное. Поэтому чем раньше ты получишь лицензию, тем лучше. Необученный колдун опасен и для окружающих, и для себя самого. И потом: что значит — донесу? Местные ведь знают о тебе, так?

Марта неопределенно покачала головой и задумчиво намотала на палец локон серебристых волос.

— Для всех я простая травница. Бабка запрещала рассказывать о силе. Ты первый, кому я открылась.

— О! И почему же?

— Да ты и сам бы понял. Ты колдун.

Я почувствовал себя неловко, но сразу переборол смущение и попросил:

— Встань, пожалуйста.

Фрейлейн Марта насторожилась.

— Зачем еще?

— Хочу оценить твоё эфирное тело. Вдруг ты никакая не ведьма.

— А твоя рана?

— Чудеса случаются, — усмехнулся я. — Ну?

Девчонка отложила рукоделие и вышла на середину комнаты, неведь чему смутилась и принялась теревить поясok платья. Бледные щеки раздумянились, на шее отчаянно забилаcь жилка.

— Стой спокойно, — потребоваo я, закрыл глаза и задышал размеренно и ровно, неторопливо и без всякой спешки вгоня себя в транс. Медленно, очень медленно и плавно, но и так почти сразу что-то липкое и теплое потекло по верхней губе.

Что-то? Да кровь это. Кровь. Вчерашние блуждания по лесу даром для меня не прошли.

— У тебя... — встревожилась Марта, и я вскинул руку, призывая ее к молчанию.

Поначалу окружающая действительность проступила через зажмуренные веки полупрозрачными силуэтами, затем налилась неведомыми цветами, а под конец обрела материальность истинной реальности.

Аура знахарки оказалась необычайно яркой, и одновременно она выглядела болезненно истонченной. Призрачное сияние слепило, мешая различить детали, но местами виднелись лакуны, а по краям будто бы тянулась истрепавшаяся бахрама.

Я этому обстоятельству ничуть не удивился. Деревенские ведьмы редко умеют правильно расходовать магическую энергию и либо погибают от истощения эфирного тела, либо начинают тянуть жизненные силы из окружающих. И тоже погибают, но уже сброшенные с моста с камнем на шее. Первым делом всех адептов тайного искусства учат именно использованию внутренних сил — это основа основ любого обучения.

Усилием воли я вырвал себя из трансa, зажал пальцами нос и отошел к раукомойнику. Умылся, затем под звон в ушах доковылял до тюфяка, улегся и прикрыл глаза. Мне было нехорошо.

— И что? — с нетерпением спросила Марта. — Что ты увидел?

— Тебе надо учиться.

— А ты? Ты сможешь меня научить? Ты же колдун!

— Нет, — коротко ответил я.

Девчонка расстроено шмыгнула носом, но постаралась скрыть разочарование и переубедить меня не попыталась. Я этому только порадовался. Обучение в частном порядке неминуемо повлечет за собой самое серьезное взыскание, ведь придется иметь дело не только

с коллегами, но и с церковными властями. Не говоря уже о том, что учитель несет полную ответственность за любые действия ученика. Я к такому готов не был. Как, впрочем, и не собирался задерживаться в лесу на срок, достаточный для преподавания Марте хотя бы азов тайного искусства.

Как только закончится вьюга, я уйду. Как только кончится вьюга...

2

Снег перестал валить ночью, к утру ветер окончательно стих и прояснилось небо. Я позавтракал, поблагодарил Марту за заботу, собрал вещи и вышел на улицу. Насупленная девчонка не сказала на прощанье ни слова. То ли обиделась за вчерашний отказ, то ли просто не верила, что у меня хватит решимости пробраться через заснеженный лес.

И напрасно — я был настроен серьезней некуда, и щипавший ноздри морозный воздух меня смутить не мог. Смутил меня снег. Его навалило по пояс, и был он весьма и весьма рыхлым. Я кое-как продрался через сугробы к поляне с уснувшим до весны дубом, чья грубая кора казалась морщинистой кожей, а сучковатые ветви наводили на мысли о жутких щупальцах. Там постоял немного, да и двинулся в обратный путь.

Святые небеса! Сейчас не помогут даже снегоступы! Нечего и думать о вылазке, пока ветер не наметет прочный наст, а зверье не проложит в лесу свои тропки.

Пока вернулся, взмок. Да еще начался кашель; всякий раз в груди словно взрывалась ручная бомба. Из носа текло, голову ломило, и оставалось лишь надеяться, что дело в банальной простуде, а вовсе не в холодянке, какую бы дрянь эта напасть собой ни представляла...

Марта столь поразилась моему скорому возвращению, что даже позабыла об игре в молчанку.

— Так быстро? — округлила она в непритворном удивлении глаза.

— Как видишь, — не слишком вежливо проворчал я и расстегнул оружейный ремень.

— Не уйдешь сегодня?

— Нет, — покачал я головой после недолгих раздумий, — не уйду.

Знахарка тут же вручила мне широкую деревянную лопату и потребовала:

— Тогда отработывай постой, колдун.

Чувствовал я себя, откровенно говоря, погано, но не ударил в грязь лицом и отправился на улицу расчищать тропинки к деревянному сараю и пристройке с живностью. Провозился до полудня и вернулся, от усталости едва переставляя ноги.

Фрейлейн Марта уже накрывала на стол, но прислушалась к моему кашлю и принялась отмерять в заварочный чайник какие-то травы.

— Будто дите малое, — ворчала она себе под нос, заливая сбор кипятком. — Нет бы побережись...

Я предпочел сделать вид, будто ничего не расслышал. Не чувствуя вкуса, вылебал суп и сжевал жесткий кусок вареной солонины, потом мелкими глотками выпил травяной настой и улегся на тюфяк. Меня начало лихорадить, прошиб горячий пот.

Подошла Марта, присела рядом и потянула подол своего не по росту короткого платья, целомудренно прикрывая костлявые коленки.

— Почему ты не можешь научить меня? Ты же колдун!

Я подавил обреченный вздох и произнес, постаравшись никак не выказать раздражения:

— Тайным искусствам учат в университетах. Там, и только там.

Знахарка поджала губы, и резкая линия подбородка стала еще жестче обычного, а скулы заострились.

— Не смей меня, колдун! Как попасть в университет неграмотной простолюдинке без гроша за душой?! — зло спросила она.

— На факультет тайных искусств берут всех, нужен лишь талант, — отмахнулся я и тут же приподнялся на одном локте. — Постой, ты разве не умеешь читать?

— Откуда?

— Ну вот с этим я помочь могу.

О чернилах и писчей бумаге спрашивать и в голову не пришло; я велел принести разделочную доску и посыпать ее мукой. Пальцем нарисовал букву «А», назвал ее и велел повторить. Девчонка все схватывала на лету, и незаметно я увлекся, даже позабыл о кашле и текущих из носа ручьях.

Занимались мы грамотой, пока на улице окончательно не стемнело. Тогда знахарка закрыла ставни, напоила меня бульоном и

отваром разных трав и велела ложиться спать. Сама в неровном свете лучин занялась домашними делами. Проваливаясь в сон, я слышал ее негромкую песенку.

Марта впитывала знания будто губка. Хоть осваивала она грамоту исключительно в перерывах между хлопотами по хозяйству, но за две седмицы выучилась вполне сносно читать. Мое самочувствие оставляло желать лучшего, и о походе в город пока не приходилось даже думать. Я лечил кашель горькими отварами лесных трав, обучал знахарку письменности и счету, а в свободное время штудировал труд об управлении чужим сознанием. Сочинение оказалось небезынтересным, и я почерпнул там для себя много нового, кое-что даже применил на практике.

Нет, оказывать воздействие на Марту даже не пытался, усилия сосредоточил на проработке своих ментальных щитов и блоков. А еще выставил несколько якорей, призванных сигнализировать о воздействии на сознание чужой воли. Защитить они не могли, скорее, служили эдакими узелками на память. Просто наметил несколько поступков, совершать которые я не намеревался ни при каких обстоятельствах, и несколько вещей, отказаться от которых позволить себе попросту не мог.

И были это вовсе не фундаментальные моральные базисы, а второстепенные моменты, призванные резануть своей неправильностью и дать понять: «Э-э-э, братец! Да ты не в своем уме!»

К примеру, стремление испить человеческой крови само по себе подтолкнет к мысли об одержимости некоей сверхъестественной сущностью. Тут даже сомневаться не придется. А вот если поставлю на первое место карьеру и позабуду о стремлении вырвать из заповедья душу несчастного братца, если слишком уж разоткровенничаюсь о вещах, которые лучше и не вспоминать вовсе, если решу принять мессианство, поучаствовать в заговоре против светлейшего государя или просто уйти в отшельники, — вот тогда будет самое время проверить, не покопался ли кто-нибудь в моей голове. Чернокнижники на подобные пакости большие мастера...

Когда за окнами темнело и глазам переставало хватать света, я откладывал трактат о ментальном воздействии и брался за плетение снегоступов из заранее заготовленных ивовых прутьев. Ошибки на то и нужны, чтобы на них учиться. Барахтаться по пояс в сугробах в мои планы больше не входило.

Спешить в любом случае было некуда. Бушевавший несколько дней буран наверняка замел все перевалы, и до весны на ту сторону Тарских гор теперь точно не перейти. Осознание этого прискорбного обстоятельства изрядно действовало на нервы, но поделаться тут ничего было уже нельзя. Человек предполагает, а Вседержитель располагает. Все мы в руках Его.

Изредка я устраивал вылазки в лес, понемногу разведывал дорогу в город и оставлял путеводные зарубки на деревьях. Всякий раз Марта недовольно хмурилась, пока однажды не попросила остаться в доме.

— Скоро Йоль, — напомнила она. — В лесу небезопасно. Духи в эту пору злы и не терпят смертных.

— Не беспокойся, Марта, — беспечно улыбнулся я. — Что они сделают колдуну?

Девчонка шмыгнула носом и отвернулась, а я отправился на прогулку, отнюдь не испытывая уверенности, что поступаю правильно.

Йоль — последняя и самая длинная ночь в году. Ночь, когда по миру гуляют духи и позабытые божества. Просвещенному человеку не пристало верить в подобные рассказы, но некоторым существам нет никакого дела до того, верят в них или нет. Их не волнуют убеждения смертных, их заботят исключительно кровь и плоть, а еще — людские души. Последняя седмица года считалась временем темным и опасным даже в обжитых землях, что уж говорить об этом медвежьем углу?!

Нервно передернув плечами, я глянул на затянутое облаками небо и закрепил на сапогах снегоступы. Было пасмурно, солнце день ото дня всходило над горизонтом все ниже и ниже, оно недолго светило и почти сразу ныряло обратно за сосны, погружая мир в темно-серый полумрак. В подобное время рассказы о *прежних*, Дикой охоте, лесных духах, позабытых божках и неведомых демонах уже не воспринимались нелепыми байками. В такое время они пробирали

буквально до печенок — пусть ты и патентованный колдун, чего только не повидавший на своем веку...

Скрепя сердце я вышел со двора и направился к давешней поляне. На открытом пространстве нанесенный ветром наст держал мой вес и не проламывался, а вот под деревьями снег был куда более рыхлым, идти там становилось заметно сложнее. Но углубляться в лес расхотелось вовсе не по этой причине.

Слишком уж сегодня было темно и тихо в чащобе. Гнетущая атмосфера давила буквально физически, да еще вдалеке почудился отблеск костра. И, показалось мне или нет, но огонь имел те невыразимые оттенки, для которых нет названий в словаре простецов. Несмотря на полнейшее безветрие, голые ветви дуба шевелились, по снегу от них тянулись противоестественно черные тени, а само дерево представилось вдруг могучим великаном, властвовавшим над всей округой.

Шорохи и мертвая тишина, обрывистые движения и полнейшая неподвижность. Этого мне хватило с лихвой. Волосы на затылке встали дыбом, а меж лопаток побежали колючие мурашки. Я попятился, затем развернулся и поспешил прочь. Над лесом разлетелось раскатистое воронье карканье, и я ускорил шаг, начал даже продираться напрямик через кусты, но вывалился из них не у дома Марты, а у зловещего дуба.

Ангелы небесные, да что за напасть?! Здесь же заблудиться ну никак невозможно!

Небо над поляной потемнело, налилось ночной чернотой, и на этом бархатном фоне полуприкрытым серебряным глазом засияла растущая луна. В лесу подул ветер, поднялась поземка, деревья закачались, а кусты будто сплелись ветвями, образуя непреодолимую преграду. И еще — волчий вой.

Я попятился от мрачного дуба и бросился наутек, едва не теряя с ног снегоступы. Сучья так и норовили пропороть лицо, еловые лапы пружинили и пытались задержать, летевший с них снег застилал глаза. Дом был совсем рядом, а я бежал, бежал и бежал. Бежал и выбивался из сил. А вой становился все громче, вой звучал все ближе. Стая нагоняла жертву.

И тогда на меня снизошло спокойствие. Я прижался спиной к сосновому стволу, потянул из ножен шпагу, но передумал и обнажил

кинжал. Срезал с ближайшего куста ветвь, наскоро накидал острием на коре простенькую магическую формулу, оскалился.

В подлеске замелькали белые тени, словно мои преследователи были не животными из плоти и крови, а призрачными созданиями, обретавшими материальность лишь в преддверии Йоля. Глупые суеверия, но я искренне порадовался, что самая длинная ночь в году наступит не сегодня, а лишь через седмицу. Явись сюда господин этой своры, мне пришлось бы лихо, а так я размашистым движением волшебной палочки зачерпнул эфир и, крутанув кистью, разогрел его до немислимых температур. И тут же подкинул в воздух над головой ослепительный огненный шар!

Тьма рассеялась, тени отступили, липкую тишину разорвал петушиный крик. Я обернулся и не поверил собственным глазам: окружавший дом знахарки частокол высился буквально в двух шагах от меня. Вот и не верь после этого рассказам о проделках лесовика и заблудившихся в трех соснах кметах...

Левую кисть неприятно заломило, я развеял огненный шар и спешно юркнул за ограду. Больше в тот год я в лес не ходил.

Глава 3

1

На Йоль знахарка взялась испечь сладкий пирог. Встав еще до рассвета, она замесила тесто и выложила в миску мороженые ягоды, затем принялась наводить порядок, мыть пол и вытирать пыль. Я, по заведенной привычке, сел у окна с «Некоторыми аспектами ментального воздействия и долгосрочного управления разумом», но занятие отыскалось и для меня.

— Принеси бадью, — попросила Марта.

Я накинул куртку и вышел на улицу, где под навесом дожидалась своего часа перевернутая кверху дном лохань. Втащил ее в дом, установил у печи и принялся таскать со двора снег. Часть высыпал в бадью, часть поставил греться в котле.

— Почистишь двор? — предложила знахарка некоторое время спустя, смущенно теребя поясok платья.

Выходить на мороз не хотелось; с превеликим удовольствием я отделался бы обещанием не подглядывать и остался сидеть с книгой, но все же не стал вгонять хозяйку в краску. С обреченным вздохом взял лопату и отправился во двор, где вдоль частокола уже высились немалых размеров сугробы.

Подумать только! Лицензиат тайных искусств и магистр Вселенской комиссии по этике чистит двор, будто последний кмет! Узнает кто — стыда не оберешься!

Как бы то ни было, за ночь снега выпало совсем немного, управился я с ним в пять минут, а потом вооружился шпагой и устроил учебный бой с тенью. Уже начал отрабатывать удары на чурбаке, когда из дома вышла Марта.

— Иди мыться, колдун! — сказала она и скрылась в пристройке.

Мыться? Ну конечно! Как же можно встретить год семьсот семьдесят пятый от Воссияния пророка немывтым? О-хо-хо...

Я наскоро сполоснулся и уже таскал на помойку грязную воду, когда вернулась знахарка. Она выложила обезглавленного и ощипанного цыпленка на разделочную доску и принялась потрошить

тушку. Узким кухонным ножом девчонка действовала на редкость умело — у меня бы так споро не вышло даже близко.

Невесть с чего заныла поясница, и я отпустил бадью на пол. Марта будто почувствовала взгляд и обернулась.

— Все хорошо?

— Спину прострелило.

Я с хрустом распрямился, уволок лохань под навес и вернулся в дом.

— Смотрю, сегодня будет пир?

Знахарка усмехнулась, тряхнула неровно обстриженными волосами, еще влажными и от того даже более серебристыми, нежели обычно, и попросила:

— Могу я почитать твою книгу?

Во вступительной части не содержалось ничего предосудительного, одни лишь общие рассуждения о природе человеческого разума, поэтому я кивнул.

— Конечно.

На обычно бесстрастном лице Марты расплылась счастливая улыбка.

— Здорово!

Я только вздохнул.

Праздник! Сегодня у нас праздник. Насквозь языческий день зимнего солнцеворота — мрачный и вместе с тем дарящий надежду на новую лучшую жизнь Йоль. Осталось только его пережить. На душе было беспокойно. А как иначе? Йоль и полнолуние — сочетание, прямо скажем, зловещее.

И пусть пока что луна никак не проявляла себя, я точно знал, что вскоре ее серебряный круг выползет на небо и зальет мир своим призрачным сиянием. Прошное полнолуние я благополучно провалялся в забытьи, на этот раз так легко отделаться не выйдет. Впереди меня поджидали зеленые отсветы фонарей, серое марево запределья и гул призрачных ос. Ночь предстояла не из легких.

Дурные предчувствия обуяли не меня одного. Чем дальше, тем мрачнее становилась Марта. Украсив дом свежими еловыми ветками, она закрыла ставни, хоть до заката было еще далеко, заложила входную дверь не одним брусом, как обычно, а сразу двумя, но и на этом не успокоилась, принялась вязать на окна сплетенные из лесных

трав веревочки и бормотать какие-то наговоры. И такие же наговоры знахарка шептала, разжигая светильники. Грядущая ночь вызывала у нее нешуточную обеспокоенность.

Я не думал, что нам грозит серьезная опасность, но все же предложил поставить колдовскую защиту.

— Не стоит, — покачала головой девушка. — Твоя сила лишь разозлит духов и привлечет их сюда.

По случаю праздника Марта надела платье с вышивкой. То оказалось столь же куцым, что и повседневные, словно с момента пошива нарядов знахарка заметно вытянулась, пусть при этом и не особо прибавила в весе.

С кем она жила здесь раньше и как вообще попала в это лесное обиталище? Вопрос этот так и вертелся у меня на языке, но, поскольку девчонка эту тему обходила стороной, я расспросами решил ее не донимать. Если уж на то пошло, мы вообще почти не вели беседы на отвлеченные темы; кабы не обучение грамоте, то, пожалуй, и не разговаривали бы вовсе. Подозреваю, Марте просто не хватало навыка общения, а я полагал ненужным укреплять наши отношения, ведь даже мое нынешнее положение наставника могло самым серьезным образом осложнить грядущее расставание.

Праздничный стол порадовал непривычным разнообразием. Было бы грех жаловаться настряпню Марты, и все же неизменные каши, омлеты и овощные супы успели порядком поднадоесть. Да и не столь частое появление в меню блюд из солонины тоже давно не воодушевляло. Орехи, сушеная и мороженая лесная ягода оскомины пока что не набили, но жареный цыпленок порадовал меня несказанно больше. Как и малиновое вино, пришедшее на смену давно опостылевшим травяным настоям. Ну а сладкий пирог так и вовсе был великолепен.

Лучины этим вечером знахарка заменила свечами, получился настоящий праздничный вечер, но ужинали мы, подспудно прислушиваясь к доносившимся с улицы скрипам и шорохам. В воображении невольно сложился образ огромного чудовища, которое безостановочно бродит вокруг дома, заглядывает в щели ставень, тяжело дышит в печную трубу и легонько давит на стены. А, быть

может, так оно и было на самом деле: чего только не случится в такую ночь, если уж взялся пить вино с ведьмой посреди глухого леса.

Вино, к слову, оказалось сладким и не слишком крепким, но в голове после него приятно шумело. Заботы и тревоги понемногу отступали, страхи тонули в искристом рубиновом напитке и больше не отравляли своей панической безысходностью.

Ужин оказался выше всяких похвал; после него Марта начала убирать со стола, а я прислонился спиной к теплой печи и принялся без спешки попивать остававшееся в кружке вино. Дом скрипел и слегка подрагивал под порывами ветра; ночной великан, сотканный из мрака и стужи, понемногу обретал силу и усиливал натиск. Где-то завыл волк, и я готов был поклясться, что расслышал отзвук охотничьего рога. Рогатый король вывел свою чудовищную свору на охоту, и теперь мне уже не хотелось смеяться над пустыми суевериями простецов.

Так и ждал, что вот-вот — и раздастся требовательный стук в дверь. И на что тогда сгодятся наговоры лесной ведьмы? Грош им цена. Впрочем, это все только мои фантазии...

Марта разобралась с грязной посудой и подкинула в печь пару поленьев. Из-за выпитого вина ее неизменно бледное лицо покраснелось, но вела себя ведьма даже тише и скованней, нежели обычно. Припомнив мне опрометчивое обещание дать почитать книгу, она уселась с фолиантом за стол и стала беззвучно шевелить губами, проговаривая сложные слова. Пришлось ей помогать, но, если начистоту, я был даже рад отвлечься. Вино закончилось, а ощущение необъяснимой опасности и не думало отпускать. Наоборот, с каждой минутой оно лишь усиливалось.

Будь моя воля, я бы и спать не лег, так и просидел бы у печи до самого утра. Глупо, конечно, и недостойно образованного человека, но это в городе хорошо избличать суеверия, а когда до ближайшего жилья — полторы почтовых мили, только и остается, что молиться.

Утомившись, Марта отложила книгу и начала готовиться ко сну; не стал засиживаться и я. Улегся на тюфяк, принялся вслушиваться в ночные шорохи и завывание ветра. Знахарка задула свечи и зашуршала одеждой, прошлепала по полу босыми ступнями, а потом вдруг скользнула ко мне под одеяло.

— В Йоль никто не должен оставаться один, — шепнула девчонка, и я не нашел в себе решимости — слаб человек! — отправить ее спать на полати.

В конце концов, насчет этой ночи Марта была совершенно права. Одиночество, чтоб его...

Вышел из дома затемно. Сбежал? Не знаю. Просто не задавался этим вопросом. Шел, шел и шел через бесконечный лес. Бездумно и монотонно пробирался через сугробы. Не чувствуя усталости, шагал по укатанной санями дороге. И совершенно неожиданно очутился на окраине погруженного во мрак городка, названия которого так и не удосужился узнать.

Улочка показалась знакомой, и неспроста — именно на ней жил взявший в починку пистолы оружейник. А если дойти до соседнего перекрестка и пару раз повернуть, то окажусь у таверны. Так и решил поступить. И сразу неведомым чутьем уловил за спиной чужое присутствие!

Прыжок в сторону, разворот, удар!

Кинжал впустую рассек воздух, смазанное движение мелькнуло чуть в стороне, и тут же поясницу пронзила острая боль, в потрохах колыхнулся жидкий пламень. Земля под ногами покачнулась и скакнула навстречу, лицо зарылось в снег.

Невероятным усилием мне удалось извернуться и выставить перед собой кинжал, но повторного нападения не случилось. Темная фигура, узкоплечая и сублильная, неподвижно замерла в паре шагов, лицо убийцы терялось в тени, черневшей под глубоким капюшоном. А потом руки поднялись и откинули его.

Фрейлейн Герда!

2

Я дернулся и проснулся. Сон! Это все драный сон! Ненавижу полнолуния!

Ставни оказались открыты, лесную хижину заполнял полумрак зимнего утра, а легкий аромат трав смешивался с запахом немудреной стряпни. Ночью мы с Мартой не сомкнули глаз, забылись в дреме лишь перед самым рассветом, и все же она уже встала, растопила печь и готовила завтрак.

Я оделся и подошел к столу.

— Вот и новый год наступил... — нейтрально сказал, толком не зная, как теперь себя вести.

— Наступил, — кивнула знахарка и выставила на доску сковородку с яичницей. — Садись за стол, колдун.

Держалась хозяйка столь же скованно и отчужденно, как и прежде, и меня это обстоятельство несказанно порадовало. Никаких романтических чувств к знахарке я не испытывал, и ее сердечные терзания доставили бы нам в дальнейшем одни только расстройства. Но, как видно, опасался я выяснения отношения совершенно напрасно; фрейлейн Марта оказалась особой в высшей степени разумной.

Позавтракали мы в полной тишине, а потом я без напоминаний взял лопату и отправился на улицу. В последнее время уборка снега предшествовала атлетическим упражнениям и занятиям со шпагой в качестве разминки, но сегодня, ко всему прочему, мне хотелось остаться в одиночестве и немного привести в порядок мысли и чувства.

Волновала не столько проведенная с Мартой ночь, сколько приснившийся под утро кошмар. Сон — это лишь сон, в причастность к покушению фрейлейн Герды я нисколько не верил; ее мертвое тело давно разобрали на куски в анатомическом театре. Но, как уже успел убедиться неоднократно, случайные сновидения в полнолуние меня не посещали. Что-то зацепило в этой ситуации, что-то казалось неправильным и варилось в подсознании. Знать бы еще, что именно.

Я покачал головой и вышел за дверь. Подспудно ожидал увидеть отметины чудовищных лап, но, вопреки всему, наст оказался нетронут, лишь вдоль стены шла глубокая борозда там, где Марта пробиралась к окнам, дабы снять свои заговоренные веревочки. При этом снега намело на удивление много. Если за оградой его почти не прибавилось, то дом занесло до подоконников, будто вчера мы находились в самом центре вихря. Неспроста всю ночь поскрипывали стены и крыша.

Очистив двор от снега — сугробы выросли у забора немалыми кучами, — я немного поупражнялся со шпагой и вернулся в дом. Тюфяк к этому времени неведомым образом пропал, но меня это нисколько не удивило и не обескуражило. Если уж на то пошло, любая

ночь не лучшее время для одиночества, да и на печи спать куда теплее, нежели на полу. Что уж говорить об иных потребностях организма...

Марта сидела у заиндеветшего окна и хмурилась, пытаясь вникнуть в хитросплетения умных словес из вступительной части «Некоторых аспектов ментального воздействия и долгосрочного управления разумом». Чтение это было не самое подходящее для юной фрейлейн, но я подумал-подумал и делать замечание знахарке не стал.

Впрочем, Марта отвлеклась от книги сама и огорошила меня неожиданной просьбой:

— Сотвори какую-нибудь волшебку, Филипп!

В иной ситуации я бы только отшутился, но тут решил не разочаровывать девушку и отыскал принесенную из леса палочку, на которой уже были вырезаны все необходимые формулы. Легкое движение, узел, завиток — и вот уже под потолком загорелось маленькое рукотворное светило.

Девчонка с восторженным криком вскочила на ноги и потянулась к огоньку, пришлось резко крикнуть:

— Стой!

Марта испуганно замерла, не успев коснуться оранжевого сгустка.

— Не трогай, — уже мягче попросил я. — Это опасно. Ты ведь не суешь руку в костер!

— Но он же... Он кажется таким... — Марта замялась, подбирая слова, — нереальным...

— Он реальной некуда, — заявил я и взмахом палочки развеял заклинание.

Вновь вернулся полумрак, и знахарка помрачнела.

— Почему бы не оставить его? — спросила она и зябко передернула худыми плечиками. — Такой приятный свет...

— Нельзя, — покачал я головой. — Всякое заклинание питается небесным эфиром, рано или поздно это приведет к истощению незримой стихии. Не навсегда, со временем она восстановится, но лучше этого не допускать. Особенно в собственном жилище. Ты умеешь видеть силовые потоки?

Марта помотала головой и закусила губу. Льдинки в ее голубовато-серых глазах подернула поволока. Слезы? Этого еще не

хватало! Только не сегодня!

— Хорошо-хорошо, сейчас покажу! — против воли, пообещал я, поскольку ничего предосудительного в этом знании не видел.

Большинство школяров овладевали истинным зрением задолго до поступления на факультет тайных искусств. Это был некий базис, на который нарастали все прочие умения. Почему бы и не упростить Марте будущее обучение, если поступления в университет ей в любом случае не избежать? Так, по крайней мере, будет меньше шансов, что до этого момента она навредит себе или окружающим.

Марту мои слова привели в полнейший восторг, она даже несколько раз хлопнула в ладоши и спросила:

— Что мне делать?

подавив горестный вздох — ангелы небесные, ну куда я только лезу?! — велел знахарке выйти в центр комнаты и сесть на пол.

— Зажмурься, постарайся расслабиться и разглядеть через веки мой силуэт. Сразу это не получится, не переживай. Энергетические потоки заметить проще, поэтому уделяй внимание цветным пятнам и лентам.

Опытным колдунам закрывать глаза не требовалось, а вот неопиты, как правило, не могли отрешиться от обычного зрения и потому не замечали неуловимых искажений незримой стихии.

— Ничего не вижу, — пожаловалась Марта. — Обычные желтые пятна.

— Молчи, дыши ровно, выбрось из головы сомнения. Лучше вообще ни о чем не думай. Просто смотри.

— А нет никакого наговора...

— Нет! — рыкнул я. — Молчи, дыши, смотри!

Девчонка обиженно поджала бледные губы и напряженно засопела, но некоторое время спустя обуздали эмоции и расслабилась. Я уж было понадеялся на скорый успех, но нет — дело с мертвой точки не сдвинулось.

Провозились в итоге до сумерек, и все без толку, Марта к внутреннему зрению обратиться так и не смогла. Лицо девушки заострилось, а платье меж лопаток промокло от пота, но присутствия духа знахарка не теряла и не раскисала. Я и сам чувствовал себя так, словно с утра без единого перерыва чистил во дворе снег. Тяжела ты, доля наставника...

Ближе к вечеру я велел Марте открыть глаза и расфокусировать зрение, дабы попытаться заметить отсветы ауры, но и этот подход результатов все же не дал.

— Лес спит, — в очередной раз заявила знахарка. — Откуда взяться силе?

Любой другой давно махнул бы на упертую девицу рукой, да и у меня эти упоминания о лесе уже сидели в печенках. Я попросту возненавидел и его, и мифических хранителей, по чьей воле заплутал в дебрях и не успел добраться до перевалов, прежде чем их завалило снегом. Захотелось отвесить знахарке оплеуху, но я взял себя в руки, крутанул запястьем, наматывая на него четки, и поцеловал золотой символ веры. Пробормотал короткую молитву и сказал:

— Закрой глаза, попробуем еще раз.

Марта беспрекословно выполнила распоряжение, несколько минут успокаивала дыхание, затем вздохнула.

— Ничего.

Я в сердцах всплеснул руками, и тут же девчонка встрепенулась:

— Искорка мелькнула! И сейчас светится!

— Покажи! — потребовал я. — Нет, глаз не открывай!

Знахарка безошибочно указала на четки.

Святые небеса! Кудесники братства святого Луки наполнили эфиром одну из янтарных бусин, именно его свечение и сумела разглядеть моя подопечная!

— Следи за искрой! — потребовал я и принялся водить из стороны в сторону рукой.

Марта безошибочно поворачивалась вслед за моими движениями, но концентрация давалась ей нелегко; кожа заблестела от пота.

— На сегодня хватит, — отпустил я девчонку. — Продолжим завтра. Ты небезнадежна, это главное.

Знахарка счастливо улыбнулась, поднялась с пола, охнула и покачнулась, но сразу восстановила равновесие.

— Голова закружилась, — пожаловалась она.

— Бывает, — усмехнулся я и принялся разжигать лучины.

Огоньки мигом разогнали заполонивший комнату сумрак, и Марта отправилась накрывать на стол. Ничего нового она сегодня не готовила, мы доели остатки вчерашней трапезы. После ужина знахарка запалила ночную лампу и попросила меня нагреть воды,

намереваясь смыть пот. Я выполнил распоряжение, многозначительно посмотрел туда, где раньше лежал тюфяк, и справился о сегодняшнем месте ночевки.

Марта слегка зарделась, но посмотрела на меня с некоторым даже вызовом и сказала:

— Лезь на полати.

— Сегодня же не Йоль? — улыбнулся я.

— Чем одна ночь отличается от другой? — хмыкнула девчонка, распуская поясок платья. — Лезь, я сейчас приду.

Марта и в самом деле не заставила себя долго ждать. Ополоснулась, забралась под одеяло и прижалась ко мне теплым влажным боком. Я потеснился, освобождая место, и вдруг почувствовал легкий укол в спину. Пошарил рукой и вытянул из-под себя сплетенную из ниток, тряпичных кусочков и сухих травинок фигурку, приколовшуюся к наволочке длинным шипом боярышника.

— Спишь с куклой? — не удержался я от улыбки.

— Не сегодня, — ответила Марта и задула ночник.

На следующее утро знахарка растолкала меня ни свет ни заря. Девчонка намеревалась без промедления продолжить вчерашние занятия, но я энтузиазма подопечной не разделял, смел немудреный завтрак и отправился чистить снег. За счет каждодневных физических упражнений я изрядно окреп, но вернуть прежнюю форму оказалось не так-то просто. Все же исхудал за время беспамятства и горячки изрядно, да и проткнутое бедро нет-нет да и ломило.

Вернувшись в дом к изнывавшей от нетерпения Марте, я внимательно огляделся, но память меня не подвела: святой образ не украшал ни одну из стен. Не носила его знахарка и на цепочке или шнурке да и не молилась ни разу, не благодарила вместе со мной небеса за хлеб насущный даже перед трапезой.

— Не вижу в доме святого символа, — произнес я, и голубовато-серые глаза девчонки сверкнули раздражением.

— Какое это имеет значение? — с вызовом спросила она.

— Не веришь в господа нашего Вседержителя?

— А с чего ты... — Марта осеклась, закусил губу и продолжила уже не столь резко: — Откуда мне знать, существует он или нет?

Глупо было злиться на лесную ведьму, необразованную и суеверную, поэтому я произнес без всякого раздражения:

— Слов пророка тебе недостаточно?

Знахарка передернула худенькими плечами.

— Он был человеком. Откуда ему знать такие вещи?

Мессиане полагали пророка одной из ипостасей Вседержителя, но я на мнение южных фанатиков сослаться не стал, напомнил о другом:

— Пророк был первым, кто воссиял. Он открыл эту дорогу для других и помогали ему в этом ангелы небесные. Свидетельств тому — превеликое множество.

Фрейлин Марта насупилась и, глядя себе под ноги, принялась теревить поясок платья. Вступать в теологический диспут она не пожелала.

Я вздохнул, снял с запястья четки и выложил их на край стола.

— Ладно, приступим! Встань у окна, зажмурься и раскрутись на месте. Ты должна почувствовать четки и дойти до них с закрытыми глазами.

— А ты куда собрался? — встревожилась Марта, когда я взял снегоступы.

— Осмотрюсь на поляне.

Знахарка не стала останавливать меня, лишь поморщилась и попросила:

— Будь осторожен, колдун.

— Йоль прошел, чего мне опасаться?

— Лес не любит чужаков.

— Учту.

Добраться до поляны с дубом не составило никакого труда, даже не запыхался. Там я встал напротив кряжистого великана и заключил себя в круг, прочертив на снегу линию обломанной по дороге веткой.

Как ни странно, но идею подала Марта. Вчера она заметила искорки силы в янтарных бусинах четок, и у меня мелькнуло озарение, что намоленное место сможет послужить своеобразным маяком. Ориентируясь на него, я без труда выберусь из леса, и никакие духи не заставят сбиться с пути и заплутать в чащобе. Дело оставалось за малым: такое место создать.

Какому-нибудь святому старцу-отшельнику хватило бы на это единственной медитации, мне же придется молиться здесь изо дня в день, перестраивая структуру эфира, делая его более податливым, насыщенным и ярким. Но зато к началу весны я обрету возможность выбраться из леса вне зависимости от того, пожелает помочь с этим Марта или нет. Мало ли какие у сумасбродной девчонки планы на мой счет...

Я посмеялся над этими нелепым подозрениями и какое-то время молился, а затем двинулся в обратный путь. В доме знахарка кинулась мне на грудь и поцеловала, даже не дав снять куртку.

— Я чувствую четки! — завопила она. — Я их вижу!

— Нисколько в тебе не сомневался, — с деланным безразличием заявил я в ответ и усмехнулся. — Что ж, тогда самое время усложнить задачу!

Улыбка Марты потускнела, а на лицо вновь вернулась маска холодной отстраненности, но девчонка почти сразу переборолла себя и кивнула.

— Я готова!

Ну и чудненько. Видят небеса, до весны мне в этом медвежьем углу заниматься решительно нечем...

3

За первую седмицу Марта с моей помощью худо-бедно научилась различать эфирное поле, а дальше дело пошло проще, и знахарка быстро стала видеть мир таким, каким он был на самом деле или, по крайней мере, каким он задумывался и создавался Вседержителем изначально. Теперь девчонка могла различать новые цвета, оттенки и полутона, энергетические потоки да еще ни с чем не сравнимое свечение эфира.

И удивительное дело — пока учил Марту обращаться к истинному зрению, заметно улучшил навык вхождения в транс и сам. Получаться это стало гораздо быстрее и проще, и даже после неоднократного погружения в незримую стихию из носа больше не текла кровь. Правильная техника — великая вещь!

Помимо этого я ежедневно навевывался на поляну к дубу и продолжал своими молитвами менять эфирное поле, придавать ему

должную упорядоченность и мало-помалу напитывать место святостью. Выходило это отнюдь не лучшим образом, но выходило.

Когда Марта окончательно освоилась с истинным зрением, пришла пора заняться ее эфирным телом, усилить его, проработать и уплотнить. Единственным известным мне способом достижения этого были многочасовые медитации, и потому знахарка дни напролет сидела с закрытыми глазами и неумело, зато очень старательно выправляла свою внутреннюю энергетику.

Я же оказался предоставлен самому себе и очень скоро от невыносимой скуки готов был волком выть и лезть на стену. Спас трактат о ментальном доминировании. Я проштудировал его от корки до корки, основное внимание уделяя разделу, посвященному защите собственного разума от чужих поползновений. Описанные там техники оказались крайне своеобразными, и, памятуя о том, сколь легко эфирным червям удалось проломить выстроенную по общепринятым канонам тайного искусства мысленную оборону, я пренебрегать новыми знаниями не стал. Усилил ментальные блоки, запутал лабиринт подсознательного, провел множество не столь очевидных приготовлений. Ну в самом деле — чем только не займешься от скуки?

От Марты толку было немного. Увлеченная практическими занятиями девчонка превратилась в подобие ходячего мертвеца, бездумного и апатичного, начисто лишённого каких бы то ни было эмоций. Утром она готовила еду и занималась живностью, потом начинала медитировать, а поздним вечером проваливалась в беспробудный сон.

Я к подобному поведению относился с пониманием. Выравнивание эфирного тела не всегда проходило гладко даже у неофитов, а у тех, кто начинал заниматься тайным искусством без присмотра грамотного наставника, осложнения были скорее правилом, нежели исключением из оно́го. Но Марта справлялась. Ее аура сделалась заметно ярче, пропали признаки истощения, почти полностью исчезла встревожившая меня «бахрома». К концу первого месяца обучения девчонка ничем не уступала школярам-желторотикам, и я небезосновательно относил эти успехи на счет своих педагогических талантов.

Стоило бы остановиться на управлении внутренней энергией, но нет, скука толкнула на скользкую дорожку наставничества.

— Можешь показать тот волшебный огонек? — спросила как-то Марта.

С каждым днем знахарка тратила на медитации все меньше и меньше времени, она привела в порядок запущенное было домашнее хозяйство и возжелала продвигаться в своем обучении дальше.

Я подумал-подумал и отказывать в невеликой просьбе не стал. Раньше для девчонки огненный шар просто возникал из воздуха, теперь же она была способна различить, как сплетается эфир в энергетические нити, а те формируют основу заклинания и наполняют его силой.

Отыскав волшебную палочку, я покрутил левой кистью и повел рукой в сторону, оценивая сопротивление незримой стихии. Остался своими ощущениями удовлетворен и кивнул.

— Начали!

Мах, узел, завиток — и вот уже под потолком плывет маленький огненный шарик!

Марта охнула от восторга и с придыханием произнесла:

— Всего три жеста! Всего только три!

Я самодовольно улыбнулся, а девчонка никак не унималась.

— Неужели этого достаточно? — спросила она. — Три жеста и никаких слов?

— Смотря для чего, — пожал я плечами и потряс рукой, прогоняя неприятное онемение. — Эффект рычага, слышала о таком?

В глазах Марты отразилось непонимание.

— Чем проще заклинание, тем больше придется вложить собственных сил, — пришлось пояснить мне свои слова. — Трех жестов хватит для создания огонька, но попробуешь сотворить по этой схеме огненный шар размером с голову и надорвешься. Не говоря уже о чем-то более серьезном.

— Не уверена, что понимаю, — поникла девчонка.

— Это как с пращей, — привел я наиболее доступный пример. — Ты можешь бросить камень рукой исключительно за счет собственных сил, а можешь раскрутить его в праще и задействовать природные силы, именуемые учеными мужами центробежными.

— Понятней не стало, — поджала губы Марта.

Я поднял очи горе.

— Ритуал позволяет заклинателю не полагаться исключительно на внутренние силы, коих обычно немного, но присовокупить к ним энергию незримой стихии, разлитую вокруг нас. Чем сложнее схема, тем меньше доля собственных сил. Так понятней?

Знахарка кивнула.

— А можно мне попробовать? — спросила вдруг она.

Я задумался. Переходить к практическим занятиям, прежде чем будет вызубрена теория, не хотелось, но и просыпаться в горящем доме, если вдруг девчонка решит сотворить заклинание самостоятельно, не хотелось еще больше. Пусть уж лучше занимается под моим присмотром.

— На прут нанесены формулы, которые позволяют взаимодействовать с эфиром, но управляется он волей заклинателя.

Марта приняла волшебную палочку, закрыла глаза и кивнула.

— Я чувствую силу.

— Попробуй уловить сопротивление эфира.

Знахарка неуверенно поводила прутом из стороны в сторону, надолго задумалась и кивнула.

— Кажется, чувствую что-то такое, — но уверенности в ее голосе не прозвучало.

— Пропусти свою силу через жезл, — потребовал я, и — удивительное дело! — девчонка справилась с этим без всякого труда.

Истинное зрение позволило разглядеть уверенный ток энергии, я сжал пальцами худенькую кисть Марты и предупредил:

— Я помогу, только не дергайся! Итак, мах, узел, завиток...

И ничего. Жезл цеплял эфир, но тот немедленно соскальзывал с него и не сплетался в нужную структуру.

Марта закусил губу от разочарования, я отпустил ее руку и предложил:

— Попытайся сама.

Та попробовала, и вновь безрезультатно.

Я пожал плечами и, нисколько не расстроенный неудачей ученицы, распорядился:

— Неси разделочную доску и муку. Начнем с азов.

Глава 4

1

С азов мы и начали. Я показал Марте все основные элементы силовых плетений и заставил не только накрепко вызубрить их, но и отработать без прикосновения к эфиру. Попутно растолковывал прописные истины и объяснял базовые принципы создания чар.

Девчонка прекрасно усваивала материал, но всякие ее попытки сотворить хоть какое-нибудь, пусть даже самое элементарное заклинание не заканчивались решительно ничем. Я даже подогнал к руке знахарки волшебную палочку, но не помогло и это. Пусть с эфиром жезл и взаимодействовал должным образом, но энергия стекала с него совершенно непредсказуемо, словно некое постороннее воздействие вносило диссонанс и разрушало структуру.

Марта украдкой плакала, а в один из моментов не выдержали нервы и у меня.

— Как ты только раньше ворожила?! — в сердцах бросил я. — Ты ведь исцелила меня! Каким образом?!

— Р-руками и наговорами... — пролепетала знахарка, размазывая по лицу слезы. — Наговорами рану закрыла, руки наложила и вылечила...

Я на миг замер с открытым ртом, затем клацнул зубами и переспросил:

— Руками?

— Ну да, — подтвердила знахарка, заметила мое удивление и встревожилась: — А что?

Ритуалисты не могли напрямую касаться эфира, им приходилось довольствоваться использованием схем и жезлов. Марта — истинная?

Это многое объясняло. Истинных совсем не так просто приучить работать с волшебными палочками, им куда сподручней действовать руками, а это мешает, отвлекает и создает помехи. Да никому из одаренных таким талантом и в голову не придет использовать магический жезл! Лишь по большой нужде...

— Покажи! — потребовал я. — Сделай хоть что-нибудь!

— Не могу, — потупилась девушка. — Силу мне дает лес, а он сейчас спит.

У меня засосало под ложечкой. Силу дает лес? Дает силу? Известно, кто делится энергией с заклинателями! Князя запределья и прочие потусторонние твари!

Я припомнил поистрепавшиеся края эфирного тела знахарки, будто кто-то отрывал от него по кусочку, сплотнул и спросил:

— Это какая-то особенная сила? Попробуй описать свои ощущения от нее.

Марта неуверенно пожала плечами.

— Она такая... такая... Вот ты спросил, колдун! Даже не знаю, как сказать!

— Цвет? — задал я наводящий вопрос.

Глаза знахарки раздраженно сверкнули.

— Тем цветам не придумано названий!

— И все же. Какие аналогии он у тебя вызывает? Тебе известно слово «аналогия»?

Марта фыркнула и задумалась.

— Зелень распускающихся дубовых листочков с древесным налетом.

У меня отлегло от сердца. Идущую из запределья силу описывали по-разному, но диапазон этих цветов начинался серым и заканчивался черным с заходом в пурпур и багрянец. Зеленой ее не называл никто и никогда.

— Попробуй использовать другую силу. Ту, которая наполняет весь мир. Теплую, она может показаться оранжевой или желтой. Прикоснись к ней, создай светляка. Да оставь ты жезл! Используй пальцы! Тебе это должно быть даже проще. Пробуй! Основа плетения останется прежней.

Знахарка посмотрела на меня с нескрываемым удивлением, но после недолгих колебаний все же предприняла попытку сотворить магический огонек. Эфир явственно сгустился, что само по себе было хорошим признаком, но не поддался знахарке и просочился через пальцы.

— Вот видишь... — поникла Марта.

— Пробуй еще! — потребовал я.

И вновь девчонку преследовала неудача.

— Сейчас нет нужной силы! — вспыхнула знахарка. — Говорю тебе, колдун! Она появляется весной! Лес дарит ее, а эта проходит сквозь пальцы! Я даже ничего толком не чувствую!

— Вздор! — отмахнулся я. — Отбрось суеверия! Ты можешь работать напрямую с эфиром! Я вижу это! Пытайся!

Марта попробовала раз и еще, но ничего хорошего из этого не вышло. Она никак не могла приноровиться к тончайшему эфирному полю, пальцы рвали его, а не сплетали в нити.

— Да покажи сам, как надо! — выкрикнула взбешенная неудачей знахарка. — Покажи!

Если б я только мог! Если б только мог...

— Ты ведь сам используешь палочку! — продолжила горячиться девчонка. — Почему? Ответь!

Я на миг задумался и, к своему величайшему облегчению, не испытал ни малейшего позыва сказать правду.

— Так проще, — ответил я, задумчиво посмотрел на четки и предупредил Марту: — Ладно, смотри очень внимательно и готовься повторять.

А затем принялся раздеваться до исподнего.

Марта захлопала ресницами, неуверенно взялась за поясok платья, спросила:

— Мне тоже?

— Тебе — нет, — усмехнулся я, хоть и ощутил немалый соблазн ответить утвердительно, лишь бы только придать нашим занятиям толику пикантности.

Но не стоит. Немалое количество университетских сообществ начинали такими вот невинными шалостями, а заканчивали свальным грехом и еретическими практиками. А уж сколько ритуалов постигла неудача из-за не вовремя брошенного взгляда на обнаженную грудь симпатичной девицы, и не сосчитать!

Собравшись с духом, я зажал в пальцах наполненную эфиром янтарную бусину — последнюю из тех, что купил в лавке братства святого Луки и еще не успел использовать для собственных нужд.

— Следи! — потребовал я и усилием воли разрушил запирающие чары, позволил эфиру выплеснуться наружу и закружиться призрачным облачком энергии.

Марта разинула рот, наблюдая, как растекается и развеивается в пространстве чудотворная сила.

— Повторяй! — рявкнул я, захватил эфир левой рукой и сжал его, а после легким усилием воли заставил вспыхнуть, превращая в парящий перед собой огонек.

Знахарка повторила мои движения, но энергия просочилась через ее пальцы, мигнула разреженным сиянием и погасла. Марта в немом изумлении уставилась на свою ладонь, потом перевела взгляд на меня и ойкнула.

— Твоя рука светится! — забеспокоилась она. — Ты видишь эти лучики?

О да! Я не только видел их, но и прекрасно ощущал. На коже проявились сотни укусов призрачных ос, они зажглись ярчайшими точками и даже испустили лучи незримого света, будто моя рука засияла изнутри. Но она не сияла, она сгорала. Захваченный при мимолетном касании эфир разжег жгучее пламя, и я скрипнул зубами от боли. Ухватил стоявшее под столом ведро, как был — босиком, вышел на улицу и облился, смыв ключевой водой излишки энергии.

Полегчало враз. Я вернулся в дом, стянул мокрые рейтузы и принялся растираться полотенцем.

— Мое эфирное тело повреждено, — сообщил я встревоженной девчонке, сев поближе к печи. — Эта старая... порча, ее уже не свести. Ничего страшного, просто нельзя работать с энергией напрямую, сама видела, к чему это приводит. Но ты — другое дело. У тебя талант истинного мага. Тебе надо ехать в столицу или даже в Кальворт.

Марта рассмеялась, не приняв мои слова всерьез. И совершенно напрасно.

— Весной выправлю для тебя рекомендательные бумаги, — пообещал я.

— Не смей меня, колдун! — отмахнулась девчонка. — Дай лучше посмотрю твою руку.

Она присмотрелась к покрасневшей и заметно припухшей коже, помяла пальцами, принялась.

— Порча, говоришь? — задумчиво плянула на меня и отошла к заставленному коробками и склянками шкафу. — Пожалуй, смогу тебе помочь.

Я только фыркнул.

— Не веришь? — обиделась Марта. — Думаешь, куда там этой неграмотной ведьме? А вот сейчас увидишь!

Знахарка выставила на стол банку, заполненную непонятной трухой, сняла притертую крышку и смерила меня пристальным взглядом с головы до ног.

— Что это? — забеспокоился я, когда она кинула щепотку неведомого зелья в кружку и залила ее кипятком.

— Толченый корень мандрагоры в основном, — сообщила она. — Ему надо настояться.

— С чего ты взяла, что он мне поможет?

— Я же ведьма! Нам многое ведомо!

Меня такой ответ несколько не убедил, поскольку в ученой среде слухи о чудодейственных свойствах корня мандрагоры полагались изрядно преувеличенными. Использовали его разве что алхимики, вконец отчаявшиеся создать эликсир вечной жизни, да... неграмотные ведьмы. Людей разумных от таких экспериментов удерживала угроза сурового наказания. В отличие от Вселенской комиссии, которая закрывала глаза на использование столь сомнительного ингредиента, церковь относилась к подобным деяниям несравнимо строже. Любого аптекаря, пойманного на торговле мандрагорой, ждало лишение лицензии, а то и суд. Виной тому были главным образом ритуалы не самого приличного свойства, считавшиеся обязательными при сборе корня.

И все же от протянутой кружки я отказываться не стал. В несколько длинных плотков выпил настой, скривился от пронзительного солоноватого вкуса и прислушался к собственным ощущениям. Ничего особенно не изменилось; разве что боль в левой руке утихала необычно быстро, но так неизменно и происходило всякий раз после своевременного обливания водой.

— Попробуй коснуться эфира! — потребовала Марта.

Я воззрился на ведьму с недоумением.

— Ты сейчас серьезно?

— Попробуй! — повторила знахарка и задорно сверкнула серовато-льдыстыми глазами. — Или боишься?

Идти на мороз и выливать на себя очередное ведро воды несколько не хотелось, но знахарка была настроена серьезно и могла не на шутку

обидеться, выкажи я столь откровенное недоверие ее способностям.

— Хорошо, но ты тоже готовься! — решил я, встал от печи и кинул полотенце на лавку.

Марта смущенно зарделась и попросила:

— Оденься!

Я натянул штаны и махнул волшебной палочкой, закручивая эфир и заставляя его уплотниться. Получилось это легко, но поразило совсем другое — пусть кожа и вспыхнула лучиками ослепительного сияния, боли на этот раз не было, кисть не загорелась огнем, не опухла и не покраснела.

— Святые небеса! — невольно вырвалось у меня, и я заработал жезлом пуще прежнего, а затем скомандовал Марте: — Пробуй! — и сразу прикрикнул на замешкавшуюся девчонку: — Да обеими руками, бестолочь!

Знахарка попыталась захватить непослушный эфир и даже успела сплести силовую нить, прежде чем та выскользнула из пальцев и развеялась.

— Вот видишь! — разозлилась Марта. — Не получается!

— А чего ты хотела после месяца обучения? — хмыкнул я и повертел кистью. Боли не было, лишь ощущалось некое онемение. — Дар у тебя есть, остается его отесать.

Девчонка фыркнула и поджала губы.

— Лес дает чистую силу, а эта... — Знахарка передернула плечами и замялась, подбирая нужное слово. — Она сочится сквозь пальцы и не позволяет себя захватить! Она слишком слаба!

Слишком слаба? Чем же таким потчевал девчонку ее драгоценный лес?

Я покачал головой и напомнил:

— Лучше синица в руке, чем журавль в небе.

Знахарка нахмурилась.

— Всегда думала, что высшая магия творится одним усилием воли!

Я покачал головой.

— Колдуны управляют эфиром либо жестами, либо жезлами. Еще есть вербальная магия, но ее мало кто использует кроме духовенства, заклинателей погоды да малосильных ведьм вроде тебя. Сначала приходится зубрить толстые сборники чар, потом проговаривать

их текстовку в не самых подходящих для того условиях. Это... непрактично. На юге распространено сочетание вербальных и невербальных практик, но и только.

— Вербальных... Невербальных... О чем ты, колдун?

У Марты голова пошла кругом от незнакомых слов, и я пояснил:

— Слова и жесты.

— А воля? — упрямо продолжила допытываться девчонка.

— Воля лежит в основе всего, — усмехнулся я. — Но без слов и жестов, управляющих эфиром, работает разве что ментальное доминирование. Тонкая энергия слишком слаба. Взглядом можно зажечь свечу, а истинные способны отвести в сторону арбалетный болт или сдвинуть предмет, но и только. Сотворенное подобным образом заклинание целиком и полностью расходует внутренние силы колдуна, мощные чары так могли творить лишь настоящие чудотворцы. Тебе на первых порах не стоит даже пытаться, только заработаешь истощение эфирного тела. Я помогу с азами управления эфиром, остальное даст обучение в университете.

Марта ненадолго задумалась, потом с обреченным видом кивнула.

— Научи меня, колдун, — попросил она. — Я буду стараться. Правда, буду!

Я еще раз повертел левой рукой, на какую-то долю мгновения вновь ощутил былую целостность и вздохнул.

— Ну почему бы и нет? Времени у нас хоть отбавляй...

Прежде мне никогда не доводилось обучать истинных магов, но я вдоволь насмотрелся на этот непростой процесс и знал все ухватки наставников, призванные раскрепостить сознание неофитов и подтолкнуть их к единению с незримой стихией. Я знал их все и все перепробовал. Результат... не впечатлял.

День за днем я пил отвар из корня мандрагоры, несколькими пассами заставлял сгуститься эфир и давал Марте возможность сотворить какие-нибудь примитивные чары. А та не справлялась, сила утекала у нее из рук, будто вода сквозь пальцы. Мало-помалу Марта нарабатывала практику, но пока что так и не сумела разбудить свои дремлющие способности.

Переломить ситуацию никак не получалось, знахарка даже порывалась все бросить, но я был неумолим. Честно говоря, мне

просто нравилось ощущать мягкое тепло уплотнившегося эфира, его упругое сопротивление и даруемую им власть. Я наслаждался ощущением всемогущества и ничего поделать с этим не мог.

Но все уроки заканчивались одинаково: Марта уходила плакать, а я отправлялся на поляну молиться и успокаивать нервы. А когда возвращался, то вбивал теоретические познания в голову успокоившейся к тому времени девчонки. После знахарка занималась грамматикой, используя в качестве учебного пособия сочинение о ментальном доминировании; я же упражнялся со шпагой или просто сидел у теплой печи и прорабатывал мысленные блоки.

Назавтра все начиналось сызнова, и так — день за днем, седмицу за седмицей, пока однажды не вернулась боль. В то утро на исходе первого зимнего месяца я привычным движением зачерпнул эфир, намереваясь закружить его, слить воедино и сделать более податливым, и тотчас загорелась призрачным огнем левая кисть. Вновь, как и прежде!

Я скривился, но все же довел начатое до конца, а Марте о неприятных ощущениях рассказал уже после завершения урока. Знахарка нахмурилась.

— Ты привыкаешь, — сказала она. — Привыкаешь к мандрагоре.

— Так увеличь дозу!

— Слишком опасно! Если переборщить, зелье превратится в яд. Ты почувствуешь сонливость, жажду и упадок сил, станет сложно дышать и говорить. Потом заснешь и не проснешься.

Я подавил вспышку раздражения и вздохнул.

— Но хоть немного?

Марта неуверенно кивнула.

— Можно попробовать.

И мы попробовали. Следующим утром знахарка присовокупила к щепотке смеси малую добавку, дальше этот довесок пришлось увеличивать снова и снова. Боли я больше не испытывал, на смену ей пришло неприятное онемение, пальцы толком не слушались, всякий раз перед упражнениями их приходилось подолгу разминать. Меня подташнивало, болела голова, но я не собирался — просто не мог себе позволить! — отказываться от зелья. Я не желал вновь становиться разбитым и собранным из нескольких кусков. Ничто не должно ограничивать мой талант!

В полнолуние приснилось счастье. Беспредельное и неопишное. Чистое и светлое. Поразительное.

Я кое-как сполз с полатей и даже доковылял до помойного ведра, прежде чем меня скрутил приступ рвоты. Но счастье не отпускало. Оно, словно вцепившийся в жертву коршун, тянуло обратно в сладостное забытие. Сон полностью выветрился из памяти, а само ощущение безмятежности и всепоглощающей любви никуда не делось. Было погано.

Больше настоя мандрагоры Марта мне не давала.

— Ты и так принимаешь отвара куда больше, чем способен вынести нормальный человек! — отрезала знахарка. — У всего есть границы! Если пристрастишься к зелью, то рано или поздно оно прикончит тебя!

Я оделся и ушел, хлопнув дверью. Привычной дорогой добрался до поляны, постоял на своем заветном месте, тщетно пытаюсь очистить разум от гнева и сожалений об упущенных возможностях. Увы мне, но Марта была совершенно права. Я поддался слабости и погнался за миражом, допустил ошибку. Нельзя вновь обрести целостность, пичкая себя ядовитой дрянью.

Разумом я это прекрасно осознавал, но внутри все так и клокотало. Эмоции били через край, им требовался выход, и оставалось лишь закричать, выплескивая раздражение и боль:

— Святые небеса! За что мне все это?! За что?!

Но я знал. Знал и не пытался переложить вину на Провидение, просто проявил мимолетную слабость.

— Прости, господи, мою несдержанность...

Несколько минут я бездумно вдыхал морозный лесной воздух, затем огляделся по сторонам. Кроме одинокого дуба, других лиственных деревьев на глаза не попало, и, поскольку раньше мне ни разу не доводилось работать ни с соснами, ни с елями, я остановил свой выбор именно на спящем великане. Кинжалом срезал с него пару толстых ветвей, сунул их под мышку и отправился в обратный путь.

Пока стягивал сапоги, Марта глядела на меня настороженно, словно затравленный зверек; я не выдержал и усмехнулся:

— Не думай, что сможешь отлынивать от занятий!

Глаза знахарки просияли; уверен, она даже расцеловала бы меня, если б не заснеженная куртка.

Какой прок возиться с ведьмой? Если начистоту, я упражнялся с ней отнюдь не из-за банальной благодарности за спасение жизни. Все объяснялось ничуть не менее банальными скукой и тщеславием. Заняться в этой плухомани в любом случае было решительно нечем, да к тому же мало кому в жизни выпадает возможность вылепить из простой девчонки истинного мага.

— Приступаем! — предупредил я, взял зачарованный прут и принялся сгонять им эфир. Почти сразу у меня заломило руку, но я стиснул зубы и продолжил свое занятие, а потом коротко скомандовал: — Давай!

Марта постаралась, но особым успехом не смогла похвастаться и на сей раз. Пусть она и контролировала энергию уверенней день ото дня, но для построения полноценного заклинания ее способностей пока что еще не доставало.

Отдышавшись и вытерев от пота раскрасневшееся лицо, она указала на срезанные мною палки и спросила:

— А это зачем?

— Пригодится, — неопределенно ответил я, сходил на улицу и растер снегом пылающую кисть. Вернулся и принялся перочинным ножом счищать с веток кору, укорачивать их и подгонять под руку.

— Волшебные палочки! Ты делаешь волшебные палочки! — догадалась тут Марта. — Одна для меня?

— Тебе это ни к чему, — покачал я головой, не отрываясь от заготовки будущего жезла. — Ты истинная.

Знахарка печально вздохнула и вдруг чмокнула меня в щеку.

— Даже не представляешь, как важно, что ты веришь в меня!

Столь открытое проявление эмоций удивило, но я заострять на нем внимание не стал, болезненно поморщился и покрутил кистью. Grimаса не укрылась от Марты, она дотронулась длинными худыми пальцами до пылавшей огнем кожи и сказала:

— Сейчас приготовлю мазь.

— Из корня мандрагоры? — насторожился я.

— Не бойся, не отравишься, — уверила меня знахарка и принялась смешивать какие-то микстуры. Затем приправила их шепоткой измельченного корня, добавила масла и растерла в жидкую кашу.

— Уверена?

— Через кожу зелье впитывается слабо. В кровь мало что попадет, только не слизывай.

Я не понял, пошутила Марта или нет, уточнять не стал и протянул руку. Знахарка нанесла на воспаленную кожу густой состав, и мазь приятно охладила кисть. Очень быстро жжение прошло, без следа сгинула ломота. Ладонь будто заморозили.

Озадаченно хмыкнув, я покрутил кистью и спросил:

— А если пропитать раствором палочку, эффект сохранится?

Марта неуверенно пожала плечами.

— Не знаю. Хочешь попробовать?

Я хотел. Знахарка задумчиво откинула с лица серебристо-белые волосы и принялась рыться в шкафу с кувшинами и банками. Вскоре она подобрала подходящий по размерам горшок, поместила туда одну из заготовок и залила смесью льняного масла, выжимки из корня мандрагоры и невесть еще какой дрянью. Горшок отправился в печь, а мы занялись своими обычными делами. Немного попрактиковались в арифметике и грамматике, после обеда пришел черед тайных искусств. Теоретические знания были ничуть не менее важны, нежели практические умения, и в этой области Марта демонстрировала вполне очевидные успехи. С памятью у нее дела обстояли наилучшим образом.

На следующее утро я первым делом выудил заготовку волшебного жезла из раствора и поставил ее обтекать на миску. Но результат, откровенно говоря, не порадовал: после выварки дерево размякло и местами расползлось от простого нажатия пальцев.

— Надо было просто замочить в масле, — предположила Марта, зябко поежилась в ночной рубахе и пошла растапливать печь. — Только не мой палку в ведре, — предупредила она, — в дереве сейчас столько зелья, что хватит отравить небольшой пруд.

— Шутишь?

Марта рассмеялась.

— Ну, похлебку я бы ею размешивать точно не стала. Непривычный человек и очочуриться после такого может. И в руки лучше никому не давай. Если вдруг пальцы оближут, плохо станет.

— Учту.

Я сунул в горшок вторую ветвь и взял испорченную заготовку, намереваясь выкинуть ее в помойную яму, но вдруг обнаружил, что размягчен лишь верхний слой, а под ним дерево сохранило и прочность, и упругость. Тогда я подумал-подумал и скоропалительных решений принимать не стал, решив для начала проверить, не выйдет ли из палки толк. А выбросить ее всегда успею.

Уже вечером, когда стекли остатки масла, я обскоблил и ошкурил заготовку, тогда и обнаружил, что жезл получился каким-то завораживающе-неправильным. Тут и там выпирали и бугрились волокна, а сточить выпуклости не представлялось возможным из-за отсутствия подходящего столярного инструмента. Оставил все как есть.

Для пробы я острием перочинного ножа нацарапал на рукояти вязь смягчающих магическую отдачу символов, намереваясь впоследствии их углубить, и впал в ступор, пытаясь просчитать структуру иницирующих формул. Бугристая поверхность заготовки накладывала самые серьезные ограничения, стандартные подходы здесь не годились.

Вытребовав у Марты разделочную доску и муку, я допоздна вычерчивал возможные варианты, разбирал их и отбрасывал, пока не остановился на одной из схем, которая, по всем моим расчетам, наилучшим образом обеспечила бы взаимодействие жезла с незримой стихией. На этот раз я решил не наносить никаких стандартных заклинаний, предпочтя скорости сотворения отдельных чар универсальность инструмента.

Весь следующий день ушел на прорисовку формул, а уже на закате я опробовал свою поделку на практике. Привычным движением крутанул жезл и присвистнул от удивления: цепляла волшебная палочка эфир непривычно жестко и резко, создало даже впечатление, что пытаюсь управлять опущенным в воду веслом. Вспыхнули серебристым сиянием наметки колдовских письмен, запахло паленым деревом. Из-за пропитки поверхность казалась слегка липкой, зато экстракт корня мандрагоры заморозил руку и погасил боль призрачных уколов. Да и в целом рывки и откаты сглаживались колдовским жезлом на удивление хорошо.

Своим новым инструментом я остался всецело доволен и без промедления приступил к вырезанию на жезле полноценных формул. Работал неспешно и в свое удовольствие, попутно обучал Марту взаимодействию с незримой стихией, и постепенно у ведьмы стали выходить некоторые простейшие чары.

К исходу зимы знахарка вполне уверенно строила большинство базовых схем, но вот беда — предварительно мне всякий раз приходилось для этого уплотнять эфир. С незримой стихией в спокойном состоянии Марта работала из рук вон плохо, и дело было вовсе не в недостатке способностей, проблема крылась исключительно в ее голове. В моих силах было дать девчонке знания, но я оказался не способен вытравить суеверную дурь о даруемой лесом силе. Это печалило.

3

Нехороший звоночек прозвенел в самом начале весны, когда снег стал подтаивать на солнце, а лес по утрам уже наполняло птичье пение. Я не понял этого, не осознал и не решил для себя, просто однажды проснулся с четким пониманием, что никуда не хочу отсюда уходить. Мне было здесь хорошо, а интриги и волнения большого мира лишь пугали и вызывали отвращение.

Марта мирно сопела, прижимаясь ко мне теплым боком, дом за ночь выстыл, и выбираться из-под одеяла нисколько не хотелось, но у меня просто не оставалось иного выхода, кроме как слезть с полатей и начать собирать вещи.

В здравом уме и твердой памяти мне бы и в голову не пришло остаться жить в этой глухомани. Нонсенс! И значит, либо сеньор вон Черен начинает понемногу сходить с ума, либо он больше не хозяин своим чувствам и желаниям. И в том, и в ином случае следовало поскорее уносить отсюда ноги. Пусть перевалы и откроются только к концу месяца, но медлить не стоит, если только не желаю однажды проснуться, позабыв, что вообще собирался куда-то уходить.

Подпоясавшись оружейным ремнем, я заткнул за него волшебный жезл, а вторую заготовку, которая все это время вымачивалась в льняном масле и выжимке из корня мандрагоры, завернул в лоскут и убрал в подсумок. Поискал глазами сочинение о ментальном доминировании, и тут на печи заворочалась Марта.

— Филипп? — окликнула она меня. — Куда ты?

— Ухожу, — спокойно ответил я. — Рекомендательное письмо для поступления в университет оставлю у хозяина постоянного двора.

— Письмо?! Ты не можешь просто взять и бросить меня! Мне еще столько всего надо узнать!

Меньше всего мне хотелось выяснять отношения, но я не поддался порыву, не хлопнул дверью и заявил со всей возможной в этой ситуации твердостью:

— Тебе надо поступить на факультет тайных искусств и получить лицензию.

Марта тоненько рассмеялась, усилием воли подавила истерику и выкрикнула:

— Я не могу никуда отсюда уйти! Лес не отпустит! Это мой дом, пойми же ты! Без него я ничто!

— Бред! — отмахнулся я и поднял с пола снегоступы.

Девчонка обожгла меня злым взглядом льдистых глаз, поколебалась немного, будто собиралась с духом, и выпалила:

— Я — подкидыш!

— И что с того? Не важно, сирота ты или нет. Если не сможешь заплатить за обучение, тебе выделят стипендию.

— Ты не понял, дубина ты эдакая! — в сердцах выкрикнула Марта. — Я подкидыш! Мой отец человек, а мать — из древних альвов!

Мне приходилось и прежде слышать о бытовавших среди неграмотных кметов северных земель суевериях, будто бы прежние до сих пор встречаются людям в лесах и столь прекрасны на вид, что всякий увидевший их влюбляется с первого взгляда. По легендам, человеческая женщина не могла выносить ребенка альва, а вот обратное иной раз случалось, и тогда полукровку подкидывали на порог человеческого жилья.

— Ведунья воспитала меня как собственную дочь, — глухим голосом произнесла Марта, — но в прошлом году она умерла, и я осталась совсем одна в мире людей. Ты единственный, кто знает правду, ты помог мне и многому научил, но я должна овладеть своим даром!

— Овладеешь в университете.

— Я не человек! Мне нельзя отсюда уезжать!

Если бы каждый подкидыш был альвом-полукровкой, а не простым нежеланным бастардом, мир давно бы заполнили нелюди, но я говорить об этом не стал, лишь пожал плечами.

— С чего ты это взяла?

— Я почти не чувствую холода, вижу в темноте, и меня боятся собаки, — сообщила Марта, заметила недоверие в моих глазах и подошла к столу. — А еще холодное железо обжигает меня и лишает колдовских способностей!

Я и моргнуть не успел, как девчонка взяла разделочный нож и — нет, не резанула, а лишь приложила его длинный и узкий клинок к запястью. Скривившись, отняла его и показала оставшийся на коже уродливый красный рубец.

— Выглядит страшно, но это пустяки, — усмехнулась знахарка. — Пойми: всякий раз, когда я касаюсь железа, перестаю чувствовать энергию леса! Я лишаюсь всех своих сил!

Я забрал нож и внимательно изучил клинок, но тот оказался чистым, предварительно его не вымазали никакой едкой дрянью.

— Занятный случай... — Я покопался в памяти, припоминая слышанное как-то от приятеля-медика нужное слово, — аллергии, но это заболевание не делает тебя альвом ни на половину, ни даже на четверть.

— Ты не понимаешь! — Марта закрыла лицо ладонями, ее худенькие плечики затряслись в беззвучном плаче.

Я на девчонку даже не посмотрел, всем моим вниманием завладел нож. Поясницу заломило, в потрохах заворочалась колючая боль. На меня снизошло озарение.

Такое иногда случается — подсознание самостоятельно складывает в единое целое все имеющиеся в его распоряжении кусочки мозаики и выдает уже готовый ответ. Недаром мне приснилась фрейлейн Герда с окровавленным ножом. Святые небеса! Все было так просто!

Я кинул нож на стол, подхватил подсумок и выскочил на улицу. Хотелось убраться отсюда как можно быстрее и как можно дальше. Ангелы небесные, да я попросту спасался бегством, и отнюдь не только от девичьих слез!

Утренний морозец обжег разгоряченное лицо, свежий снежок заскрипел под подошвами сапог, ветер растрепал полы плаща, и, пока

застегивал крючки куртки, студёные порывы выдули из-под одежды все тепло. На миг показалось даже, будто на дворе не начало весны, а самый разгар зимних холодов. Всколыхнулось невольное сожаление, что пришлось сорваться в путь на пару седмиц раньше запланированного срока, но я и не подумал повернуть назад. Ну уж нет, теперь только вперед!

Дверь за спиной хлопнула, когда я уже вышел за ограду и двинулся к поляне с древним дубом.

— Лес не выпустит тебя! — донесся крик Марты.

Я не оглянулся и лишь прибавил шагу, уклонился от качнувшейся навстречу ветви, поднырнул под нацелившийся в лицо сук. Деревья словно пытались остановить меня, но не сумели даже задержать. Ведьма нагнала только на подходе к поляне.

Марта выскочила из дому как была, в одной ночной рубахе и босиком, к груди она прижимала плетеную куклу-уродца, да только беззащитный вид знахарки не наполнил мое сердце сожалением. Она выглядела такой хрупкой и ранимой, но я испытал одно только чувство — облегчение, осознав, что у бегущей вдогонку девчонки попросту нет возможности спрятать на себе разделочный нож.

— Лес не выпустит тебя! — вновь крикнула Марта. — Он уже просыпается! Он заведет тебя в чащобу и погубит!

— Вздор! — бросил я, даже не обернувшись, и вышел на поляну.

— Забыл, как блуждал и плутал? — напомнила девчонка, которая словно бы не испытывала из-за холода никакого неудобства.

— Теперь не придется, — усмехнулся я. — Вспомни, чему я тебя учил! Всегда контролируй незримую стихию!

Глаза Марты стали бесцветными и какими-то пронзительно-льдыстыми, ветер растрепал серебристо-снежные волосы, заставил взметнуться полы ночной рубахи. Девчонка на миг показалась призрачной воительницей, что, по языческим представлениям северян, собирают на полях сражений души погибших воинов.

— Невозможно! — прошептала Марта, только сейчас ощутив энергетику намоленного мною места.

— Теперь не придется плутать! — усмехнулся я и несколькими резкими ударами шпаги завершил выведенную на утоптанном снегу схему.

Эфир враз приобрел неестественную упорядоченность, полыхнул незримым пламенем, рванулся сияющей волной к небесам. Теперь я мог различить этот блеск с расстояния в пару миль. И пусть блистательная феерия не продлится слишком долго, этого времени с лихвой хватит мне, чтобы выбраться из леса и не заплутать.

Марта невольно попятилась от сияния незримой стихии. Ведьма растерялась и готова была даже расплакаться, но сумела взять себя в руки и упрямо поджала губы. Лицо ее закаменело, стало твердым и жестким, глаза вспыхнули ничуть не хуже призрачных огней.

— Ты не оставишь меня! — заявила знахарка. — Ты не можешь оставить меня! Я отдала тебе свою невинность!

— Если уж на то пошло, — скривился я, — из меня крови пролилось куда больше, нежели из тебя! Я-то не бил тебя ножом в спину!

Глаза Марты распахнулись от изумления, она охнула.

— Так ты знал? Все это время знал и молчал? Играл со мной?!

Я не стал прикидываться всеведущим и покачал головой.

— Увы, меня осенило только сегодня.

Девчонка скрестила на груди худые руки, словно пыталась защититься, и упрямо произнесла:

— Мне нужна была помощь! Нужен был кто-нибудь, кто мог обучить владению даром! Я не хотела причинить вреда!

— Да ты меня чуть не прикончила!

— Я не хотела! — с надрывом крикнула Марта. — Ты слишком резко дернулся, все вышло само собой! Ранение случайно получилось таким серьезным!

Я усмехнулся.

— Будем считать, что я не держу на тебя зла. Но у меня своя жизнь, а у тебя своя. Рекомендательное письмо заберешь на постоялом дворе.

Девчонка всхлипнула.

— Я совсем тебе не нравлюсь? — пролепетала она. — Я могу измениться! Могу стать воплощением твоих мечтаний!

И Марта действительно изменилась. Лицо ее приобрело милую округлость, волосы потемнели, по щекам рассыпались симпатичные веснушки, а ночная сорочка туго обтянула невесть откуда взявшуюся

пышную грудь; двумя бугорками на ткани проявились набухшие соски.

Девчонка забралась мне в голову с поразительной легкостью, и я проклял тот миг, когда взялся учить ее грамоте по трактату о ментальном доминировании. Почерпнула оттуда ведьма отнюдь не только навык чтения.

Впрочем, я и сам штудировал это сочинение, поэтому скрипнул зубами и не без труда, но все же очистил сознание от наваждения. Морок никуда не делся, он лишь немного потускнел, позволяя разглядеть истинный облик девушки. Требовалось прикладывать немалые усилия, дабы не упускать его из виду.

— Убирайся из моей головы! — прорычал я.

Из Марты словно воздух выпустили.

— Я не могу позволить тебе уйти! Только не сейчас! Я еще не овладела силой, тебе придется научить меня!

— В университете научат, — отрезал я.

Девчонка подняла руку с плетеной куклой.

— Волосы и ногти. Пот и слюна. Кровь и семя. Ты мой!

Я не успел рассмеяться над глупыми суевериями; в кукле вдруг всколыхнулась неведомая сила, призрачно-зеленые жгуты выстрелили из нее и оплели меня, присосались к эфирному телу, попытались поработить волю. Никакой простец не сумел бы противиться ведьмовским чарам, пропал бы вмиг, да и мои ментальные блоки сгорали под напором один за другим.

Кровь закипела, тело откликнулось на магический призыв, сознание затуманилось, и единственное, что оставалось, — это захватить побольше эфира, перекрутить его и отгородиться, словно стеной. После за это придется расплатиться невыносимой болью, но за обретение свободы можно отдать и больше.

Я потянулся к эфиру и вдруг обнаружил, что незримая стихия вокруг странно искажена присутствием чего-то невероятного. Лес будто откликнулся на призыв ведьмы и обрел еще одно измерение, окутался мраком, но не иссиня-черным — ночным, а мрачной зеленью глухой чащобы. Древний дуб навис надо мной, раскинул ветви, нацелился кривыми сучьями. Трещины на его старой бугристой коре оскалились сотнями голодных ртов, алчущими теплой человеческой крови.

Во всем мире осталось лишь одно чистое пятно: мое заветное место, огражденное силой молитв. Я шагнул в столб рвавшегося к небу сияния, но щупальца ведьминой волшбы не побоялись святости, не отпустили и потянулись следом, чужая воля вцепилась в меня бессчетными пиявками, принялась наполнять тело похотью, а мысли — всепоглощающей любовью, не оставляя места для иных желаний и чувств.

И тогда я захватил столько небесного эфира, сколько смог. А потом зачерпнул немного сверх того. И еще! Поток силы наполнил тело нескончаемым экстазом, оторвал от земли, превратил в нечто большее, нежели просто смертный человек. Бренная плоть засияла, преобразаясь в чистую энергию, меня потянуло вверх, в неведомые дали, прямиком на небеса, и жгуты чужой воли принялись рваться и лопаться, не в силах противодействовать мистерии воссияния.

Сознание очистилось от навеянного ведьмой наваждения, но точно так же его оставили все обычные человеческие эмоции. Сияние небесного эфира оплело коконом, запуская процесс перерождения, и тут же взорвалась нестерпимой болью выжженная на лопатке ангельская печать, огненная плеть обвилась вокруг тела — точно по расчертившему торс шраму! — и сдернула с небес на грешную землю, как вырывают из воды насаженную на гарпун рыбину.

Я рухнул в снег, и переполнявшая меня сила выплеснулась наружу. Неспособная удержаться в ущербном теле, она залила все вокруг невыносимым сиянием, разметала сугробы, разорвала клубившийся вокруг древнего дуба мрак. Кору расчертила длинная трещина, дерево заскрежетало и повалилось, переломленное надвое. Ощущение чужеродного присутствия сгнуло, незримая стихия очистилась и вновь обрела свою кристальную ясность.

Лес перестал угрожающе щериться и отступил, оставил меня наедине с ведьмой. Остатки энергии медленно истаивали и развеивались, заставляли искриться и потрескивать сам воздух. Я не чувствовал их колючих разрядов; напротив, ощущал себя заново родившимся. Ангельская печать на спине больше не казалась откованной из раскаленного докрасна железа, она не прожгла меня насквозь, а полыхнувший огнем шрам не развалил торс надвое. Боль прошла, словно ее и не было вовсе.

Далеко не сразу удалось вспомнить, кто я и где нахожусь, а когда взгляд наконец сфокусировался на ведьме и вернулись воспоминания, из меня с облачком пара вырвалось лишь короткое:

— Я ухожу!

Марта уронила свою зачарованную куколку, ныне совершенно бесполезную, и закусила губу. Удерживать меня дальше она не стала. Оно и к лучшему.

Часть вторая
БЕЛАЯ ДЕВА

Глава 1

1

К окраинам городка я вышел уже в ранних весенних сумерках. Сугробы за зиму слежались, и снегоступы проваливались в них не слишком глубоко, да еще часть пути удалось пройти звериными тропами, и даже так выбраться из леса оказалось задачей не из легких. Когда б не сияние распаленного мною эфира, сгинул бы, заплутал в чащобе.

Но я не заплутал и вышел к людям, а там, наплевав на усталость, первым делом заявился к оружейнику. К моей несказанной радости, почтенный сеньор оставленных на чистку пистолей за это время никому не сбыв и выдал оружие по первому требованию.

— Есть неписаное правило, — усмехнулся в бороду мастер Дабинкерт, оценив мою радость, — пока не сойдет снег, людей умершими не полагать. В лесах всякое случается, да и горы близко.

— Замечательное правило, — улыбнулся я, убирая футляр с пистолетами в подсумок. — Мое почтение, сеньор! Приятно было иметь с вами дело!

Раскланявшись с оружейником, я поспешил в корчму, и вот там меня поджидал сюрприз не из приятных. Рыться в пожитках колдуна хозяин побоялся, зато седло и упряжь продал без зазрения совести.

— Ваша милость! — вскричал он, заламывая руки. — Ну посудите сами — вы пропали, а вещи место занимают! Не хранить же теперь их десять лет! У меня не склад здесь!

— То есть пока снег сойдет, решил не ждать? — хмуро глянул я в ответ, стянул перчатку, сжал и разжал кулак.

Пройдоха шумно сплотнул и проблеял:

— Войдите в положение...

Я был голоден, замерз и устал, а злостью так и вовсе мог посоперничать с князем запределья не из последних и потому с ходу отмел все увещевания, велев рассчитаться за седло звонкой монетой. Хозяин таким требованием оскорбился до глубины души, и в итоге мы сторговались на половине реальной стоимости сбытого имущества да еще на бесплатной ночевке и харчах. А уже утром меня должны были

отвезти на санях в Рауфмельхайтен — пограничный городок у ближайшего к нам перевала через Тарские горы.

Наевшись до отвала, я перетряхнул саквояж и дорожный мешок, но из вещей и в самом деле ничего не пропало; в этом отношении хозяин не обманул. В своей единственной потере виноват был я сам: убегая из дома ведьмы, забыл прихватить сочинение о ментальном доминировании.

Впрочем, невелика потеря! Везти запретный труд через границу было в любом случае неосмотрительно. Авторитет Вселенской комиссии по этике за пределами империи не слишком велик и не убережет от досмотра личных вещей самодуром-таможенником. А мало ли в каких черных списках фигурирует сей злокозненный труд?

В путь на следующий день выдвинулись на рассвете, а ближе к полудню впереди замаячили пологие отроги Тарских гор. Дорога там петляла из стороны в сторону, огибала скальные выступы, взбиралась на крутые холмы и ныряла в распадки. Иногда сани ехали по перекинутым через провалы мостам, иногда ползли по серпантину и жались к отвесным стенам, стоило только прозвучать рожку встречного экипажа.

Сразу стало ясно, по какой причине древние строители решили не тянуть староимперский тракт напрямик через Тарские горы, а предпочли увести его на запад, сделав крюк по территории современного Майнрихта. Проложить здесь нормальную дорогу было попросту невозможно.

Коронный город Рауфмельхайтен выстроили в небольшой долине между горным хребтом с одной стороны и отвесным ущельем — с другой, а дорогу к перевалу закрывала крепость, возведенная еще в незапамятные времена Полуденной империи. Сложенная из огромных каменных блоков, она довлела над долиной и не терялась даже на фоне гор, столь колоссальное сооружение собой представляла.

Некогда твердыня сдерживала воинственные племена варваров, теперь же ее гарнизон не столько защищал город от возможных посягательств великого герцогства Сваами, сколько остужал горячие головы из числа местных феодалов. Империи требовался прямой путь в северные земли, и светлейший государь не собирался уступить

контроль над ним никому. Окрестным сеньорам оставалось лишь вздыхать, а их мытарям — истекать слюной, подсчитывая уплывающие из рук барыши.

Рауфмельхайтен жил за счет торговли, и Рауфмельхайтен за счет торговли богател. Тесная долина была сплошь застроена домами и складами, по назначению использовался буквально каждый клочок земли. Улочки были узенькие-узенькие, у встречных телег и возов там не оставалось никакой возможности разъехаться, а верхние этажи и крыши домов едва не смыкались, полностью закрывая небо.

Серьезные купцы прибывали сюда в самом начале весны, когда арендные ставки только-только начинали свое шествие за облака, а конкуренты еще не успели столкнуться с комендантом о первоочередном проходе на ту сторону гор. С открытием перевала всеобщий ажиотаж понемногу сходил на нет и возвращалось привычное течение жизни; пока же город заполняли торговцы, их слуги и охранники, вольные коробейники, ремесленники и всяческое жулье. Тут и там вспыхивали драки, улицы патрулировали вооруженные до зубов солдаты гарнизона.

К счастью, мне толкаться в переполненных гостиницах в поисках свободного угла не пришлось — университетский перстень помог снять мансарду над книжной лавкой. Пусть комнатка была тесной и холодной, но за те же деньги на постоялом дворе пришлось бы ночевать на лавке в общем зале. Да и то при большой удаче.

Погода не радовала, со стороны гор постоянно дул ледяной ветер, время от времени шел снег, а изредка по городу прокатывался далекий рокот сходявших со склонов лавин. Когда в этом году станет проходимым перевал, никто предсказать не мог, и поскольку мой кошелек пустел с небывалой скоростью, пришлось затянуть пояс. Пусть и жил я отнюдь не впроголодь, но нет-нет да и вспоминал хлебосольство фрейлейн Марты.

К тому же совсем без трат дело все же не обошлось. На второй день своего пребывания в городе я отыскал лавку братства святого Луки и приценился к янтарю с небесным эфиром. Подходящие к моим четкам бусины стоили по два талера и десять крейцеров за штуку, и хоть расценки не порадовали, но деваться было некуда, пришлось доставать деньги.

— Отдадите пару за четыре талера? — предложил я без особой надежды выторговать скидку, и монах с печальной улыбкой, но вместе с тем весьма решительно покачал головой.

Я едва не помянул вслух ангелов небесных, но вовремя прикусил язык и распустил завязки кошель. Монет внутри оказалось как-то совсем уж немного; я подумал-подумал и вынул платочек с двумя гульденами. К ним присовокупил пару талеров с ликами светлейшего государя.

Монах вновь улыбнулся, на этот раз ободряюще, и самым придирчивым образом изучил золотые монеты; он даже не поленился выставить на прилавок чашечные весы и сравнить их вес со свинцовой гирькой-эталоном. Серебряные талеры столь тщательного осмотра не удостоились, их оценили на глаз.

Убедившись в надлежащем качестве монет, молчаливый брат выдал десять крейцеров сдачи, выставил на прилавок лакированную шкатулку и откинул крышку. Внутри лежало с полсотни янтарных бусин, испускавших мягкое тепло небесного эфира. Как это и было заведено, мне предоставлялась возможность самостоятельно выбрать приглянувшиеся зерна.

Я воспользовался истинным зрением и указал сначала на один янтарный шарик, затем на другой. Пусть они и были не самыми яркими, зато отличались наиболее ровным и теплым сиянием. Их совершенно точно изготовили настоящие виртуозы своего дела, а не охваченные религиозным экстазом юнцы, которые зачастую не уделяли достаточного внимания стабилизации заливаемого в янтарь эфира.

Новые бусины я тут же нацепил на четки, а пару снятых продал в первой попавшейся на глаза ювелирной лавке. Денег много не выручил, зато мастер без всякой дополнительной платы и лишних вопросов сточил напильником один из крейцеров и самым тщательным образом собрал на обрывок ткани всю серебряную пыль. Опилки этого драгоценного металла предназначались для доработки магического жезла.

На улицу я выбирался редко, только ходил завтракать в таверну на соседнем перекрестке да наведывался туда же ужинать с наступлением вечерних сумерек, а все остальное время разбирался с

волшебной палочкой. Раз за разом я посыпал вырезанные на ней символы мелкой серебряной стружкой, пропускал через жезл малую толику силы, и благородный металл плавился, частично испарялся, а частично въедался в дерево. Пришлось без остатка потратить эфир одной из бусин, зато после обработки мой инструмент стал способен выдерживать несравнимо большие нагрузки, нежели до нее.

Затем пришел черед упражнений с жезлом, и поскольку в обращении с волшебными палочками я никогда особой ловкостью не отличался, то начал с отработки простейших связок.левой рукой, как и большинству правой, действовать было не слишком сподручно, поэтому дело продвигалось со скрипом, но я работал. Крутил петли, вычерчивал дуги, вязал узлы, разучивал связки и переходы. И мало-помалу в своих упражнениях преуспел до такой степени, что рискнул перейти к плетению полноценных заклинаний, благо, листая учебник Уве, успел освежить теоретические познания и худо-бедно представлял, чего именно хочу добиться.

На первоначальном этапе я не касался жезлом эфира вовсе и отработывал порядок действий простыми махами, затем начертил на полу круг святого Варфоломея и стал действовать в полную силу. Пропитка льняным маслом и настойкой корня мандрагоры не сделала дубовую палочку липкой, но всякий раз ладонь словно приклеивалась к дереву и полностью теряла чувствительность, а пальцы и вовсе будто замораживало. Помимо этого вырезанные на жезле формулы самым серьезным образом снижали магическую отдачу, и хоть укусы призрачных ос по-прежнему вспыхивали на коже бесчисленными точками, теперь они просто напоминали о давней травме, а не пронзали плоть раскаленными спицами и не заставляли гореть руку нестерпимым огнем. И это меня откровенно радовало.

Я совсем уж вознамерился сделать из второй заготовки запасной магический жезл, но не успел. Увы и ах, в очередной раз наступило полнолуние...

2

Дорога тянулась через выжженные летним зноем поля, огибала апельсиновые деревья и сразу закладывала новую петлю, опоясывая подножие невысокого холма. Бурая лента вытопанной земли не поднималась к пологой вершине с ветряной мельницей, лишь

охватывала желтевший пожухлой травой склон и терялась из виду за возвышенностью.

Я и понятия не имел, что поджидает нас за поворотом, и это обстоятельство меня откровенно нервировало. Впрочем, сейчас меня нервировало решительно все. Зависшее в зените солнце жарило просто немилосердно, пот стекал из-под шляпы и катился по вискам, пропитывал закрывавший низ лица платок. Одежда давно посерела от клубившейся в воздухе пыли, плотка пересохла, на зубах скрипел песок.

Святые небеса! Плачу золотой за пригоршню снега!

Подул легкий теплый ветерок, и зеленая листва маняще зашелестела, но пустое — невысокие апельсиновые деревца росли не слишком часто и тени почти не давали. Я легонько сдвинул коленями бока лошади, и усталая животинка неспешно потрусилась вдоль канавы с разошедшей по причине засухи грязью. Дождей не было больше месяца, и жара сводила людей с ума, заставляла их резать друг другу еще яростней, нежели обычно. Будто такое вообще было возможно!

Лавара! В злосчастной южной провинции каждый второй был еретиком и мятежником, а остальные пусть и не брались за оружие сами, всем сердцем желали ненавистным северянам поскорее провалиться сквозь землю. Союзников среди местного населения у присланных светлейшим государем войск не было вовсе — в спину императорским солдатам плевали даже те, кто не разделял убеждений ересиарха Тибальта. И если бы только плевали!

Стеганый колет под кольчугой пропитался потом, я будто варился в собственном соку, но и не думал избавляться от опостылевшего доспеха. Пусть, по сведениям армейской разведки, крупных сил еретиков в округе и не наблюдалось, лихой человек с луком вполне мог попытаться счастья и выстрелить из кустов по офицеру. А нет для мятежников цели более желанной, нежели обер-фейерверкер ландскнехтов! Даже останавливаясь на постой в деревнях, спать приходилось вполглаза с заряженным пистолем под рукой.

Я обреченно вздохнул. Полуденный зной накатывал волнами; возникло нестерпимое желание направить конягу на ту сторону канавы и поехать напрямик через сад, но отрываться от колонны пикинеров я не стал, просто перегнулся из седла и сорвал один из

листочков. Размял его пальцами, опустил с лица платок и втянул упоительный аромат. На миг стало легче.

Послышался стук копыт, я оглянулся и увидел, что приближается Ланзо Хофф — командир приданного нам взвода конной разведки. Помимо головного дозора обоз сопровождали фланговые наблюдатели, да еще трое конных ландскнехтов отстали и лишь изредка приближалась к арьергарду.

— Проверили? — спросил я, пусть редкие деревца и не могли послужить укрытием никакому мало-мальски крупному отряду.

Капрал кивнул и стянул на шею носовой платок. У глаз на покрасневшем лице осталась полоска запыленной кожи. Дородный и круглолицый Хофф изнывал от жары больше остальных, но давно уже утомился сыпать по этому поводу богохульствами и проклятиями.

— Послал парней осмотреться на той стороне холма, — сказал Ланзо, придержал коня и указал рукой. — Вон они!

И точно — трое верховых миновали апельсиновые деревья и направили лошадей к вившейся у подножия холма дороге.

— С севера холм порос кустарником, можем нарваться на засаду. Им бы время дать...

Ланзо замолчал и неодобрительно глянул на колонну пикинеров. Во главе той скакал молодой лейтенант. Компанию ему составляли два унтер-офицера много старше, но, как мы уже успели убедиться, права голоса ветераны не имели.

Маршировавшие следом пехотинцы выглядели изможденными и усталыми. На плечах они волокли тяжеленные пики, а кольчуги, нагрудники и шлемы все как один сняли и убрали в заплечные мешки; многие разулись и шагали босиком. Самые недалекие стянули рубахи и уже к полудню заработали впечатляющую коллекцию солнечных ожогов, а носы и щеки так и вовсе покраснели у всех без исключения. Местное солнце не жаловало непривычных к его жгучим лучам северян.

Поднятая ногами солдат пыль долго еще клубилась в воздухе; моим артиллеристам и десятку лучников арьергарда приходилось несладко. Цветастые одежды посерели, пышные рукава с разрезами слиплись от пота, поля и перья шляп обвисли. Салады сложили в обозные телеги вместе с остальным снаряжением, но кирасы не снял ни один ландскнехт; за этим зорко следили командиры орудий.

Ланзо Хофф сплюнул и негромко выругался:

— Напыщенный индюк! Мы еще хлебнем с ним горя, поверь мне на слово!

Я лишь кивнул, согласный с капралом целиком и полностью, но промолчал. От меня уже ничего не зависело, а сотрясать воздух пустыми ругательствами было слишком жарко.

На войне не все и не всегда идет гладко и по плану. Война — это вотчина хаоса, и приказ в срочном порядке перебросить артиллерийскую батарею под Солено меня несколько не удивил. Как не удивило и предписание выдвинуться на марш вместе с ротой пикинеров Легенбургского пехотного полка. В охваченной мятежом провинции одиночный обоз мог стать легкой добычей летучих отрядов еретиков, но с учетом взвода конной разведки, десятка лучников и расчетов четырех орудий иррегуляры мятежников нашему отряду были не страшны.

Теоретически. Все гладко было лишь на бумаге, на деле ситуация сложилась препоганейшая. Пикинеры оказались присланным в провинцию пополнением, состоявшим сплошь из желторотых новичков, и хуже того — желторотым новичком был их лейтенант. Приказ гласил прибыть к Солено до конца дня, но только-только получивший офицерский патент юнец во что бы то ни стало решил отличиться и задал такой темп, что непривычные к жаре люди окончательно вымотались и начали падать в обморок уже к полудню. Все, на что они сейчас были способны, — это бездумно переставлять ноги.

В случае нападения мятежников толку от них окажется немного, и даже так оставить батарею без поддержки пехоты не имелось решительно никакой возможности. Четыре шестифунтовые пушки нового образца были существенно легче и короче традиционных, они обошлись Сизым псам в просто умопомрачительную кучу золота, и я отвечал за них головой в буквальном смысле слова.

Лейтенант проехал мимо, даже не глянув в нашу сторону, следом, вздымая пыль, потянулись уставшие солдаты. Колонна начала огибать апельсиновые деревья, а я поднял руку, призывая батарею остановиться, и рявкнул:

— Держать дистанцию! Держать, кому сказано!

Передки с пушками и зарядными ящиками замерли, а возницы телег немного замешкались, но толчеи не случилось.

Подошел мой заместитель — долговязый и костлявый фейерверкер Ганс Рикель; на его поясе помимо тесака и кинжала висел потертый колдовской жезл.

— Решил дать отдых лошадям? — спросил он, смахнув кативший по лицу пот. — А не отстанем, Филипп?

— Нет, Ганс, — покачал головой Ланзо Хофф. — Моим людям нужно время осмотреться на той стороне холма.

— А эти? — пренебрежительным кивком указал фейерверкер на пехотинцев.

Я снял с пояса флягу и сделал плоток вина, изрядно разбавленного водой и омерзительно теплого. После с нескрываемым отвращением скривился.

— Мне вразумить лейтенанта не удалось.

— Лейтенант вон Бром! — усмехнулся артиллерист. — Разве благородный сеньор офицер станет прислушиваться к словам презренного наемника?

Я только махнул рукой и оглядел обоз. Пользуясь неожиданной остановкой, бойцы расселись в тени повозок. Лучникам из арьергарда оставалось лишь завистливо вздыхать, но жаловаться им было грех: всю дорогу стрелки, время от времени сменяя вдруг друга, ехали на телегах. Пикинеры о таком не могли даже мечтать.

Ганс отошел, а капрал разведчиков вновь натянул на пухлые щеки носовой платок.

— Сеньор обер-фейерверкер, так что же заставило вас пойти в ландскнехты? — поинтересовался он, маскируя за шутливым тоном живейший интерес. — Читали бы книжечки всякие умные...

Я усмехнулся.

— Сменил климат по состоянию здоровья.

— Раньше речь шла о деньгах, — напомнил Ланзо.

— Не люблю повторяться. В следующий раз придумаю что-то новое.

Капрал хохотнул и вдруг подавился смешком.

— Смотри! — указал он на холм.

Я обернулся, и сердце ухнуло вниз, разом провалившись куда-то в потроха. На вершине холма мелькали фигурки людей. Вооруженные

луками мятежники выбегали из-за мельницы и перепрыгивали через невысокую каменную оградку, готовясь обрушить смертоносный град стрел на оторвавшуюся от нас колонну пикинеров.

Подчиненные Ланзо из головного дозора не могли не заметить столь крупный отряд еретиков, но тревогу не подняли, а значит, были уже мертвы.

— Орудия к бою! — во всю плотку закричал я, обнажил стилет и сравнил фигурки лучников со шкалой на одной из его граней. — Бомбы заряжай! Цель — люди на холме! Дистанция — шестьсот!

Миг — и все были на ногах. Возницы принялись разворачивать передки с пушками, разъезжаться и занимать позиции, благо выдержанная повозками дистанция помогла избежать столкновений. Со стволов сорвали мешковину, захлопали крышки зарядных ящиков, канониры и бомбардиры рванули на предусмотренные боевым распорядком места.

Все работало как часы, но гандлангеры только крутили колеса лафетов, сдвигали станки и подбивали клинья, направляя орудия на холм, а мятежники уже сделали слаженный залп. Послышались крики раненых солдат.

Первый канонир ближайшей ко мне пушки всунул в ствол картуз с порохом, второй банником протолкнул его в зарядную камору. Следом приволокли увесистый чугунный шар, сверкавший сложной росписью защитных писем, и вставили его запальной трубкой внутрь, но поздно, слишком поздно.

— Вот дерьмо! — выдохнул Ланзо, когда через оставленные лучниками проходы вниз по склону холма, все набирая и набирая скорость, устремились кавалеристы с красными оружейными перевязями и алыми плюмажами шлемов.

В обычной ситуации конная атака закончилась бы избиением верховых, но застигнутые врасплох новобранцы не успели выставить стену пик; в большинстве своем они даже и не попытались этого сделать.

Захлопали выстрелы кавалерийских пистолей, над холмом поплыли облачка порохового дыма. Началась паника.

— Рейтары де Сорондо! — прохрипел Ланзо Хофф. — Их же видели в окрестностях Барги!

— Рикель! — рявкнул я. — Волнолом, дистанция тридцать, смещение сорок градусов! Центр к солнцу!

За каждое из орудий отвечал вице-фейерверкер, моему же заместителю следовало озаботиться магической защитой. Пусть скопидомы и перебили всех колдунов, оставив себя без магической поддержки, но проповедники еретиков умели обращать фанатичную веру толпы в настоящие эфирные волны. Нередко те накатывали столь мощными порывами, что вызывали детонацию пороховых зарядов, пусть и защищенных от магического воздействия, а приступы паники, обмороки и галлюцинации случались иной раз даже у закаленных ветеранов.

Ганс Рикель выбежал вперед и принялся магическим жезлом выводить в дорожной пыли сложную фигуру, призванную рассеять поток эфира, буде такой обрушат на нас еретики. Бомбардиры под руководством вице-фейерверкеров уже навели орудия на вершину холма, их вторые номера проткнули картузы с порохом и засыпали в окруженные пентаклями запальные отверстия затравочные заряды. Гандлангеры подперли колеса лафетов, и тогда я выкрикнул:

— По готовности — огонь!

Перед тем я на всякий случай спешил; взбрыкнуть могло даже привычное к орудийной стрельбе животное, а чем цепляться за уздечку, лучше закрыть ладонями уши.

Грохнуло! И еще, еще, еще! Дорогу затянуло пороховым дымом, а миг спустя на склоне холма расцвели огненные всполохи разрывов. Одна бомба угодила точно в скопление лучников, и во все стороны разлетелись части изуродованных тел. Еще две легли ниже и посекали людей осколками, но столь жуткого опустошения в рядах еретиков не произвели, а последняя попала в ограду ветряной мельницы и засыпала мятежников каменным крошевом.

Стрелки побежали, спеша укрыться от обстрела на другой стороне холма, но это уже не играло никакой роли: пикинеры обратились в бегство, и рейтары погнали неуправляемую толпу через апельсиновую рощицу напрямик на позиции батареи.

Расчет еретиков был просто и понятен: влететь в наше расположение на плечах отступающих солдат и с ходу опрокинуть орудийные расчеты. И ни люди Хоффа, ни приданные нам лучники ситуацию переломить никак не могли.

Гандлангеры шуrowали банниками в каналах стволов, канониры тащили новые картузы с порохом, а вторые номера бомбардиров прочищали запальные отверстия, но как стрелять, когда на тебя бегут свои?!

Я сплотнул ставшую вдруг вязкой слюну и отдал новый приказ:

— Прицел на деревья! Сектора для дистанции — в полусотню шагов. Картечь!

Ландскнехты вставили палки в колеса и налегли на них, проворачивая спицы и меняя положение лафетов.

— Вам не выстоять! — крикнул Ланзо, гарцуя на взмыленном коне.

— Займись делом! — отмахнулся я и крикнул заместителю, который уже закончил рисовать защитную фигуру: — Рикель, на тебе стрелки! Задержи лучников!

Вооруженные луками еретики вновь выбрались на холм, рассыпались цепью по его склонам и побежали вниз, намереваясь зайти нам во фланг.

Фейерверкер умчался к телегам и повел за собой ездовых гандлангеров; под его руководством те начали разбирать кто мушкеты, а кто под сумки с ручными бомбами.

— Оставить щиты! — рявкнул Рикель. — Нет времени! Живее! Бегом!

Мушкетеры ринулись в начало обоза, а бомбардиры рассредоточивались вдоль обочины, готовясь отразить атаку кавалерии.

Земля дрожала все сильнее, ее дрожь словно передалась моим поджилкам. Но страх не подтолкнул к бегству; напротив, именно колотившийся в груди ужас и придавал решимости. Я не хотел умирать. Не хотел умирать и не собирался жертвовать собой ради тех, кто уже был все равно что мертв.

— Не стрелять! — прикрикнул я на замерших с запальниками бомбардиров. — По команде!

Рейтары не торопились рубить пикинеров, охватывали их цепью и паникующим стадом гнали на позиции батареи. За спинами пехотинцев мятежники чувствовали себя в полной безопасности, не суетились и не вырывались вперед, а продвигались с воистину фатальной неумолимостью.

На дороге заклубилась пыль, от холма накатила эфирная волна, принесла обрывки видений и наваждений. Захотелось укрыть голову руками и повалиться на колени, но защитная фигура разбила слитное движение незримой стихии и сместила его в степь, нас зацепило лишь краем.

Отвлеченный магической атакой, я едва не упустил момент, когда рейтары пригнулись к спинам лошадей и пустили их в галоп. Мятежники сбились в ударный кулак, который отделяли от нас лишь жалкая полоска деревьев да беспорядочная толпа рассыпавшихся меж ними пикинеров.

Первые из солдат уже выбегали на обочину, прыгали в канаву, падали, вставали и перебирались на эту сторону. Миг — и батарею захлестнет вал паникующих новобранцев, а следом к орудиям прорвутся рейтары, но этот краткий миг все и решил.

— Пли-и-и! — прокричал я, набрав в легкие побольше воздуха.

Не заколебался ни один из бомбардиров, запальные отверстия пыхнули белесым дымком, ударили снопами искр, и тут же пушки оглушительно рявкнули, исторгнув из себя двадцать четыре фунта овеществленной смерти. Секторы стрельбы оказались распределены идеально, картечь оставила целые просеки, в клочья разрывая и своих, и чужих. Гибели избежал лишь правый фланг рейтаров.

— Гранаты! — отдал новую команду Ганс Рикель.

Оставляя за собой дымные следы, в измочаленные и забрызганные кровью апельсиновые деревья полетели чугунные шары. Тут же слаженно грохнули мушкеты, и сразу на позиции батареи начали падать первые, редкие пока еще стрелы. Кто-то вскрикнул и стиснул засевшее в теле древко, кто-то молча уткнулся лицом в дорожную пыль. Заржали и забили копытами раненые лошади.

Я подбежал к ближайшей телеге, вытянул из наваленного в нее снаряжения плоский салат и заменил им шляпу, не став затягивать ремешок. Было просто не до того.

Прогрохотали взрывы ручных бомб, все вокруг вновь затянуло дымом, уцелевшие мятежники поскакали в обход завала из разорванных людей и лошадей. Из канавы полезли ошалевшие от ужаса пикинеры, побежали меж орудий, отвлекая и расталкивая ландскнехтов. А следом из порохового дыма вырвалась пара чудом избежавших гибели рейтаров! Всадники с ходу разрядили в

артиллеристов пистолы и направили лошадей к ближайшему орудью. Один стоптал замешкавшегося гандлангера, второй ударом тяжелого кавалерийского палаша раскроил голову его товарищу.

На наше счастье, в лабиринте орудийных передков и зарядных ящиков лошади мятежников потеряли скорость. Канонир ловко отразил клинок банником и юркнул за лафет, а я точным выстрелом вышиб из седла рейтара, вновь занесшего над головой тяжелый клинок. Набежавшие от соседних орудий ландскнехты стянули с лошади второго еретика и покровсали его кошкодерами.

— Заряжай! Картечь! — крикнул я и приказал навести два орудия на подступавших от холма лучников, а паре оставшихся — кровь из носу перехватить мчавшихся рейтаров.

Вновь с неба посыпались стрелы, одна клюнула землю у моих ног, другая на излете стукнула в ключицу и, жалобно звякнув, отлетела от кольчуги. Вооруженные мушкетами гандлангеры начали нести потери, дрогнули и попятнулись. На дороге осталось лежать несколько тел; кровь не успевала разливаться в лужи и моментально впитывалась в сухую почву.

— Щиты! — крикнул Ганс Рикель, и свободные бойцы потащили из телег павезы — прямоугольные щиты с шипами по нижнему краю и боковыми прорезями-упорами для стволов. Всаженные в землю, те могли убереечь мушкетеров от вражеских стрел, но сейчас на это уже не оставалось времени.

— Отставить! Все с дороги! — рявкнул я, надрывая связки. — Разойтись!

Гандлангеры вразнобой выстрелили и разбежались по обочинам.

— Пли! — в который уже раз за сегодня скомандовал я.

Два пушечных выстрела слились воедино; апельсиновые деревья словно пожрала невидимая саранча. Измочаленная листва так и полетела, картечь хлестанула по стрелкам мятежников и собрала кровавый урожай.

Развернувшись, я увидел, что наши лучники успели проредить ряды рвавшихся к батарее рейтаров, а следом в тех на полном скаку врезались всадники под предводительством Хоффа, и завязалась яростная рубка.

— Оттаскивайте! Оттаскивайте! — закричал я. — А вы — разворот на позицию!

Гандлангеры разряженных пушек потянули лафеты, освобождая линию стрельбы второй паре орудий, и я дал отмашку:

— Стрелять по готовности!

Бум! Бу-у-ум! Пушки послали в лучников еще два смертоносных подарка, и те сломались, бросились бежать.

— Ланзо! — во всю плотку рявкнул я, заметив скакавшего вдоль обочины капрала. — Мне нужен наблюдатель на холме! — потом обернулся и позвал заместителя: — Ганс! Выставляй оцепление и собирай пехотинцев!

Преследовать отступавших мятежников и мысли не возникло. Слишком мало нас для этого фортея, слишком многие ранены, слишком сильно жарит проклятущее солнце. Слишком, слишком, слишком...

Ганс Рикель отправил мушкетеров на новые позиции, а сам с помощью нескольких помощников начал сбивать в кучу пикинеров. Угроза разгрома миновала, и я окликнул одного из вице-фейерверкеров:

— Тагест! На тебе раненые!

Тут же отозвался кто-то из артиллеристов:

— Тагест убит, сеньор обер-фейерверкер!

— Святые небеса! — вырвалось у меня, и я озадачил этим приказом командира другого орудия. — Ловик, займись!

В ушах жутко звенело, голова кружилась, руки тряслись. Я стянул салат, кинул его под ноги и приложился к фляжке, одним залпом выдув остатки теплого вина. Потом огляделся. Как-то даже не верилось, что мы умудрились пережить этот день.

Подъехал Ланзо Хофф, придержал коня. Плечо круглощекого капрала перетягивал окровавленный обрывок ткани, но сам он был весел и бодр. И лишь в глазах, когда ландскнехт смотрел на меня, нет-нет да и проявлялись неуверенность и беспокойство.

— Тру-ту-ту... — протрубил Ланзо и вдруг кинул апельсин. — Держите, сеньор обер-фейерверкер! А то вид у вас шибко бледный...

Меня и в самом деле мutilо, но демонстрировать слабость было никак нельзя. Я взвесил в руке оранжевый плод и выбросил его в канаву.

— Неспелый, — сказал я тогда Угрю, но на деле прекрасно понимал, что еще очень и очень не скоро смогу спокойно смотреть на

апельсины.

Порукой тому был заваленный мертвыми телами апельсиновый сад.

Разбудил стук. Спросонья показалось, будто палят мушкеты, но нет — это взбешенный хозяин колотил тапкой в дверь. Ему нисколько не понравилось вскакивать посреди ночи от диких криков: «Пли!»

Мне велели искать себе новое жилье; я не протестовал и не торговался. Просто никак не мог толком проснуться. В голове до сих пор звенело от выстрелов, на зубах скрипела пыль, в комнате нестерпимо пахло пороховой гарью и апельсинами. Мысли разбегались, и никак не удавалось понять, с какой стати полнолуние оживило именно этот эпизод моего прошлого, а не привычный спуск в затопленный запредельем подвал.

Утром я съехал, не став ни давить на хозяина, ни опускаться до просьб о снисхождении, и очень скоро об этом пожалел. Очень-очень скоро...

Глава 2

1

Подвела погода. Она стояла для этого времени года непривычно холодная, и дорога через горы до сих пор оставалась занесена снегом. Старожилы качали головами и толковали, что никогда еще открытие торгового пути не случилось столь поздно. На улицах болтали, будто бы кто-то из торговцев уже перебрался на ту сторону и даже благополучно вернулся обратно, но дальше разговоров дело не шло.

Перевал оставался закрыт, а люди в город все прибывали и прибывали, Рауфмельхайтен буквально распухал от купцов, их грузов и транспорта. Цены за проживание взлетели до небес, за каморку на чердаке «Белого филина» пришлось отстегнуть столько, что поневоле возникли серьезные опасения, не придется ли в скором времени перебираться в общий зал, где на лавках и даже на полу ночевали не столь привередливые постояльцы.

Монеты в карманы владельцев складов и гостиниц текли полноводной рекой. Приезжие нервничали, то и дело случались стычки и потасовки, а каждое утро в переулках находили сразу несколько раздетых до исподнего мертвецов. Поиздержавшиеся бретеры и кормившиеся с ножа головорезы собирали свою кровавую дань; армейские патрули помешать их промыслу не могли. Добропорядочные обыватели роптали и грозили жалобами. Дабы хоть как-то успокоить общественность, одна за другой устраивались бесполезные в общем-то облавы. С облавы все и началось...

В тот вечер я после отчаянного спора все же убедил хозяина не повышать плату за снимаемый угол и несказанно этим подвигом гордился. Мой кошелек окончательно отощал, и пусть обычно я не опускался до пустых сожалений, но сейчас нет-нет да и ловил себя на мысли, что не стоило сорить деньгами и покупать сразу две янтарные бусины. На обработку магического жезла ушла лишь одна, а пара талеров могла продержать меня на плаву без малого седмицу. Два талера и десять крейцеров, если точнее...

Когда на крыльце гостиницы загрохотали тяжелые ботинки, я сидел за столом в общем зале, бездумно пропускал меж пальцев бусины четок и пил собственноручно заваренный травяной настой. Раненое бедро ныло к перемене погоды, и оставалось лишь уповать на то, что виной тому — грядущее потепление.

Дверь распахнулась, и внутрь гурьбой ввалилась полудюжина солдат. Распекавший обслугу за какую-то провинность хозяин потребовал объяснений, но капрал вмиг заткнул его, сунув какую-то бумагу.

— Всем приготовить подорожные! — громко объявил после этого служивый, и постояльцы, негромко переругиваясь, зашуршали истертыми на сгибах листами с выцветшими от времени чернилами.

Вот ведь принесла нелегкая!

Прежде я свою принадлежность к Вселенской комиссии не афишировал, а тут пришлось выложить на стол патент и приказ о назначении на службу в Сваами. Капрал изучил документы, особое внимание уделив подписям и печатям, и вернул бумаги обратно. Его они нисколько не заинтересовали. Но это его.

Впрочем, поначалу хозяин гостиницы тоже никак своего интереса не выказал и ко мне подошел лишь на следующее утро.

— Вы позволите, магистр? — с некоторым даже смущением произнес он, встав у стола.

«Ангелы небесные! Этот кровопийца опять хочет плату за постой задрать!» — мелькнуло у меня в голове.

Я смерил внимательным и не слишком приветливым взглядом худощавого сеньора, внешне невзрачного, но цепкого, будто клещ, тяжело вздохнул и кивнул. Владелец гостиницы тут же уселся на лавку, доверительно склонился к моему плечу и лихорадочным полусшепотом зачастил:

— Магистр! В городе творится чудовищная несправедливость! Школяра бросили в кутузку и никто даже не вступился за бедного юношу! Никому нет до него дела!

Я в ответ лишь пожал плечами и посоветовал:

— Обратитесь в местное отделение Вселенской комиссии.

— Но у нас нет собственного отделения! — всплеснул руками хозяин.

Меня это обстоятельство никоим образом не смутило.

— Так отправьте сообщение в ближайший город, где оно есть!

— Отправили уже, конечно же отправили! Безрезультатно! Ваши коллеги тянут с ответом и никого не присылают! Им нет никакого дела до бедного юноши, томящегося в застенках!

Я отпил травяного настоя и вздохнул.

— Любезный, а тебе что с того? Школяр — твой родственник или должник?

— Нет!

— Странно! Мне вот дела нет до посторонних людей.

Хозяин захлопал глазами, но намек не понял, не встал и не ушел.

— Разве ваш долг, магистр...

— Мой долг — проследовать к месту назначения и не мешать коллегам заниматься своей работой. Я здесь проездом, не забывай об этом.

— Но возможен самосуд!

— Печально слышать такое. Уверен, командир гарнизона не допустит беззакония.

Владелец гостиницы нервно забарабанил пальцами по столу.

— Так вы не желаете войти в положение и выслушать меня, магистр? — в голосе его прорезались холодные деловитые нотки.

Я улыбнулся.

— Вовсе нет, любезный! Я всегда готов выслушать интересного собеседника! Но у всего есть цена. В том числе и у моего времени.

— Поправьте, если ошибаюсь, магистр... — вкрадчиво произнес хозяин. — Но ваши денежные дела обстоят не лучшим образом. Я мог бы скостить половину платы или даже всю...

— Работать за постель и стол? Это пошло, милейший. Это просто пошло, — скривился я. — Раздобыть немного денег не составит для меня никакого труда. Прирежу кого-нибудь в темном переулке, что может быть проще? Здесь все так поступают, чем я хуже?

Владелец гостиницы нервно сплотнул и даже стрельнул глазами в сторону моей шпаги, но счел замечание всего лишь шуткой и рассудительно продолжил:

— Мы просто разговариваем! О работе и речи не идет... пока.

— Разговоры — это и есть моя работа. Большая ее часть, по крайней мере, и самая утомительная при этом.

Хозяин кисло улыбнулся и спросил:

— Ваши расценки?

Был соблазн ободрать собеседника как липку, но я подавил этот искуc в зародыше.

— Скажу прямо: деньги не самоцель. Просто осознание того, что у всего есть цена... дисциплинирует. Люди сразу перестают ходить вокруг да около и выкладывают карты на стол.

— Сколько? — уже не столь благодушно осведомился владелец заведения.

— Да, видят небеса, сущие пустяки! Четверть талера в час.

Собеседник глянул на меня с нескрываемым удивлением, затем поднял руку и щелчком пальцев привлек внимание полового. Велев тому принести кувшин вина, он потер подбородок и задумчиво протянул:

— Даже не знаю, с чего начать...

— С начала, — посоветовал я. — Начинать лучше с начала.

Владелец гостиницы моим советом пренебрегать не стал, но даже так преподнесенная им история оставила ощущение тягостного недоумения. Нет, в ней не было ровным счетом ничего таинственного — просто заезжий школяр пробрался ночью в церковь, убил сторожа и оказался схвачен патрулем, — но вот это как раз и поразило больше всего. С чего бы почтенному владельцу гостиницы переживать за какого-то проходимца? В чем заключается его интерес? Подобные люди всегда и во всем ищут свою выгоду, пусть окружающим это иной раз и невдомек.

Я выгоды собеседника в этом деле не видел и потому лишь глубокомысленно кивал да попивал вино, заедая его между делом нарезанным на кусочки сыром. Но все хорошее рано или поздно заканчивается, вот и хозяин решил поинтересоваться моим мнением относительно услышанного.

— Что скажете, магистр? — спросил он, отставив пустую кружку.

Я уклоняться от прямого ответа не стал и озвучил причину обуревавших меня сомнений:

— Не понимаю, в чем твоя выгода. А когда я чего-то не понимаю, предпочитаю с этим не связываться.

Хозяин даже привстал с лавки. Я не дал ему и рта раскрыть, повелительно выставив перед собой руку.

— И прошу: ни слова больше о человеколюбии. У меня от лицемерия скоро кровь из ушей польется.

Взгляд собеседника стал тяжелым и недобрим, но владелец гостиницы переборол себя и сухо произнес:

— В двух словах такого не объяснить.

— Пфф! — фыркнул я. — Четверть талера в час! Неужели мои расценки столь обременительны?

Хозяин немного помолчал, затем многозначительно обронил:

— Перевал до сих пор закрыт. — Он отпил вина и тяжело вздохнул. — Обычно дорога открывается на седмицу раньше, а то и на две. Но в этом году все не так.

— Какое отношение к этому имеет школяр?

— Он убил церковного сторожа, а люди клянутся, что видели в городе дух Белой девы. Кто-то даже окочурился от страха.

Я озадаченно хмыкнул. Городской собор был посвящен святой Берте, прозванной прихожанами Белой, но святые не имеют обыкновения спускаться с небес, если вдруг в одном из построенных в их честь храмов случается смертоубийство. Ангелы небесные! Да они не реагируют, даже когда эти церкви сжигают вовсе!

— С чего бы святой Берте пугать людей?

— Святой Берте? — фыркнул хозяин, взял кувшин с остатками вина и позвал меня за собой. — Идемте, магистр!

Мы поднялись на второй этаж и прошли в комнату владельца гостиницы. Там у растопленного камина грел руки худощавый пожилой сеньор, морщинистый и плешивый. На груди его солидно поблескивала золотом массивная цепь, но держался он, скорее, как военный в отставке, нежели как преуспевающий торговец. Подобные вещи чувствуются сразу.

— Соглашение достигнуто? — спросил он.

— Не совсем, мастер Грюнвельд, — почтительно ответил хозяин и указал в окно. — Вот она, истинная Белая Дева, магистр!

Я встал рядом и недоуменно уставился на крыши домов, затем перевел взгляд на возвышавшуюся за ними горную гряду.

— Белая Дева — самая высокая из вершин. Та, что с ледником, — подсказал владелец гостиницы, заметив мое недоумение. — Здешние обитатели поклонялись ей с незапамятных времен. Когда в эти края пришла истинная вера, на месте древнего святилища в скале вырубили

церковь Святой Берты, но суеверия так просто не изживаются, вам ли не знать!

Я кивнул. Сталкиваясь с очередным языческим культом, миссионеры всякий раз оказывались перед нелегким выбором: объявить местного божка демоном или же причислить его к верным слугам Вседержителя. С охочими до человеческой крови уродами все было предельно просто, но хватало и сверхъестественных существ, не запятнавших себя подобными мерзостями. Некоторые из них впоследствии стали полагаться святыми. Белая дева, как видно, была из их числа.

Мастер Грюнвельд подошел к нам и начал перечислять:

— Закрытый перевал. Убийство церковного сторожа. Явление призрака. — Он помолчал и, как мне показалось, без всякой охоты продолжил: — В городе начинают поговаривать, что надо вздернуть школяра, дабы умилоствовать Белую деву. Или даже не школяра, а первого попавшегося бродягу. Понимаете, о чем идет речь? О жертвоприношении, магистр! О самом настоящем человеческом жертвоприношении!

— Это забота церкви, — пожал я плечами и не удержался от вопроса с подвохом: — Или полагаете, будто смерть школяра и в самом деле поспособствует скорейшему открытию перевала?

Хозяин гостиницы кисло глянул на меня и отпил вина.

— Перевал откроется, когда на то будет воля Вседержителя! — отрезал он.

Я позволил себе улыбку.

— Тогда что?

— Многие теряют большие деньги, кому-то даже грозит разорение, — поведал мне мастер Грюнвельд. — А вам ли не знать, на какие глупости толкает иной раз людей отчаяние? Самосуд или тем паче жертвоприношение обернутся для города неисчислимыми бедами. Епископ пришлет каноников, а их усердие уступает лишь алчности! Они выжмут из нас все соки! Мы не желаем подобного исхода.

— Мы? — уточнил я.

— Я и здравомыслящие люди, которых представляю. Мы готовы щедро заплатить вам, магистр.

Щедро? Здравомыслящие люди обычно безмерно скупы. Впрочем, любой развяжет кошель, если его загнать в угол.

— За что именно вы готовы заплатить, мастер? — уточнил я.

— Парень виновен. Вздернуть его — и дело с концом. Возьмите судебный процесс в свои руки!

Как видно, первое впечатление оказалось верным, мастер Грюнвельд и в самом деле был жестким, циничным и практичным дельцом, готовым для избавления от большой проблемы пожертвовать чем-то малым. Деньгами или человеком — не важно.

Я с интересом перевел взгляд на владельца гостиницы, тот остался невозмутим. О своем недавнем человеколюбии он уже и думать забыл.

— У меня нет в этом городе никаких полномочий, — покачал я головой, допил вино и поставил кружку на подоконник.

— Полномочия не нужны. Нужен представитель Вселенской комиссии, который выдаст школяра светскому правосудию.

— С этим не ко мне.

— Он убийца!

— И что с того?

Мастер Грюнвельд поджал худые губы.

— Значит, вы отказываетесь нам помочь?

Я мысленно проклял роковое стечение обстоятельств, из-за которого оказался заперт в этом паршивом городишке, и покачал головой.

— Могу опросить свидетелей и оформить нужные бумаги. Это сэкономит время моим коллегам, им останется лишь провести судебное заседание.

Представитель здравомыслящих людей покрутил головой, затем спросил:

— Сколько?

— Расценки все те же: четверть талера в час, — с улыбкой сообщил я.

Мастер Грюнвельд с нескрываемым удивлением уставился на хозяина гостиницы, дождался утвердительно кивка и спросил:

— А если в виновности школяра не останется никаких сомнений? Магистр, тогда вы отдадите паршивца под суд?

Теперь уже пришла моя очередь всесторонне обдумывать выдвинутое предложение.

И знаете что? Я повторил вопрос мастера Грюнвельда:

— Сколько?

Тот ответил, и я уважительно присвистнул. Здравомыслящие люди оказались не столь уж и скупы. Как видно, ситуация не на шутку встревожила их, если речь зашла о подобных тратах.

— Но учтите: предложение действует, лишь пока закрыт перевал! — предупредил мастер Грюнвельд. — Это принципиальное условие, обсуждению оно не подлежит!

— Вот уж не собираюсь задерживаться здесь дольше необходимого, — усмехнулся я и отправился к выходу.

— Так мы договорились? — прозвучало в спину.

— Определенно это так, — ответил я, прежде чем выйти за дверь.

2

Первым делом я решил переговорить с виновником всей этой неприглядной истории, но перед походом в тюрьму поднялся в свою каморку под крышей. Любое мало-мальски значимое расследование неизбежно затрагивает интересы множества самых разных людей и, если одни пытались магистров Вселенской комиссии подкупить, то другие столь завидным благоразумием — или же благосостоянием? — похвастаться не могли и предпочитали действовать с позиции силы. А чего мне хотелось избежать, так это новых дырок в своей и без того уже немало попорченной шкуре.

Я надел стеганый жакет, который при некоторой удаче мог защитить от ножа, и прикрыл его камзолом. После оглядел свой арсенал и покачал головой. Навьючить на себя все это железо показалось идеей не из лучших, я ограничился одним из пистолей, кинжалом и магическим жезлом. Да еще сунул за голенище сапога стилет, но и только; все же собирался не на войну.

Тюрьма располагалась в казематах крепости, службу там несли солдаты. Удивляться такому положению дел не приходилось: ночной стражи в Рауфмельхайтене не было вовсе, за порядок в городе отвечали армейские чины.

Сама крепость впечатляла и подавляла. Частично вырубленная в скале, частично сложенная из каменных блоков твердыня возвышалась

над крышами домов, и чем ближе я к ней подходил, тем сильнее накатывало осознание мимолетности собственного бытия.

А еще приходилось перебарывать явственное напряжение эфирных полей и буквально прорываться через сгустившееся пространство. Всякая магическая атака наткнулась бы на преграду, основу которой заложили мастера еще той, давно канувшей в небытие Полуденной империи. Армейским ритуалистам оставалось лишь поддерживать защиту, и сил они на это не жалели. Прежде с чем-то подобным доводилось сталкиваться лишь вблизи пороховых башен.

Скучавший у боковых ворот седоусый капрал при моем появлении стряхнул с ладоней хлебные крошки и улыбнулся с некоторым даже разочарованием.

— Обычно колдунов на входе с непривычки корежит, любо-дорого посмотреть, — сказал он и добавил: — Магистр...

— В самом деле? — усмехнулся я.

— На главных воротах проще, а к нам мало кто суется...

Фраза капрала зависла в воздухе невысказанным вопросом, и я достал из-за пазухи пакет документов.

— Мне бы с арестованным школяром поговорить.

Старый служака внимательнейшим образом изучил бумаги, затем хитро прищурился.

— Нешто для разбирательства прибыли?

Меньше всего мне хотелось оказаться пойманным на лжи, поэтому я ответил предельно честно:

— Хочу убедиться, что он у вас еще от голода не помер.

И тут я красок нисколько не сгущал. Денег на содержание арестантов не выделялось вовсе, жили они за счет передач с воли от родни и знакомых. А кто станет заботиться о приезде школяре? В университетских городках хоть землячества есть...

— Да жив он! — оскорбился капрал. — Нешто мы звери какие?

Один из дежуривших на воротах солдат в кирасе и шлеме переложил упиравшуюся в землю алебарду в другую руку и пробасил:

— Он лучше нашего брата столуется! Ему каждый день харчи таскают!

— Кто? — прищурился я.

— Родня у него здесь, — пояснил капрал, возвращая документы. — Магистр, без дозволения сеньора гауптмейстера

пропустить вас не могу. Мне очень жаль.

Но чего не испытывал старый лис, так это сожаления. Он просто выполнял приказ, остальное значения не имело.

Я не стал устраивать скандала, пусть и был в своем праве, лишь протянул документы обратно.

— Так доложите обо мне гауптмейстеру. И на словах передайте, что очень не хочется начинать наше знакомство с написания кляуз. Изжога у меня от них.

Капрал кисло плюнул в ответ, но упорствовать дальше не стал. Он отправил к начальству одного из солдат, а после разложил перочинный ножичек и принялся срезать с ладони сухую мозоль.

— Так, значит, арестант не голодает? — поинтересовался я, укрывшись от пронзительного весеннего ветерка у стены.

Седоусый ветеран только фыркнул.

— Жрет в три горла, магистр. Кто другой давно бы с пеньковой вдовой станцевал, а этого не положено вешать, говорят!

Караульные закивали; один не выдержал и сплюнул под ноги.

— Сплошные неприятности от него! Как теперь в ночную смену заступать? А ну как снова призрак явится?

Я с нескрываемым удивлением поинтересовался:

— Да ты никак Белую деву видел?

Солдат поежился и кивнул.

— Было дело.

Капрал едва не порезался и со злостью плюнул на подчиненного.

— Ты языком-то лишнего не мели! Ну какой еще призрак, а? — возмутился седоусый служака. — Видел я этого призрака! Обычная баба, только мукой обсыпанная!

Я усмехнулся.

— Да не переживайте так. Вам здесь духи не страшны. Магическая защита ни одну бестелесную сущность в крепость не пропустит.

— Скажете тоже — духи! — презрительно хмыкнул начальник караула. — Просто мелькнуло что-то в тумане, а все уже в штаны наложили. Герои! Сдурели совсем. Точно говорю, это Ирма юродивая была! Снял ее кто-то, мукой обсыпал для смеха или по пьяному делу, а безмозглой дуре ни обтереться, ни срам прикрыть ума не хватило. Так

и бегала нагишом всю ночь! Ну, чего рожи кривите? Все ведь с Ирмой кувыркались, скажите еще, что это не она была!

— На Ирму похожа — это да, особенно фигурой, — рассудительно подтвердил один из караульных. — А вот на человека — не очень...

— Туман, балда! В тумане все не так выглядит!

Старый служака говорил с воистину железной уверенностью, но подчиненные его скептицизма не разделяли и начали потихоньку бормотать отгоняющие зло молитвы.

— Вроде бы кто-то умер даже... — припомнил я разговор в гостинице.

— Вы о докторе Лестере, что ли? Так он старенький был! В кои-то веки голую молодуху вместо своей гримзы увидел, кровь к уду прилила, вот сердечко и не выдержало.

Солдат — здоровенный лоб выше меня на голову и куда шире в плечах — испуганно сглотнул и попросил:

— Не надо так, сеньор капрал...

— А-а-а! — досадливо махнул рукой седоусый ветеран. — Что с вас взять, темнота деревенская! Не мелите языком лишнего, хоть умней казаться будете. Привиделось им, сразу портки обмочили...

Продолжая ворчать, он ушел в служебное помещение, а караульные будто воды в рот набрали, больше не проронили ни слова. К счастью, долго скучать в тишине не пришлось: вернулся запыхавшийся посыльный.

— Велено пропустить, — сообщил он начальнику караула. — А после казематов сеньор гауптмейстер у себя ждет.

Капрал задумчиво пожевал губами, переваривая услышанное, затем дал отмашку.

— Проводи и проследи! И смотри у меня...

Полди Харт, как звали обвиняемого, содержался в сырой и холодной камере со столь низким потолком, что выпрямиться в полный рост там был способен разве что карлик. Стены каменного мешка покрывала плесень, а от дыры в полу нестерпимо несло нечистотами, но жаловаться на условия школяру было грех. По крайней мере, его поместили в одиночную камеру отдельно от дебоширов, бродяг, жуликов и всей той беспокойной публики, которую

маринуют в казематах, а не отправляют на виселицу или каторгу сразу после задержания.

Стоило лишь надзирателю открыть дверь камеры, и одетый в рваные обноски черноволосый паренек скорчился на соломенном тюфяке и зажал ладонями уши.

— Я этого не делал! — заголосил он, не дав мне и слова сказать. — Ничего не делал! Я не виновен! Ничего не знаю! Никого не трогал! Не помню...

А после школяр и вовсе перешел на нечленораздельный плач, и я с осуждением посмотрел на тюремщика.

— Вы его били, что ли? Ну и на кой?

— Никак нет, магистр! — последовал уверенный ответ. — Нос сломали еще при задержании, а больше его и пальцем никто не тронул. Да вы сами посмотрите! Он же чокнутый! Как есть на голову больной! Мы к нему в камеру никого не пускаем, от греха подальше! Доктор только приходил, и все.

Я велел оставить нас наедине и попробовал успокоить арестанта, но тот лишь сбивчиво толковал о своей невиновности да плакал. Меня он словно не замечал вовсе и на вопросы не реагировал, даже когда удавалось отвести в сторону зажимавшие уши ладони. Убив на бесполезную возню немногим больше четверти часа, я плюнул на все и покинул камеру.

— Сеньор гауптмейстер... — тут же встрепенулся мой провожатый.

— Помню! — отмахнулся я. — Веди!

Кабинет заместителя командира гарнизона после холодной и сырой камеры показался уютным, просторным и очень теплым. Возможно, даже слишком теплым — меня сразу пробрал пот, а от красных портьер с позолоченными шнурами и батальных полотен на стенах зарябило в глазах.

Сеньор гауптмейстер был рыжим и дородным; своим вальяжным пренебрежением он напоминал обожравшегося сметаной кота. А помимо хозяина кабинета встретиться со мной возжелал гарнизонный капеллан. Этот был словно воробушек — тщедушный, порывистый и... опасный. Эфирное тело священника казалось предельно

упорядоченным; одни лишь молитвенные бдения сделать его таковым не могли. Значит, колдун.

— Сеньор гауптмейстер... Ваше преподобие... — поздоровался я, избавляясь от плаща и шляпы.

— Вина, магистр? — сразу предложил хозяин кабинета.

— Не откажусь, — ответил я с намеком на улыбку.

Но улыбка объяснялась исключительно вежливостью, на деле веселья не испытывал ни на грош. Капеллан хоть и смотрелся воробушком, но так непринужденно контролировал незримую стихию, что не оставил ни единого шанса перехватить инициативу.

Мы выпили недурственного «ледяного» вина и одобрительно покивали, затем обсудили необычайно снежную зиму и слишком уж холодную для этого времени погоду, а потом гауптмейстер хлопнул ладонью по столу и предложил обговорить действительно важные вещи.

— Магистр, на какую дату назначим слушанье дела Харта? — спросил он столь естественным тоном, что оставалось лишь поразиться его таланту лицедея.

— Вопрос не ко мне, — ответил я, — а к тем, кто будет судить этого сбившегося с пути истинного юношу.

— Магистр не может, — ехидно вставил капеллан. — Хотел бы, да не может. Он здесь проездом и никаких полномочий не имеет.

Я посмеялся.

— Ваше преподобие зрит в корень. Я здесь действительно проездом, и участь Харта меня заботит мало.

Капеллан скривил лицо в язвительной гримасе.

— Ходят слухи, — произнес он, пристально глядя мне прямо в глаза, — будто некие состоятельные персоны взяли на содержание магистра Вселенской комиссии. Вам есть что сказать по этому поводу, сеньор вон Черен?

Осведомленность священника неприятно поразила, но нисколько не смутила.

— Берут на содержание любовниц, — невозмутимо ответил я. — Магистры Вселенской комиссии милостиво позволяют неравнодушным людям компенсировать потраченное на служение обществу время.

— Не вижу в этом ничего предосудительного! — поспешил вставить гауптмейстер и вновь разлил по хрустальным бокалам вино. — Так что будет дальше, магистр?

Я пожал плечами.

— Перво-наперво я собираюсь разобраться в том, что произошло. Насколько убедительны улики против Полди Харта?

Смотрел я на капеллана, но ответил хозяин кабинета. Маска вальяжного безразличия впервые дала трещину, и он слишком уж резко заявил:

— Школяра схватили, когда тот выбегал из церкви, залитый кровью с головы до ног! Какие вам еще требуются доказательства, скажите на милость?!

Гауптмейстер вздохнул, враз растерял весь свой запал и уже голосом тусклым и безразличным добавил:

— Если не верите на слово, можете ознакомиться с материалами дела...

— Вопрос не в доверии или недоверии. Я обязан следовать установленной процедуре.

— Как пожелаете, магистр! Как пожелаете...

Материалы дела состояли из одного-единственного листа писчей бумаги. На первый взгляд изложенная на нем каллиграфическим почерком история не оставляла простора для двояких толкований, но грамотный адвокат легко мог перевернуть ее с ног на голову.

Из протокола следовало, что в ночь на воссияние Полди Харт выбежал из церкви Святой Берты и был задержан проходившим мимо армейским патрулем. Одежда школяра оказалась запятнана свежей кровью, а внутри храма обнаружился ночной сторож со свернутой шеей, но самого момента убийства или даже взлома никто не видел.

— Одного понять не могу, — пробормотал я, — церковному сторожу свернули шею, откуда взялась кровь на одежде Харта?

— Да какая разница? — отмахнулся гауптмейстер. — От волнения из носа пошла! Или сторож оказал сопротивление. Не важно!

— Еще как важно! Быть может, Полди уже пришел в церковь в таком виде?

— И зачем ему это? — прищурился капеллан.

— Спрятался от грабителей, — выдвинул я первое пришедшее в голову предположение. — А сторож перепугался, упал с лестницы и

свернул себе шею. Или нет! Грабители преследовали Харта и убили сторожа, а ему самому удалось спастись!

— И куда эти гипотетические... — интонацией выделил сложное слово священник, — грабители делись из церкви?

— Вышли через черный ход!

— Там нет черного хода!

— Но постойте! — Я зашелестел листами, выискивая подорожную школяра. — Да! Вот! Харт учится на медицинском факультете! Возможно, он взялся пользоваться кого-то, совершил ошибку, запаниковал и кинулся в церковь замаливать грехи. И попробуйте доказать обратное. Нет ни свидетелей, ни мотива. Представленные материалы... вовсе не убеждают меня в виновности школяра.

Гауптмейстер снисходительно усмехнулся.

— Мотив есть.

— В самом деле? Неужели попытка ограбления?

В ответ на мое предположение хозяин кабинета воздел к потолку указательный палец.

— Да будет вам известно, магистр, долгие годы ночными сторожами церкви Святой Берты служили мужчины из семейства Хауфвинцев. Но несколько лет назад был назначен человек со стороны. А ваш школяр по материнской линии как раз Хауфвинц. Паршивец решил вернуть в семью теплое местечко! А может, просто злобу затаил. Как говорят, этот Харт дрянь, а не человек.

— И потом, — неожиданно ласково улыбнулся капеллан, — вам-то что с того, магистр? Какое вам до этого дело?

Я лишь пожал плечами.

— А что с призраком Белой девы?

Гауптмейстер и гарнизонный священник переглянулись.

— Слухи! — в голос ответили они.

— От слухов не умирают.

— Слухи и сплетни, — заверил меня гауптмейстер. — Досужая болтовня. Всею виной — дурная погода.

— Туман, — добавил капеллан. — Чего только людям не пригрезится в тумане!

Больше от этой парочки я так ничего и не добился. Пришлось распрощаться и уйти.

И ведь не оставляло меня ощущение, что сеньор гауптмейстер и хитрюга-капеллан знают куда больше, нежели удосужились мне сообщить. Вот прямо готов был на это последний грош поставить. Но что им грош! Тут на кону ставки куда как выше...

Глава 3

1

Пока без спешки возвращался в гостиницу, хорошенько обдумал услышанное и пришел к неутешительному для себя выводу, что ничего существенного не узнал.

Ангелы небесные! Положа руку на сердце, я и не горел желанием ничего выяснять и просто отработывал почасовую ставку. Мне бы взять в оборот школяра, так нет же — возиться неохота. Следствие изображаю! Вопросы задаю! С гауптмейстером вино распиваю! Убиваю время, и не более того, если уж на то пошло.

С другой стороны — а почему бы и нет? Тем более что в гостинице поджидал на редкость приятный сюрприз: вместо опостылевших каш, жидких похлебок и невесть из чего приготовленных рагу сегодня меня попотчевали половиной жареного цыпленка. Да и кружку неизменно разбавленного пива заменили яблочным вином, очень даже неплохим.

Перед трапезой я подошел к хозяину и попросил его отыскать семью арестованного школяра.

— Зачем? — удивился владелец заведения.

Я закатил глаза, медленно выдохнул и сказал:

— Просто сделай, как я прошу.

Ну как тут было не вспомнить старину Хорхе? Без него воистину как без рук!

Впрочем, хозяин гостиницы меня своей расторопностью изрядно удивил. Нужные сведения он вызнал меньше чем за полчаса, за это время я даже не успел пообедать.

Полди Харт и в самом деле оказался местным уроженцем. Несколько лет назад он покинул отчий дом, желая обучаться медицине, а его семья так до сих пор и жила на окраине Рауфмельхайтена. Отец школяра работал кровельщиком, а мать сидела с младшими детьми. Именно она навещала в тюрьме непутевого сыночка, именно ей он мог поведать о своих печалях и горестях.

Это немаловажное обстоятельство и подвигло меня подняться с лавки и выйти под хмурое небо, с которого падала то ли морось, то ли

мелкий мокрый снег, и отправиться на окраину вконец опостылевшего городка. Она была застроена покосившимися домишками, многие вплотную подступали к отвесному обрыву, едва не нависая над пропастью. На узеньких извилистых улочках бегали чумазые дети, эти сорванцы и подсказали квартиру, где обреталась семья Харта.

Встретили меня там без всякого радушия. Глава семейства уже пришел домой с работы и долго колебался, прежде чем пригласить незваного гостя внутрь. Я было подумал, так и придется через порог разговаривать, но нет — впустил.

— Приехали, значит... — вздохнул кровельщик. — Судить будете?

— Речь идет о предварительном следствии.

— Да хоть и суд! Скорей бы уж отмучиться! — резко бросил глава семейства, и его жена всхлипнула, зажала рот ладошкой, спешно выбежала из комнаты.

Кровельщик мрачно глянул ей вслед и с отвращением процедил:

— Хауфвинцы! — после покачал головой и вновь вздохнул. — Ладно, чего надо?

С кухни тянуло кислой капустой и чем-то жареным, меня замутило, но виду я не подал и поинтересовался у хозяина родней его супруги.

— Хауфвинцы! — повторил тот. — Их род вечно мнил из себя невесть что! И где теперь они? Были да все вышли!

— А что с ними случилось?

— Старика и обоих сыновей лавиной завалило. Никого не осталось, — пояснил кровельщик. — Полди тогда уже год как в Риер сбежал, да он и не стал бы на должность церковного сторожа пробоваться, не его это. Болтовня о мести — чушь собачья, выеденного яйца не стоит.

— Сбежал? — зацепился я за неуместное слово.

Глава семейства пожал костлявыми плечами.

— Удрал или учиться уехал — как по мне, разницы никакой.

— А вернулся он зачем? С семьей повидаться?

— Да прям! — скривился хозяин. — Даже не зашел ни разу, будто дорогу забыл. Пока за решетку не угодил, знать о себе не давал. Такой вот сынок. Вырастил на свою голову, выучил! А мать теперь ему последние харчи из дома в тюрьму таскает! — повысил он голос. —

Только зря еду переводит. Все равно ведь вздернут. Ведь вдернут же, да?

— Суд решит, — ответил я, попрощался с кровельщиком и покинул квартиру.

Сразу со двора уходить не стал, прошелся по соседям, поспрашивал насчет Полди. Доброго слова о школяре никто не сказал, но вспоминали только старые выходки — к примеру, распотрошенных школяром зверушек, — а за последние дни он в округе никому на глаза не попадался. Как видно, семью и в самом деле не навещал. Но зачем тогда вообще приехал в город? И откуда взялась кровь?

Впрочем, школяр вполне мог подвергнуть вивисекции очередную кошку — для учащихся медицинских факультетов такие художества были в порядке вещей. Кто собак режет, кто свежие тела из могил выкапывает. У мессиаан за подобное и на костер отправить могут, а в нашем просвещенном обществе разве что самых зарвавшихся одергивают.

Пока ходил по соседям, солнце нырнуло за вершину горы, стемнело разом. В окнах замерцали отсветы лучин и лампад, в переулках сгустился мрак. Скрипнула дверь, во двор вышла мать Полди с матерчатым узелком в руке. Заметив меня, она в испуге приложила ладонь ко рту, но сразу переборола смущение и спросила:

— Что с ним будет? Что вы сделаете с моим сыночком?!

На этот раз о суде я упоминать не стал и со всей уверенностью заявил:

— Мы позаботимся о нем. Все будет хорошо.

Лжец-лжец! Но это была ложь во благо. Мне во благо, так уж точно.

Женщина расплакалась, я взял ее под руку и спросил:

— Зачем Полди вернулся в город?

Ответом стал перепуганный взгляд.

— Н-не знаю! Откуда мне знать?

— Это плохо, — вздохнул я. — Гауптмейстер полагает, будто ваш сын убил церковного сторожа из мести.

— Нет! — вскрикнула заплаканная женщина. — Нет! Он не такой!

— Вы можете спросить Полди о цели его приезда?

Женщина вновь заплакала.

— В камеру меня не пускают, а через дверь Полди не разговаривает. Будто не слышит. Только плачет, так жалобно плачет, что у меня сердце от боли разрывается! Они били его! Они его били!

— Послушайте, сеньора! — склонился я к матери злополучного школяра. — Свидетелей нет, если на суде мы сможем объяснить столь поздний визит Полди в церковь, то будем настаивать на его невиновности. Это называется «обоснованные сомнения». Поверьте, я не враг ему. Я его последняя надежда на оправдание! Но мне надо знать, что привело Полди в церковь!

Уж не знаю, сыграл ли свою роль уверенный тон или женщине просто требовалось выговориться, но на этот раз она запирается не стала, вытерла с лица слезы и сказала:

— Полди — хороший сын. Он навестил меня по приезде в город. Сказал, что завел влиятельных друзей и скоро поправит свои дела. Он собирался показать кому-то церковь Святой Берты.

— Показать? Зачем же он пошел туда ночью?

Мать Полди болезненно поморщилась.

— Это мой отец задурил ему голову легендами о Белой деве. Будто бы она является людям лишь по ночам. Но я не знаю... просто не знаю...

— А сын не говорил, кто приехал с ним посмотреть церковь?

— Нет... — Женщина поникла и тут же ухватила меня за руку, зашептала в лихорадочном возбуждении: — Вы поможете моему мальчику? Правда, поможете?!

— Сделаю все, что в моих силах.

Я не уследил за голосом, и сухой тон подействовал на мать Полди подобно удару хлыста. Она отшатнулась, порывисто развернулась и зашагала прочь. Первым моим стремлением было броситься за убитой горем матерью и постараться успокоить ее, но по здравом размышлении я делать этого не стал. Более того — прежде чем двинуться той же дорогой, задержался во дворе, пытаюсь осмыслить услышанное.

Что за влиятельный человек мог заинтересоваться церковью в провинциальном городишке? Историк? Архитектор? Теолог? Не так уж много сохранилось на северо-западе империи пещерных храмов. В горах укрывались от преследования имперских книжников первые миссионеры — возможно, интерес вызван именно этим? Или же

неизвестного компаньона заинтересовало капище, которое располагалось на том месте прежде? Интересно, какие именно легенды мог поведать внуку церковный сторож?

Призрак... Люди видели призрак... Белая дева? Как мифическая хозяйка здешних мест связана со всем этим? Или дело в банальном мороке, коими изобилует туман, а то и вовсе в пьяной выходке уличной девки?

Ответа на этот вопрос у меня не было, и я отправился в гостиницу, размышляя на ходу, кого расспросить о местных преданиях и стоит ли вообще тратить на это свое время. Задумчивость едва не сыграла со мной злую шутку. Поначалу я не обратил внимания на подпиравшего стену мужичка и, лишь приблизившись, отметил наигранность его позы и замедлил шаг. Случайные встречи на пустынных темных улочках вполне могли оказаться случайными лишь для одной из сторон.

Лицо мужичка покрывали отметины оспин, губы кривились в недоброй улыбке, а рука поигрывала смотанной в кольца веревкой. На всякий случай я нашарил под плащом заткнутый за пояс пистоль, и этот жест не укрылся от незнакомца — он осклабился, показав пеньки гнилых зубов.

— Тут, значитца, передать велено, шоб в чужие дела носа не совал, — заявил он с ухмылкой. — А то оторвут тебе шнобель. Вместе с дурной башкой оторвут! Усек?

Ангелы небесные! Обо мне что, на весь город раструбили уже?!

— Чего молчишь, телок? — разозлился рябой. — Давай! Промычи уже что-нибудь!

Оскорбления нисколько не задели, и я спокойно спросил:

— Кем велено?

На ответ не рассчитывал, просто тянул время. Лихих людей видно сразу, такого если и попросят что-то передать, то исключительно нож в спину. Нет, словами дело точно не ограничится...

Недавние упражнения с Мартой помогли скользнуть в транс пусть и ненадолго, зато почти без усилий, на одном выдохе. На краткий миг вечерняя темень отступила, мир обрел изначальную полноту, а за спиной — святые небеса! — мелькнул отблеск чужой ауры! Я не стал дожидаться удара дубинкой по затылку и рванул из-под плаща пистоль.

Рванул и не успел! Рябой махнул рукой, мелькнула веревка, грузик на ее конце угодил по пальцам, и костяшки пронзила острая боль. Выбитое оружие полетело под ноги. Ах ты, зараза! Кистень! Этого еще не хватало!

А за спиной — шаги! Стремительным рывком я сорвался с места, скакнул вперед и чуть в сторону, инстинктивно втянул шею в плечи. Со вторым замахом головорез поторопился, и свинцовая гирька не проломила висок, а лишь сбила с головы шляпу. Я перехватил веревку левой рукой, шагнул вперед и приложился по носу рябого основанием свободной ладони. Вложил в жесткий тычок всю инерцию своего тела да еще повернул корпус, и лиходей рухнул на спину как подкошенный.

Топот за спиной предупредили о новой опасности, и я сиганул в сторону. Начал разворачиваться и едва успел присесть, уходя от удара штакетиной. Пришлось даже опуститься на колени. Доска промелькнула над головой, со всего маху шибанула по углу дома и расщепилась, а не рассчитавший силы громила невольно подступил вплотную ко мне, придавив пюзом к стене.

Прежде чем верзила успел отшатнуться и вновь пустил в ход обломок штакетины, моя ладонь нырнула за голенище сапога и в руке сам собой оказался стилет. Я загнал трехгранный клинок в жирный бок верзилы по самую рукоять и попал на редкость удачно, кабы даже не слишком: ноги мордворота враз подкосились, он навалился на меня всей своей немаленькой тушей. Пришлось спихивать его с себя, и этой малой заминки хватило рябому, чтобы подняться и сграбастать с земли пистоль.

С мерзким смехом головорез вскинул руки и нацелил на меня покрытый магическими формулами ствол, но сразу опомнился и опустил курок к стальному колесу замка. Ангелы небесные! С такого расстояния не промахнется даже ребенок. Если только...

Рябой склонил голову, высматривая спусковой крючок, и я рванул из-под плаща магический жезл. Времени оставалось лишь на то, чтобы прочертить короткую дугу да затянуть простейший из всех узлов. Полноценного заклинания не вышло, бил я едва ли не чистой энергией и ударил исключительно за счет собственных сил, будто молотком с железной рукоятью по наковальне долбанул. Отдача от

магического действия острой болью пронзила левую руку, пальцы разжались, жезл упал к ногам.

Но досталось и рябому. Уже изготовившегося к выстрелу лиходея эфирным выбросом отшвырнуло к соседнему дому, он приложился затылком о стену, дрогнул, покачнулся, но устоял на ногах, лишь выронил пистоль да странно засучил ногами, словно висел в воздухе.

Переборов навалившуюся неподъемным грузом усталость, я рывком поднялся с земли и шагнул к рябому с кинжалом в руке, но причин для спешки уже не было. Как оказалось, головореза насадило на торчавший из стены штырь, некогда служивший креплением для фонаря, и теперь из пробитой насквозь головы торчал окровавленный кусок железа.

Со стороны покойник выглядел отиравшим стены пьянчугой; я не стал тратить на него время и вернулся к пузатому верзиле, валявшемуся на земле. Левая рука уже обрела подвижность; мне удалось ухватить здоровяка под мышки и утянуть его со всеобщего обозрения в глухой переулок. На земле осталась маслянисто поблескивать красновато-черная лужица.

Обычно колотые раны не приводили к столь обильному кровотечению, но тут уж повезло так повезло. Времени на полноценный допрос не оставалось, я отвесил раненому хлесткую пощечину и прошипел в лицо:

— Кто вам заплатил?

Пузан прохрипел в ответ:

— Вытащи...

— Кто заплатил, сволочь? — рыкнул я, впадая в бешенство.

— Убери...

Мордovorот не мог думать ни о чем, кроме всаженного в бок клинка, и я махнул левой рукой, разматывая четки. Святой символ закачался перед глазами раненого, тот сразу прикипел к нему взглядом, и почерпнутые в наставлении о ментальном доминировании техники позволили взломать гаснущее сознание громилы будто гнилой орех.

— Имени своего не назвал, — просипел быстро терявший силы пузан. — Подошел в «Трех пеньках». Нестарый еще, но седой. Не местный. Сказал разобраться...

— Сразу заплатил?

— Часть...

Пузатый здоровяк захрипел и принялся разевать рот, будто вытащенная на берег рыба.

— Как насчет остальных денег сговорились? — спросил я, но ответа не дождался. Мордоворот затих и перестал дышать.

Я наскоро обыскал покойника, пересыпал себе обнаруженные в кошеле монеты и направился к рябому, по дороге подобрав сбитую с головы шляпу и оброненный магический жезл. Вдалеке мелькнул ответ фонаря и послышались голоса, я быстро заткнул за ремень пистоль, срезал тощий кошель покойника и поспешил прочь.

2

Прежде чем войти на почтовую станцию, я какое-то время стоял под фонарем у ворот, придирчиво изучал в его тусклом свете плащ и счищал с него случайные брызги крови. После не стал беспокоить ни почтмейстера, ни клерков и сразу направился в закуток колдуна, отвечавшего за прием и отправку эфирных сообщений.

Совсем молодой еще ритуалист оторвался от доски с вырезанным на ней алфавитом и осведомился:

— Чем могу помочь?

Я даже не попытался улыбнуться в ответ и скрежетнул зубами от боли, стягивая правую перчатку. К счастью, удар свинцовым грузиком оказался не слишком силен, и обошлось без переломов, дело ограничилось распухшими пальцами.

— Надо отправить пару срочных сообщений.

Колдун присмотрелся к служебному перстню и предупредил:

— Тариф един для всех, магистр.

— Счет оплатит хозяин «Белого филина», — сказал я, встал за конторку и принялся составлять послание.

Поразительное дело, но почтовый служащий этому моему заявлению нисколько не удивился. Он будто знал, кто я и на кого работаю. Да сговорились они все, что ли?!

Восстановить в памяти служебный шифр особого труда не составило, и я набросал два коротких послания. Одно предназначалось сеньоре Белладонне; с ней мы расстались вполне довольные друг другом, и это позволяло надеяться, что запрос о круге знакомств Полди Харта если и не будет обработан в срочном порядке, то не

останется без ответа. Риерские школяры входили в круг ответственности Адалинды, ей и карты в руки.

Адресатом второго послания был магистр-управляющий ближайшего отделения Вселенской комиссии по этике. Приказывать я ему не мог и все же настоятельно рекомендовал незамедлительно прислать в Рауфмельхайтен следственную группу. Жить с нарисованной на спине мишенью не слишком приятно, а прибытие коллег гарантированно избавит меня от черной метки. Если конечно же я не избавлюсь до того момента от нее сам...

Именно этому я и решил посвятить свой вечер. Когда ритуалист закончил водить пальцами по доске с вырезанным на ней алфавитом и незримую стихию перестали пронзать посылаемые им через эфир сигналы, я справился у него о «Трех пеньках». Колдун округлил глаза и с нескрываемым отвращением поведал, что приличному человеку в эдаком гадючнике делать совершенно нечего.

— Работа, — вздохнул я с отнюдь не наигранной печалью, и тогда ритуалист сообщил, что это паршивый кабак неподалеку от въезда в город.

Туда я и направился. Запутанные улочки Рауфмельхайтена то шли в горку, то ныряли под уклон, да еще на пути постоянно попадались вырубленные в скале ступени; раньше это нисколько не напрягало, но после дня блужданий в эдаких лабиринтах начало ныть только-только зажившее после ранения бедро. Мне бы сейчас в кресле у камина устроиться и глнтвейн попивать, а не по злачным местам в поисках неприятностей шастать! Но деваться некуда. Раз уж влип в историю по собственной глупости, только и остается, как той лягушке, лапками сметану взбивать. Не тонуть же, в самом деле...

Несмотря на окутавшую город темень, отходить ко сну его обитатели особо не торопились. То и дело встречались подвыпившие компании, светились окна трактиров и гостиниц, где-то играла музыка, откуда-то доносились взрывы заразительного смеха. На одних перекрестках к прохожим приставали гулящие девки, на других тянули в игорные дома лукавые зазывалы. Все изменится, когда заполонившие Рауфмельхайтен торговцы получат возможность перебраться на ту сторону Тарских гор, ну а пока ночная жизнь была ключом.

Впрочем, обольщаться не стоило — на узеньких улочках было легче легкого наткнуться на острый нож или получить дубинкой по голове. Я пополнять ряды обобранных до нитки покойников, которых обыватели находят поутру, нисколько не хотел и потому соткал из эфира небольшой светящийся шарик и пустил его лететь перед собой. Польза от заклинания выходила двойная: оно и глухие подворотни освещало, и давало понять лихим людишкам, что приближается колдун. И колдун этот — настороже.

Так или иначе, до «Трех пеньков» я добрался без приключений, а там загодя развеял эфирный сгусток и некоторое время стоял на углу, изучая собравшихся перед входом в кабацк пьятиц. На еше нестарого, но уже седого сеньора никто из забулдыг не походил. Я опустил на лицо шляпу и прошел в гостеприимно распахнутую дверь. Внутри витали клубы дыма, пахло подгорелой стряпней и толкались личности, одна сомнительней другой. На этих проходимцах клейма ставить негде было, и вместе с тем совсем уж пропащих людишек в заведении не наблюдалось. Тут собирались ночные обитатели Рауфмельхайтена, беспринципные и опасные, но никак не спившееся отребье.

Все столы оккупировали завсегдатаи, они жрали и пили, играли в карты и кости. Остальные теснились у прилавка, расплачивались и отходили с кружками пива и стаканами шнапса к тянувшимся вдоль стен стойкам, а их места тут же занимали новые страждущие.

Я прошел в темный угол, благо мой скромный наряд внимания не привлек, успокоил дыхание и погрузился в неглубокий транс. Густые тени рассеялись, тела людей засветились изнутри призрачными оттенками аур.

Увы, адептов тайных искусств в заведении не оказалось, да и седовласых сеньоров заметить тоже не удалось. Поборов досаду, я протолкался к стойке, а после с кружкой кислого пива вернулся на свой наблюдательный пункт. Точнее — попытался вернуться. Там к этому времени уже обосновалась пара каких-то выпивох. Пришлось усесться на освободившийся подоконник. Немедленно пожаловала шлюха, столь потасканная на вид, что когда я велел оставить меня в покое, это с пониманием восприняли не только окружающие, но и она сама.

Проклятье! Старина Хорхе чувствовал себя в подобных заведениях как рыба в воде, да и Ланзо с Гансом легко сошли бы здесь за своих, а мне только и оставалось, что для видимости прикладываться к обколотой кружке да поглядывать по сторонам. Разговорить хозяина или одного из завсегдатаев не стоило даже пытаться. В этом случае имелся серьезный шанс получить нож под ребра, а мне вовсе не хотелось заканчивать на столь печальной ноте вечер. И хорошо если только вечер, а не жизнь.

В итоге я без толку проторчал в кабаке больше двух часов и ушел, так и не дождавшись появления таинственного седого сеньора. Хотя, быть может, просто не сумел различить его в толпе забулдыг. Очень уж расплывчатым вышло описание.

Плевать! Чует мое сердце, еще повстречаемся, перекинемся парой слов. А при некоторой удаче одними лишь словами дело не ограничится. Пообщаемся по душам...

В гостиницу вернулся, когда колокол на ближайшей башне пробил три четверти девятого. Общий зал оказался переполнен постояльцами, пиво лилось рекой, пронзительно пиликала скрипка, ей вторила губная гармошка. Нестройный хор голосов выводил застольную песню не из самых приличных, кто-то лихо отплясывал, грохоча каблуками об пол.

Я ушел в альков для избранных гостей, скинул с плеч плащ и устало опустился на скамью. Только перевел дух, и внутрь заглянул оповещенный о моем появлении хозяин.

— Чем порадуете, магистр? — любопытствовал он.

Я вытянул натруженную сверх всякой меры правую ногу и сказал:

— Двенадцать часов! Убираем час на обед и получаем два талера и сорок пять крейцеров.

Владелец заведения покачал головой.

— Ваши расценки, магистр, только поначалу кажутся смешными.

— Твои не кажутся таковыми даже поначалу!

Собеседника мое замечание нисколько не задело, скорее, он воспринял его как должное и уточнил:

— Распорядиться насчет ужина?

— Всенепременно! И будь так любезен, — постучал я пальцем по краю стола, — мои деньги. Еще понадобятся писчая бумага, свечи и

горшок колотого льда.

Хозяин выгреб из кармана на груди фартука пригоршню серебряных монет, начал отсчитывать нужную сумму и спросил:

— Могу я получить... отчет?

— Позже, — отмахнулся я и без пересчета ссыпал кучку мятой и гнутой мелочи в заметно потяжелевший за день кошель. — И нет, постой! Я тут подумал... Есть очень простое решение вашей проблемы...

— Нашей? — скривился владелец заведения. — Разве она еще не стала общей проблемой?

— То, что для вас проблема, для меня хлеб насущный, — цинично парировал я. — Но это не имеет значения. Вот посмотри: начало судебного процесса зависит исключительно от того, сколь быстроотреагируют мои коллеги на просьбу прислать в город магистрарасследующего. Я готов употребить свое влияние и представить ситуацию, как требующую незамедлительного вмешательства. Что скажешь?

Влияние иных персон можно мазать на хлеб вместо масла, а другие и вовсе одним лишь росчерком пера меняют судьбы тысяч людей, но и магистры Вселенской комиссии не из последних мира сего. Зачастую именно наше скромное мнение определяет, где пройдет граница между жизнью и смертью и кто окажется по какую из ее сторон.

Хозяина гостиницы мое предложение не вдохновило.

— Как уже сказал мастер Грюнвельд, потребность в ваших услугах отпадет сразу, как только откроется перевал, — напомнил он, скрестив на груди руки.

— О, в предоплате нет нужды! В конце концов, речь идет о помощи друзьям. Рассчитаетесь, если следователь прибудет в город, прежде чем станет проходима дорога через горы.

— Сколько?

— Четверть обещанной суммы.

— Мы дадим ответ завтра.

Я лишь пожал плечами. В любом случае просьба о срочном приезде магистрарасследующего уже достигла адресата, и не имело ровным счетом никакого значения, заплатят мне за проявленное усердие или нет. Дело прежде всего! Покушение на магистра

Вселенской комиссии уже само по себе достойный повод для того, чтобы перетряхнуть Рауфмельхайтен сверху донизу. Кто бы ни пытался отбить у меня интерес к этому делу, он допустил непростительную ошибку. Точнее, даже две: организовал покушение и в своем начинании не преуспел.

Куда больше самого нападения меня беспокоил тот факт, что его причина так и осталась для меня загадкой. Как ни прискорбно было это признавать, я и понятия не имел, в каком направлении следует рыть.

О моей работе на «здравомыслящих людей», казалось, уже знала каждая собака, могло статься и так, что свой ход сделали их недоброжелатели, коих в городе просто не могло не быть. Или ночное проникновение в церковь имело какое-то отношение к древнему языческому капищу, и тогда дело куда серьезней, нежели представляется на первый взгляд.

В иной ситуации я бы ощутил нешуточный азарт, вот только сейчас все мои помыслы уже были по ту сторону Тарских гор. Зараза! Еще только в местных проблемах увязнуть не хватало!

Плотно поужинав, я поднялся в свою каморку под крышей, разжег свечи, выложил на крохотный столик писчую бумагу, чернильницу и перо. Отбитые ударом кистеня пальцы ныли, и, прежде чем приступить к составлению отчета, я сунул правую руку в горшок с колотым льдом. Стало немного легче.

В итоге с отчетом я провозился до поздней ночи. Предназначались записи, разумеется, вовсе не мастеру Грюнвельду — много чести! — а моим коллегам, коим придется разбираться во всем этом безобразии по прибытии в город. Именно поэтому я не ленился переносить на бумагу не только факты и содержание разговоров, но и свои догадки и предположения. Помимо обещания ускорить начало судебного процесса и стремления прищучить заплатившего убийцам седовласого сеньора, дело было в элементарной профессиональной этике. Не привык работать спустя рукава, не по мне это.

Гуляки внизу давно угомонились — одни разошлись по комнатам, другие остались коротать ночь на лавках в общем зале, — но абсолютной тишина не была. Гудел под скатами крыши ветер, шуршали за стенами мыши, скрипели ступени и половицы. А потом

как отрезало, по гостинице расползлась мертвая тишина. Да еще огоньки свечей враз поблекли и растеряли теплые тона, став блеклыми и бесцветными. Что за напасть? Запределье?!

Но нет — присутствие потусторонней стихии ощущалось иначе, скорее уж мироздание изменила мощная волшба или некая сверхъестественная сущность. Схватив волшебную палочку, я толчком распахнул дверь и выпянул в тянувшийся через весь чердак коридор. Двери, двери, двери. Всюду — одни только закрытые двери кладовок, но вот в дальнем конце...

Ангелы небесные! Только этого мне еще не хватало!

Глава 4

1

Поначалу я принял ее за обычную женщину. Незвестные чары перекраивали реальность, играли с цветами и оттенками, они вполне могла придать коже незнакомки белизну только-только выпавшего снега. Впрочем, нет, конечно же нет. В гостиницу пожаловал призрак.

Белая дева оказалась высокой и статной; разорванный лиф открывал крупную, отнюдь не девичью грудь. Голова была опущена, и лицо пряталось за белыми волосами, ниспадавшими вниз спутанными и нечесаными лохмами. Подол платья терялся в клубившемся над полом тумане, фигура парила в воздухе и заливала все кругом жутковатым сиянием.

Ночная гостья не выглядела плоской картинкой и вместе с тем казалась изображением, нарисованным поверх чуждой ей реальности небрежными и одновременно гениальными мазками белого. Белым представлялось решительно все: платье, кожа, волосы и даже соски. Но совсем уж незапятнанной дева не была: из раны под левой грудью вытекала черная кровь. Посмертное проявление ран — обычно дело для душ, расставшихся с телами раньше отмеренного Вседержителем срока...

Под сорочку забрался ледяной холодок, враз стало не по себе. Да жутко стало, чего уж там! Впрочем, подавить приступ паники получилось без особого труда. Пусть я и не большой специалист по части экзорцизма, встречаться с вырвавшимися из чистилища духами доводилось не раз и не два. Мне были прекрасно известны их слабые места.

Призраки слепы, зрение им заменяет сверхъестественное чутье, их влечет ужас простецов. Знающему человеку ничего не стоит защитить свой разум от слабосильных выходцев из запределья, а изгнать подобное создание способен даже простой священник. Что уж говорить о дипломированном колдуне!

Я спешно укрыв сознание ментальными щитами, и Белая дева словно уловила мои приготовления. До того она неподвижно висела в

дальнем конце коридора, а тут легко вскинула голову; из-под спутанных волос на меня уставились кровавые дыры пустых глазниц.

Уставились. На меня.

Призрак видел!

Кто-то открыл ему глаза! Святые небеса!

Миг — и Белая дева ринулась по коридору, с невероятной скоростью преодолела разделявшее нас расстояние и... разлетелась облачком мертвенного сияния, погасла. Простейшая формула изгнания вышибла призрак из нашей реальности; я опустил руку и с облегчением выдохнул. Едва ли дух мог всерьез повредить мое эфирное поле, и все же соприкасаться с ним... не хотелось.

И вот что еще интересно — платье призрака оказалось современного покроя, ни о какой древней хранильнице здешних мест, а тем более о сверхъестественном воплощении горы не могло идти и речи. Что это вообще было, хотелось бы мне знать?

За спиной вдруг вспыхнуло призрачное сияние; я крутанулся на месте и оказался лицом к лицу с соткавшейся из небытия Белой девой. Скрюченные пальцы метнулись к шее; от их ледяной хватки спас рефлекторный взмах волшебной палочкой. Мигнула лазурная вспышка, и руки призрака откинуло в сторону, выбитый жезл полетел на пол.

Обезоруженный, я отшатнулся и попятился, но сразу переборол испуг и остановился. Белая дева оскалилась и зашипела.

Клянусь, до меня донеслось вырвавшееся из бесцветных губ шипение!

— Сдо-о-охни...

Но я умирать не собирался. Более того, ощутил внезапную вспышку ярости, шагнул вперед и ухватил призрак за шею. Пальцы не прошли через нематериальное создание, стиснули его, дали возможность встряхнуть, подтянуть к себе и прокричать прямо в искаженное гримасой гнева лицо:

— Изыди, тварь!

И вновь Белая дева рассыпалась ворохом серебристого мерцания. Только на этот раз она исчезла, прихватив частичку моего эфирного тела.

— Стерва! — в сердцах выругался я. — Тварь!

Левая рука занемела и едва шевелилась. Опрометчивое прикосновение позволило духу вытянуть из меня часть жизненных сил; не спасли даже четки святого Мартина.

Я несколько раз сжал и разжал кулак, нагнулся и поднял с пола магический жезл. Вырезанные на том формулы и символы превращали обычную ветвь в колдовской инструмент, способный не только работать напрямую с незримой стихией, но и воздействовать на бестелесных созданий. Это меня сейчас и спасло.

— Где ты, тварь?! — крикнул я, но слова растворились в заполонившей коридор тишине. — Возвращайся!

Да! Я несколько не сомневался, что зловредный дух уподобился кружащей у поверхности воды акуле и таился за кромкой реальности, а потому бдительности не терял и пребывал начеку. И даже так едва успел среагировать, когда пол озарило призрачное свечение. Белая дева вынырнула с нижнего этажа, намереваясь вцепиться мне в ноги; я резво скакнул в сторону и врезал жезлом. Призрак уклонился от замаха, провалился сквозь доски и скрылся из виду, а уже миг спустя выступил из стены и ринулся на спину!

В развороте я отмахнулся волшебной палочкой и вновь отшвырнул духа прочь. Как и прежде, полыхнула лазурная вспышка, но на этот раз мне удалось удержать жезл в руке и нанести еще один удар. Белая дева вознеслась к потолку и прошла сквозь него, скрылась на улице. Но исчезла ли?

Я не верил, что эта настырная погань решила угомониться, и потому перекинул волшебную палочку из правой руки в левую и принялся плести ей сложную формулу из арсенала экзорцистов. С потолка посыпалась пыль, доски закрипели, казалось, застонал сам дом. Призрак спикировал подобно хищной птице, я вовремя присел, и скрюченные пальцы промелькнули над головой, лишь обдало могильным холодом затылок.

Белая дева развернулась и снова метнулась в атаку, навстречу ей устремилась сотканная из эфира формула, но формула не изгнания, а заточения! Грохнуло! Выведенное из равновесия магическим ударом пространство качнулось, гостиница содрогнулась от подвала и до чердака, несколько дверей распахнулись, закачались на перекошенных петлях. Формула пронзила Белую деву, эфирные лучи оплели ее и

охватили непреодолимой клеткой. Обездвиженный дух забился и задергался, но сдвинуться с места оказался не в состоянии.

Тогда Белая дева уставилась на меня окровавленными глазницами, а потом закричала, да так, что беззвучный вопль едва не отбросил на пару шагов назад. И все же я не упустил контроля над заклинанием, обретшая эфирное воплощение формула не выпустила Белую деву из своих обволакивающих объятий.

Но дух и не думал сдаваться! Он бился в силках все яростнее и яростнее. Эфирные нити начали понемногу поддаваться и растягиваться; пришлось пуще прежнего заработать жезлом, накладывая стежок за стежком, затягивая узлы и восстанавливая магическую клетку.

Зловредный призрак оставил беспорядочные метания и начал целенаправленно продавливать дальний барьер, а вместе с ним смещать всю фигуру, растягивать ее и ломать структуру. Все мои труды могли пойти насмарку, и я прямо на полу несколькими спешными движениями кинжала набросал фигуру эфирного якоря.

Царапины закурились дымком, и клетка тотчас обрела былую стабильность. Я с облегчением успокоил дыхание и уже без всякой спешки принялся накладывать на духа чары изгнания, способные перебросить его в самые глубины запределья. Прямоком к ненасытным обитателям хтонических глубин, жаждущим растерзать и пожрать любого чужака!

Дело это было небыстрое и требовало высочайшей сосредоточенности. Каждое движение жезла словно вымарывало призрака из нашей реальности, закрашивая его противоестественную белизну расчетливыми мазками эфира. О подобных техниках мне прежде доводилось лишь читать; работа предстояла в высшей степени кропотливая, но иных способов избавиться от зловредного создания в голову попросту не пришло.

И я уже почти в своем начинании преуспел, когда схема эфирного якоря вдруг полыхнула синим пламенем, доски затрещали и выгнулись, а затем пол взорвался тучей щепок прямо мне в лицо!

Ловушка распалась, а перетряхнувшая эфирное поле судорога шибанула и опрокинула на спину, помешав завершить ритуал экзорцизма и пустив прахом все приготовления. Ангелы небесные! Ну что за невезение!

В ярости я стеганул Белую деву эфирной плетью, желая вновь обездвижить ее, дабы повторить попытку изгнания, но изворотливая гадина непостижимым образом увернулась от удара. Заклинание шибануло по стене и прочертило по ней обугленную борозду.

Из последних сил я крутанул жезлом, готовясь сотворить новые чары, и Белая дева неуверенно замерла на месте, а затем и вовсе устремилась прочь. Работа волшебной палочкой была для меня не самой привычной, это и подвело. Просто не успел сплести усиленный парой узлов якорь и метнуть его в беглянку. Точнее, успел, но за миг до того призрак скрылся из виду, беспрепятственно пройдя сквозь стену. Брошенное вдогонку плетение расползлось по доскам завораживающе алым узором и вмиг выжгло их, превратив дерево в осыпавшуюся на пол труху.

Опоздал! Ангелы небесные, опять опоздал!

Присутствие потустороннего схлынуло; я выронил волшебную палочку и скрючился, прижимая левую руку к груди. Пропитавшая дерево выжимка корня мандрагоры приятно заморозила кожу и прогнала боль, но даже так пальцы все сводило, сводило и сводило воистину бесконечной судорогой. Зараза!

Послышались встревоженные голоса постояльцев, на лестнице замелькали отсветы ночника, и я поспешил убраться в свою каморку. Кинул магический жезл на кровать, сунул левую руку в горшок с холодной водой и остатками льда, но лучше не стало. Лучше станет, когда выпотрошу эту тварь!

Я вытянул перед собой левую руку и воспользовался истинным зрением, дабы оценить, сколь сильные повреждения эфирному телу нанесло прикосновение к призраку, но все оказалось не так уж и скверно. Ситуацию вполне могли выправить две или три медитации, только прежде требовалось разобраться с Белой девой. С Белой девой и тем, кто эту тварь на меня натравил!

2

Я уже облачился в кольчугу, подпоясался оружейным ремнем и рассовывал за него пистолы, когда на разгромленный чердак решился подняться хозяин, одетый лишь в рубаху до пят да ночной колпак.

— Магистр! — испуганно охнул он, подняв повыше масляный фонарь. — Что вы устроили здесь, магистр?!

Я выплянул из комнатухи, оглядел вздыбленный пол и разломанные стены, зло усмехнулся.

— А на что это, по-твоему, похоже, любезный?

— Магистр!

Владелец заведения даже взвизгнул от возмущения, и я успокаивающе похлопал его по щеке.

— Все в порядке. Я прогнал ее.

— Кого?!

— Белую деву.

Хозяин приложил руку к сердцу и уставился на меня округлившимися от животного ужаса глазами.

— Не шутите так! Умоляю, не шутите...

— Да какие могут быть шутки, любезный? Заказывай табличку в честь сего знаменательного события.

— Невозможно! Это просто невозможно!

Я взял плащ и без всякого сочувствия спросил:

— А на что ты рассчитывал, когда сунул палку в осиное гнездо?

Владельца заведения едва удар не хватил, он навалился на дверной косяк и какое-то время наблюдал за моими сборами, молча открывая и закрывая рот.

— И что теперь, магистр? — В голосе собеседника прорезался откровенный страх. — Куда вы? Куда вы собрались посреди ночи? Вы уходите?! Бросаете нас?!

Со стороны все действительно выглядело так, будто я намереваюсь задать стрекача, но в этом не было ровным счетом никакого смысла. Что призраку почтовая миля или даже пять? Меня эта бестелесная тварь найдет даже на другом конце света. Если, конечно, она не привязана к чему-то в Рауфмельхайтене, в чем я вовсе уверен не был.

Как бы то ни было, играть на нервах хозяина я не стал, вытолкнул его в коридор, запер дверь и усмехнулся.

— Куда я собрался? Решать вашу проблему, куда же еще!

Вашу? Да нет, уже нашу. Или даже мою...

Небо затянули низкие облака. Казалось, с крыш до них можно дотянуться рукой, а с колокольни так даже не требовалось и тянуться. На город сыпался мелкий противный дождь. Впрочем, сейчас противным было решительно все. Улицы, дома, выроставшие стеной

горы, плеск воды под ногами, ночная прохладца и даже мое собственное бессилие. И лишь азарт не давал опустить руки и гнал вперед. Да! Я ощущал азарт!

Духи слабы, однажды низвергнутые в запределье, они не способны явиться обратно, если только чужая воля вновь не откроет им дорогу в реальный мир. Я изгнал Белую деву. Уничтожил ее сущность. Стер из мира живых. И проделал это не единожды. А мерзкая пакость раз за разом возвращалась и стремилась пожрать мою душу! Словно нечто крепко-накрепко привязывало ее к нашей реальности. И если я сумею это нечто отыскать...

У меня даже мурашки по всему телу побежали от грандиозности перспектив. Обычные неприкаемые духи совершенно бесполезны для адептов тайных искусств. Они не обладают ни силой, ни знаниями и годятся разве что для наведения порчи, а потому призывают их лишь злокозненные северные шаманы и безграмотные деревенские ведьмы, да еще всяческие шарлатаны-прорицатели и недоучки-школяры вроде Акселя Хольма. Настоящий мастер никогда не опустится до подобного, но...

Этот призрак совсем не так прост. Он может стать превосходным инструментом для познания запределья. Моим инструментом.

Из «Белого филина» я отправился напрямиком в книжную лавку, где снимал комнату, прежде чем перебраться в гостиницу. Точнее — прежде чем меня погнали оттуда взащей. Я не злопамятен, но не могу сказать, что не испытывал мрачного удовлетворения, когда принялся колотить кулаком в запертую дверь.

— Вселенская комиссия по этике! — гаркнул я во всю плотку, стоило спуститься на первый этаж разбуженному грохотом хозяину.

Вселенская комиссия, о да! Ночной визит моих коллег вполне мог вызвать медвежью болезнь даже у закаленных профессоров, что уж говорить о книготорговце! У этой братии у всех до единого рыльца в пушку. Алчность вкупе с тягой к познаниям разъедают мораль почище кислоты.

Хозяин лавки, как видно, не отличался ни чистой совестью, ни крепкими нервами. Дрожащими руками он отпер дверь и отступил, освобождая проход. В свете ночника его лицо показалось мертвенно-бледным; в нем не осталось ни кровинки.

— Так это вы?! — охнул книготорговец, но я не дал ему собраться с мыслями, сразу ухватил за ухо и потянул в торговый зал.

— Книги о духах! Все, что есть! Быстро!

Хозяин бросился к полкам, но сразу опомнился и развернулся. Я поднял руку и продемонстрировал служебный перстень.

— Живо, кому сказано!

Этого хватило. Пока я разжигал свечи, книготорговец отыскал несколько сочинений на интересующую меня тематику и выложил их на стол, а сам замер рядом по стойке смирно. С учетом ночной рубахи до пят смотрелось это предельно комично, но мне было не до смеха.

— Это все? — спросил я, раскладывая перед собой книги.

— Все!

— Свободен!

Экзорцизм никогда не входил в круг моих интересов. Чернокнижники и демонические отродья были противниками несравнимо более серьезными, нежели бестелесные порождения запределья, слабосильные и ограниченные. Для противодействия им обычно хватало ментальных блоков и трав, дым которых изменял эфир и делал незримую стихию непригодной для пребывания заблудших душ. Прежде на меня никогда не натравливали призраков, раньше мне и в голову не приходило взять под контроль одного из них. Я имел лишь отдаленное представление о нужных ритуалах и поступил так, как поступил бы на моем месте всякий образованный человек: зарылся в книги.

Вполне допускаю, что хозяин схитрил и утаил наиболее ценные труды, но я не стал устраивать обыска. Не из-за отсутствия полномочий — вовсе нет! — просто и с этими тремя сочинениями провозился до самого рассвета. Разбираться в новой для себя теме всегда непросто, а учебника по экзорцизму в лавке не отыскалось.

Впрочем, о бессонной ночи жалеть не приходилось. В любом случае безмятежный сон был для меня сейчас недостижимой роскошью — кто знает, когда вновь нагрянет Белая дева?! — да и кое-какие полезные сведения почерпнуть все же удалось.

Лучшим средством обуздать призрак и удержать его на месте считалась лунная нить — подобное средство упоминалось в двух сочинениях из трех. В одном даже приводился порядок создания этого не самого простого заклинания. Всего-то и требовалось, что сплести с

небесным эфиром лучик лунного света. Подготовленные должным образом чары сохраняли свою силу вплоть до рассвета, и с их помощью экзорцист мог не только обездвигнуть неприкаянного духа, но и вырвать сущность, угнездившуюся в человеческом теле. И все бы ничего, да только у меня не было ни малейшей уверенности, что к вечеру распогодится и облака перестанут закрывать луну!

Еще одна магическая формула создавала сложную защиту, которая не позволяла духам приближаться к ритуалисту и отбрасывала их прочь, а дюжина зачарованных должным образом горошин могла защитить меня во сне. И хоть уверенности в действенности этого метода не было, я все же записал порядок наложения чар.

Увы, этим мои успехи и ограничились. Я так и не сумел выяснить, как отыскать и уничтожить якорь, возвращавший Белую деву в нашу реальность всякий раз после того, как мои заклинания вышвыривали ее прочь. Хотелось бы, конечно, использовать в собственных целях этот неведомый артефакт, но чем больше я об этом читал, тем сильнее меня обуревали сомнения, что это такая уж хорошая идея. Для правильного обуздания — не заточения, а именно обуздания и подчинения! — неприкаянных духов требовалось проведение сложнейшего ритуала, схема которого содержала слишком много неизвестных мне на текущий момент переменных.

Да и плевать! Действовать буду по обстоятельствам. Ну в самом деле — мне ли смешить своими планами небеса?

3

Ближе к рассвету хозяин лавки собрался с решимостью и потребовал объяснений.

— Магистр! Могу я узнать, что вы ищете? — спросил книготорговец, нервно потирая руки. Пахло от него вином и сердечными каплями.

Я оторвался от с записей, зажмурился и помассировал веки. Затем осведомился:

— Лестер. Это имя что-нибудь тебе говорит?

Хозяин лавки захлопал глазами.

— Доктор Лестер? — уточнил он.

— Понятия не имею. Нужный мне Лестер на днях преставился.

— Доктор Лестер, — кивнул книготорговец. — Увидел Белую деву и умер от испуга. Разрыв сердца. Так говорят...

Он смутился и уставился себе под ноги, сожалея, что вообще затеял этот разговор.

Разрыв сердца? Да неужели?

— Похороны уже прошли? — справился я.

Хозяин лавки только руками развел.

— Не подскажу, магистр!

Я вызнал у него, как отыскать дом почившего в бозе доктора, и тогда книготорговец посмурнел окончательно. Румянец с его щек пропал без следа, лицо вновь посерело. Он даже вознамерился сбежать в другую комнату, но я не позволил.

— Последний вопрос! — остановил я книготорговца. — Юродивая Ирма, знаешь такую?

— Ее все знают!

— И как выглядит эта девица?

— Девица! — всплеснул руками хозяин лавки. — Да там такая девица! Не приведи небеса такую...

— Выглядит как?

— Грудастая и вульгарная, — сообщил книготорговец. — Говорят, безотказная во всех отношениях, вообще во всех, но сам не проверял. За что купил, за то продал.

— Работает на кого?

— Спросите на Воробьином холме. Там подскажут.

— А точнее?

Хозяин лишь сутулыми плечами пожал.

Я собрал свои вещи, взял наброшенный на спинку стула плащ и уточнил:

— Все еще желаешь узнать, что я тут искал?

Книготорговец оказался человеком благоразумным и замотал головой.

— Нет, магистр! Прошу, ничего не говорите! Я ничего не хочу знать! Ни-чего!

Я ткнул его пальцем в грудь, предупредил:

— Вот и помалкивай! — и отправился к выходу.

Колокольный звон застиг на полпути к жилищу покойного доктора. На улицу начали вываливать обыватели, и я с превеликим трудом подавил обреченный вздох.

Воссияние! Люди богобоязненные спешат на утреннюю службу, и только у меня другим голова занята; аки ищейка, скверну по дурным местам вынюхиваю...

В голову после бессонной ночи лезла всякая чушь, и никак не получалось настроить себя на рабочий лад. Помог траурный вид многочисленной родни доктора Лестера. Погребение тела было назначено на сегодняшней день, и по этому случаю в доме собралось множество его отпрысков.

Покойник, к слову, оказался не так уж и стар, да и на боли в груди, по словам вдовы, отродясь не жаловался.

— Белая дева его сгубила, — поведала тучная тетка в черном и промокнула платочком слезящиеся глаза.

Вчера предположение седоусого капрала о проказах бесстыжей девки Ирмы показалось мне куда убедительней слухов о явлении горожанам некоей сверхъестественной сущности, но это было вчера. А вот после визита ночной гостьи я не поставил бы и ломаного гроша против сотни гульденов на то, что доктора хватил удар из-за обнаженной женской груди, не важно, реальной или призрачной.

Именно поэтому я и склонился над открытым гробом и осенил покойника святым символом.

— Покойся с миром, — сказал, отступая, но шансов на достойное посмертие у доктора Лестера было, откровенно говоря, немного. Точнее, их не было вовсе.

После смерти небесный эфир оставлял брэнную плоть не сразу, обычно на это уходило немало времени. Сейчас же передо мной лежал не относительно свежий покойник, а всего лишь совокупность мяса, костей и жил. Белая дева пожрала его душу, как пыталась пожрать и мою. Осознание этого отозвалось болезненной судорогой в левой руке.

— На кого ты оставил нас?.. — запричитала вдова. — И зачем только взялся поганца лечить, зачем навлек на себя гнев Белой девы?! Как же я теперь без тебя...

— Какого поганца? — не понял я.

Вместо заливавшийся слезами тетки ответил внук покойного:

— Дед арестантов пользовал. Он убийце церковного сторожа сломанный нос вправлял, ну и вот...

— Прогневил покровительницу нашу! — завывла вдова.

Я скомканно попрощался и покинул дом.

Ну что за суеверия? Какая еще покровительница? Придумают тоже! И тут же я замер, пораженный неожиданной догадкой. Полди Харт! Доктор Лестер осмотрел школяра и вскоре стал жертвой призрака. Я посетил камеру убийцы и тоже подвергся нападению Белой девы. Простое совпадение или зловредный дух убивает всех, кто соприкасался с Полди Хартом? Всех, в чьих эфирных телах может уловить следы его ауры?

На первый взгляд в эту теорию не вписывались сам школяр и солдаты гарнизона, которые его арестовали, но на деле никакого противоречия здесь не было. Крепость защищали мощные чары, призраку туда никак не проникнуть. Да и следы чужой ауры сходят на нет весьма и весьма быстро. Ну и в камеру к Полди никого больше не пускали.

Так что я вернулся в дом покойного доктора, отвел в сторону одного из его многочисленных родичей и спросил, как пройти к жилищу церковного сторожа. Не стал ничего объяснять, юлить и выдумывать, просто задал вопрос тем холодно-деловым тоном, что враз отбивает у простецов желание интересоваться твоими мотивами. Не пришлось объясняться мне и на этот раз. Что было совсем уж замечательно, проживал сторож неподалеку отсюда, буквально на соседней улице. Я этому обстоятельству откровенно обрадовался: натруженные за вчерашний день ноги ломило просто немилосердно; беспрестанные спуски, подъемы и крутые лестницы приводили меня в самое настоящее иступление. Ангелы небесные! Ненавижу горы!

Церковного сторожа уже погребли, но меня это обстоятельство ни в малейшей степени не смутило. Сам покойник не представлял для следствия никакого интереса, требовалось осмотреть одежду, в которой наступила его смерть. Увы и ах, именно в ней сторожа и похоронили! Другого приличного наряда у него попросту не было.

Пришлось идти к обмывавшей тело старухе, благо она жила в этом же квартале. Выслушав меня, костлявая бабка пошамкала беззубым ртом и решительно заявила:

— Чистое было тело, без ран. Не пришлось от крови отмывать. Я б денег больше взяла.

Я от щедрот своих одарил старуху пфеннигом и поспешил покинуть ее темную и мрачную конуру.

На теле церковного сторожа не имелось ран, а его одежда была чистой, так откуда взялась кровь на руках Полди Харта? Кого он покалечил или даже убил?

В голове некоторое время уже брезжила догадка, способная объяснить решительно все, и, дабы подтвердить ее или опровергнуть, я отправился на Воробьиный холм. Весь тот квартал был одним сплошным борделем, и пришлось изрядно побродить, прежде чем удалось отыскать заведение, в котором подвизалась юродивая Ирма.

И ладно бы просто побродить! Время было неурочное, на стук в двери подолгу никто не отвечал, иной раз не отпирали вовсе. Удивляться такому не приходилось: местные обитатели продирали глаза разве что к полудню, а сейчас не минуло еще и шести утра.

Но, как бы то ни было, нужное место я все же отыскал. Самой Ирмы в борделе, как и предполагал, не оказалось, и заправлявшая там мамка — сонная и одутловатая, ровно с большого перепоя, — предложила выбрать любую другую свободную девицу. Но нет, другие девицы меня не интересовали.

— Ирма где? — спросил я, поглаживая припухшие пальцы правой руки.

— Да кто эту дуреху знает? — фыркнула мамка. — У нее ветер в голове! Одно слово — юродивая!

— И давно не появлялась?

— Спроси чего полегче! Мне с остальными забот хватает!

В комнату заглянул бандитского вида вышибала, но пухлощекая тетка отослала его досадливым жестом, вновь развернулась ко мне и вымученно улыбнулась.

— Так показать девочек?

Взгляд припухших глазок содержательницы борделя беспрестанно перебегал с одного предмета на другой, смотрела она куда угодно только не на меня. Эта прожженная хищница из рук вон плохо скрывала охватившую ее нервозность. Мои расспросы невесть с чего нагнали на нее страх.

Но чего ей бояться? Я ведь совсем-совсем не страшный. А если и страшный, то давно наострился это скрывать. Выходит, дело не во мне?

— Девочки пусть после трудов праведных отсыпаятся, — недобро улыбнулся я и выстрелил наугад. — Ты лучше другое скажи: знаешь, кто я?

И — о чудо! — тетка медленно кивнула.

Как видно, иной раз бывает польза и от досужих сплетен. Вчера из-за ненужной опласки меня едва не спровадили на тот свет, а сегодня все получилось ровно наоборот. Кого другого вышибала давно бы уже с крыльца спустить попытался, а меня терпят. Будь я сам по себе, правдивых ответов не дождался бы, теперь же оставалось лишь грамотно разыграть свою партию. Все выложат, никуда не денутся.

— Стал быть, знаешь и тех, кто меня об услуге попросил? — продолжил я напирать на содержательницу борделя.

И вновь ответом стал настороженный кивок.

— Где Ирма? — потребовал я ответа и рыкнул: — Не юли! В глаза смотри!

Тетка была тертой и выдавшей виды, но со здравомыслящими людьми Рауфмельхайтена ссориться поостереглась.

— Сняли Ирму, — нехотя сообщила она. — Заплатили сразу за два дня. Давно должна была вернуться, но не появилась. Да говорю же: у нее ветер в голове, что два дня, что седмица — ей все едино, пока кормят и поят.

— Снял кто?

Содержательница борделя пожалала плечами, поправила сбившуюся шаль и зябко поежилась.

— Приезжий снял, — сообщила она, не став вдаваться в детали.

— И ты так запросто свою девку невесть с кем отпустила?

— Монет отсыпали, вот и отпустила. Да и видно было, что человек серьезный. Такой... со стержнем, что ли. Породистый.

— Выпядел он как?

Тетка задумалась.

— Одно слово — солидный. Не старый еще, а волосы с проседью. И одет дорого. А заколка плаща, — припухшие глаза мечтательно заблестели, — в виде золотого жука. И камушки... Настоящие самоцветы, не стекляшки дешевые.

Седой? Не тот ли седой, что ухарей подговорил меня в оборот взять?

Очень интересно. Только вот я ожидал услышать совсем другой ответ и потому уточнил:

— Один он был?

— Да нет, — припомнила тетка. — Слуга при нем крутился. Мальчишка еще совсем, щенок чернявый с бородавкой на щеке. Взгляд его мне сразу не понравился. Еще подумала — у такого сеньора какой-то оборванец в прислуге ходит.

— Бородавка, значит? — задумчиво хмыкнул я.

Полди Харт был темноволосым, да и бородавка у него на лице тоже имелась.

— Патлатый такой, — скривилась тетка. — Он на Ирму хозяину и указал. Как увидел ее, так чуть слюной не истек, паскуда такая!

— Занятно.

В голове так и закрутились мысли. Полди Харт и некий солидный сеньор с золотой фибулой в виде жука. Пропавшая шлюха, которая, по словам капрала, как две капли воды походила на призрак Белой девы. А еще церковь Святой Берты, где ночными сторожами долгие годы служили родственники школяра...

Все запуталось окончательно или же, напротив, стало ясно как белый день?

В церковь Святой Берты я не пошел и для начала отправился расспросить соседей Полди Харта об этом беспокойном юнце. Откуда-то возникла уверенность, что вчера они были откровенны со мной не до конца.

Проходя мимо злополучного переуллка, я замедлил шаг и огляделся, но тела на земле уже не валялись, а кровь смыло дождем. Будто и не случилось ничего, разве что отбитые пальцы до сих пор саднит.

Родных школяра я этот раз беспокоить не стал, сразу пошел по соседям и сегодня уже не интересовался их мнением о Полди, а задавал предельно конкретные вопросы. И очень быстро картинка в моей голове дополнилась новыми деталями. Рабочей гипотезе они нисколько не противоречили, скорее, даже наоборот — подтверждали ее целиком и полностью.

Как оказалось, Полди и в самом деле сбежал из города, но вовсе не от родительских затрещин, а от несравнимо более серьезных неприятностей. О его непотребной страсти к расчленению зверушек знали многие, и, когда неподалеку зарезали старика-бродягу, сразу пошли пересуды, будто известный всей округе живодер принялся за людей. И пусть прямых доказательств вины бедового юнца не имелось, никто и не собирался устраивать следствие на этот счет. Дыма без огня не бывает — какие еще нужны доказательства? Вот Полди и удрал.

Одна деталь заинтересовала особо — животным, попавшим ему в руки, школяр неизменно вырезал глаза. Ну и какой мог быть у подобного действия исследовательский интерес? Это, скорее, говорило о некоем душевном заболевании. Доводилось мне встречаться с вивисекторами, для которых значение имел лишь сам процесс, а никак не результат. Да еще вспомнилось изуродованное лицо призрака.

— Одно к одному, — проворчал я и отправился в церковь Святой Берты.

Разгадка крылась именно там.

За время своего пребывания в Рауфмельхайтене я посещал богослужения неоднократно, как-то раз заглядывал и в церковь Святой Берты. Надо сказать, тогда особого впечатления она на меня не произвела.

Нет, вырубленный в скале храм поражал необычными архитектурными решениями, да и акустика там была весьма и весьма хороша, но огоньки свечей даже не пытались разогнать густой полумрак, а эфирное поле оказалось далеко не столь ярким и насыщенным, как того стоило ожидать от древнего храма.

И теперь невольно возник вопрос: а не сказывалась ли подобным образом на незримой стихии близость заброшенного языческого капища?

Шла служба, церковь оказалась полна прихожан. В мои планы не входило тратить время на выслушивание проповеди, я намеревался уловить отголоски недавнего ритуала и без промедления прижать Полди к стенке, но невольно заинтересовался словами настоятеля и решил с медитацией немного повременить.

Невесть с чего проповедник отошел от привычных тем и обрушился с яростной критикой на язычников, не способных принять свет истинной веры. И ладно бы он избрал мишенью своего красноречия кровожадных обитателей северных лесов и болот, так нет — поминались во время службы исключительно солнцепоклонники Арбеса. А под конец так и вовсе священник выдал формулировку, поразившую меня до глубины души.

— Как говорил пророк, — торжественно повысил он голос, — должно утопить ересь обожествления светила в море!

«Как говорил пророк!» — да это же вступительная формула догмата о верховенстве Сияющих Чертогов!

Вот так дела! Неужто ортодоксы решили возвести в статус священного изречения свой собственный догмат? Но почему тогда избраны целью солнцепоклонники, обитавшие по ту сторону Соленой пустыни, а не привычные враги: узурпировавшие Сияющие Чертоги догматики или еретики-мессиане?

Воодушевленные проповедью обыватели начали перешептываться, обсуждая очистительный поход на Арбес и со знанием дела рассуждая о несметных сокровищах пиратов, а я прислонился к вырубленной в скале колонне и закрыл глаза. В святом месте погрузиться в транс оказалось на удивление легко, сознание просто растворилось в незримой стихии, словно медовая патока в кипятке, мир расцвел неведомыми красками, накатило умиротворение.

Вот только никаких результатов мое обследование эфирного поля не принесло. Если несколько дней назад здесь и творилась темная волшба, молитвы давно выжгли всякие ее следы. Так или иначе, но храм осквернен не был.

Да и потом — куда бы делось тело? А в том, что Ирма убита и это ее призрак является горожанам по ночам, я нисколько не сомневался. Но без тела... Без тела мне дело никак не сшить.

Решив не полагаться на одни лишь колдовские способности, я прошелся по церкви, как бы невзначай заглянул даже в служебные помещения. Храм оказался невелик, и пусть некоторые комнаты осмотреть не удалось, едва ли покойник мог пролежать незамеченным все это время в одной из них.

Ангелы небесные! Да после ареста школяра здесь точно все обыскали! И что же получается — тупик? Я покачал головой. Нет, не

тупик. Просто пришло время для более решительных действий.

Глава 5

1

В казематы меня не пустили. Давешний капрал только руками развел.

— Сеньор гауптмейстер ни о чем таком не предупреждал.

— Но вчера...

— Вчера было вчера, а сегодня — уже сегодня! — с невозмутимым видом выдал седоусый служака.

Я в голос выругался.

— Смотрю, прецедентное право у вас здесь не в чести.

— У нас приказы в чести, магистр, — последовал издевательски спокойный ответ.

Терять время на беспредметные беседы с армейским начальством не хотелось, но деваться было некуда, и я обреченно махнул рукой.

— Доложи!

Капрал отправил бойца с донесением, и на этот раз меня долгим ожиданием мурьжить не стали, соизволили принять почти сразу. И вновь компанию гауптмейстеру составил гарнизонный капеллан.

— Магистр! — радушно улыбнулся мне хозяин кабинета. — Вот уж не ожидал, что вы вернетесь!

— Так скоро? — предложил я окончание фразы.

— В принципе, вернетесь, — уколол меня острым взглядом капеллан.

Я только руками развел.

— Служебный долг, кому понять, как не вам?

Благодушное лицо гауптмейстера исказила досадливая гримаса.

— Бросьте, магистр! В ваших услугах больше нет нужды.

— Не вам это решать, — покачал я головой.

Хозяин кабинета переглянулся с капелланом, они рассмеялись.

— Неужели еще не слышали, магистр? — обратился ко мне гауптмейстер и отошел от стола к буфету. — Ночью сошла лавина, она смела завалы с последнего непроходимого участка дороги. Перевал открыт.

— Отправляйтесь в Сваами, — порекомендовал священник. — Так будет лучше для всех.

Я задумчиво хмыкнул. Возникло сильное искушение бросить все и последовать совету, но я не мог. Так и сказал.

— Рад бы, ваше преподобие, но у меня здесь дела.

— Вы меня, верно, не услышали? — спросил гауптмейстер, взвесив в руке бутылку из зеленого стекла. — Так я повторю: перевал открыт. Сделке конец. Уезжайте.

Воробушек-капеллан недобро рассмеялся.

— Неужели непонятно, магистр? Это мы наняли вас разобраться со школяром, но теперь в ваших услугах отпала всякая нужда.

Если священник думал смутить меня, то он просчитался. Я должен был ощутить себя круглым дураком, но не ощутил. Дураки не зарабатывают два талера и сорок пять крейцеров в день.

Так что я за словом в карман не полез и ехидно ухмыльнулся.

— Осмелюсь напомнить, что магистров Вселенской комиссии не покупают, не нанимают и не берут на содержание. Мы дозволяем оплатить наши хлопоты, не более того.

— Красивые слова! — фыркнул капеллан.

— Ваше преподобие ждут удивительные открытия, — сказал я и перешел к делу: — Мне нужно помещение для допроса арестованного, писарь и заплечных дел мастер.

Гауптмейстер рассмеялся.

— А мне хочется луну с неба.

— У вас нет полномочий проводить дознание! — напомнил капеллан.

Полномочия! Дело было исключительно в них. Именно из-за отсутствия полномочий меня и не попытались привлечь к этому делу официально. Армейские чины решили остаться в стороне, на случай если Вселенскую комиссию не устроит самодеятельность одного из магистров. А такое развитие событий исключать было нельзя. Не полагается магистрам-надзирающим брать на себя функции магистров-расследующих. Во всем должен быть порядок.

— Полагаете, с открытием перевала людям станет не до школяра? — прищурился я.

— О нем уже забыли, — кивнул гауптмейстер. — Теперь мы все сделаем правильно. И, разумеется, дождемся вашего коллегу,

уполномоченного на проведение следствия. А вы свободны!

— Полномочия... — скривился я. — Сказать по правде, полномочий у меня куда больше, чем свободного времени.

И я выложил на стол козырного туза. Точнее — патент магистрат-расследующего, который после перевода в Сваами не был изъят и уничтожен.

Мои собеседники склонились над столом, и капеллан тяжело вздохнул.

— Редкостное... коварство, — промолвил он, явно употребив вовсе не то слово, которое так и вертелось у него на языке. — Вы и не подумали заняться своими непосредственными обязанностями, пока вам не посулили за то мзду!

Гауптмейстер был с ним целиком и полностью согласен.

— Мне не жалко потраченных денег, магистр, — прямо заявил он, — но все это походит на банальное вымогательство!

— Вы нуждались в моих услугах, вы их получили, — отмахнулся я. — А мне нужны палач и писарь, фургон, пара крепких парней да свободная бойня. Я без труда договорюсь обо всем и сам, но тогда могут пойти слухи. Да, сеньоры! Слухи! О призраках, явлении Белой девы и всяческих языческих мерзостях. Я уеду, а вам здесь жить.

— Мы дадим людей, — решил гауптмейстер, задумавшись лишь на миг. — Но только после получения официального запроса.

Я с обреченным вздохом снял плащ и кинул его на один из стульев.

— Полагаю, сеньор, вам известно значение слова «бюрократия»?

Сеньор гауптмейстер даже не улыбнулся.

— Достаточно того, что мне известно слово «устав»!

Составление всех необходимых бумаг заняло никак не меньше двух часов, и на бойню мы доставили арестанта ближе к полудню, когда солнце уже зависло над городом и начало мало-помалу пригревать. На сегодня забой скота не планировался, и цехмейстер городских мясников позволил нам занять провонявшее смертью строение хоть до самого утра.

— Почему не хотите провести допрос в камере? — удивился поначалу гарнизонный капеллан. — Можете не беспокоиться насчет лишних ушей!

Но я лишь покачал головой.

— На бойнях царит своя неповторимая атмосфера. Люди чрезвычайно быстро проникаются осознанием того, что их отличает от скота только наличие души и значение имеет лишь ее бессмертие.

А еще там неизменно стоит такое зловоние, что пронимает даже тех арестантов, в чьих камерах пол не проглядывает из-под нечистот. И пусть Полди Харт закален походами в анатомические театры, на бойнях иной раз выворачивало даже выдавших виды профессором-медиков.

Сам я по привычке к запаху смерти во время Лаварской кампании, но отнюдь не горел желанием вдыхать это омерзительное амбре и потому приложил все усилия, дабы образумить Полди Харта во время поездки. Пустое! Школяр с достойным лучшим применением усердием продолжал ломать комедию. Он плакал, жаловался на жизнь, уверял в собственной невинности и пропускал мимо ушей большинство вопросов, да и на остальные не спешил отвечать по существу.

— Я не помню! — блажил он с нескрываемым испугом. — Я ничего не помню, но точно никого не убивал! Меня опоили! Я был пьян! Меня сделали крайним!

Врал конечно же без зазрения совести, но вжился в свою роль до такой степени, что заплечных дел мастер с сомнением покачал головой.

— Этот упорный, сразу видно, — сказал он, когда мы прибыли на место и арестанта утащили на бойню. — Придется повозиться.

Я лишь усмехнулся в ответ.

— Особо не усердствуй. Начинай медленно, останавливайся по первому слову. И не калечь. Этот прохвост мне целым и невредимым нужен.

— О как! — даже крякнул от изумления палач. — Прикажете обязанностями манкировать? Мне за другое деньги платят!

— Уже нет, — усмехнулся я и вложил в заскорузлую ладонь собеседника монету в половину талера.

— Так что же, — озадачился палач, — просто попугать?

— Попугать и следов не оставить. А просто это или нет — тебе виднее.

Заплечных дел мастер поскреб заросшую щетиной щеку и расплылся в улыбке.

— Да уж не сомневайтесь, магистр. Без нужды усердствовать не стану!

— Вот и чудно.

Вселенская комиссия по этике не одобряла пыток; мы не выбивали из подозреваемых ни показаний, ни признаний... почти никогда. И в любом случае санкцию на применение крайних мер дознания мог дать лишь магистр-управляющий, а у меня не было ни возможности, ни желания заниматься всей этой согласовательной волокитой. Да и не по мне арестанту жилы тянуть. Пусть на совести этого живодера как минимум одна жертва, опускаться до его уровня не хотелось.

Разум! Я уповал не на клещи и каленое железо, а на собственный разум. Немного антуража, немного магии. Запоет, никуда не денется!

Бойня была выстроена на отшибе, сзади к ней примыкал пустовавший сейчас загон для скота. Внутри оказалось просторно и чисто, но тяжелый густой запах смерти намертво — воистину подходящее слово! — вьелся в стены, и к горлу немедленно подкатил комок тошноты. Незримая стихия казалась здесь подпорченной, в ней словно плавали комки черноты. Священники-экзорцисты посещали подобные места по нескольку раз в год, но они лишь не давали зародиться всяческой потусторонней пакости, полностью вычистить эфирное поле им было не по силам.

Палач досадливо крикнул, позеленевший писарь зажал надушенным платком нос, а подвесившие голого школяра на разделочный крюк парни поспешно выбежали на улицу. Я им отчасти даже позавидовал. Самому о плотке свежего воздуха оставалось только мечтать. Меня ждала работа.

Полди Харт оказался сложения рыхлого и, несмотря на юные лета, успел обзавестись не столь уж и маленьким животом. Висеть на стянутых в запястьях руках было для него сущим мучением, и школяр даже обмочился, хоть никто его еще и пальцем не тронул.

— Я невиновен! — лихорадочно кричал он. — Невиновен, поверьте! Я напился и не помню, как оказался в церкви! Наверное, зашел по старой памяти! Не было у меня злого умысла! И сторожа не убивал! Я его и пальцем не трогал! Не видел его даже. Не помню! Ничего не помню, говорю же вам!

Писарь расположился за поставленной на попа бочкой, а палач кинул на пол лязгнувший металлом саквояж, извлек из него кожаный фартук и принялся возиться с завязками.

— Огонь разожги, — попросил я, встав напротив свисавшего с крюка школяра.

— Нельзя так с людьми! — заблажил тот.

Я покачал головой и тычком в живот заставил его раскачиваться из стороны в сторону. Груз на связанные руки приходился вовсе не малый, арестант заскулил и засучил ногами.

— Полди, Полди, Полди... — произнес я с нескрываемой печалью. — А ведь всего этого можно было избежать. Как уже говорил по дороге сюда, за убийство церковного сторожа тебе грозит виселица, а потому нужно хвататься за любую возможность избежать осуждения. Я беседовал с твоей матушкой, ее боль разрывает мне сердце. Она верит в твою невиновность и убедила в ней меня. Но кто тогда убил сторожа? С кем ты приехал в город? Кому собирался показать храм? Кого взял с собой в ту ночь? Просто назови имя, и все закончится.

— Не делал! Не знаю! Невиновен! Я просто пил! Просто пил! Весь вечер пил, вот и не помню ничего толком! — выкрикнул школяр, даже не пытаясь скрыть охватившего его ужаса.

Вот только такая штука — боялся он не палача и уж точно не меня. Страх на него нагнали вопросы.

— «Даже в самом пустом из самых пустых есть двойное дно»! — процитировал я ходившее среди магистров Вселенской комиссии крылатое высказывание одного из имперских книжников, а когда палач запалил принесенную с собой щепу и споро развел небольшой костерок, кинул в огонь несколько пучков купленных по дороге сюда в аптеке трав.

Дым враз перебил вонь смерти и одновременно изменил эфир — не сгустил его, но сделал более податливым для определенного рода воздействия.

— Идите пока. Как понадобится, позову, — отпустил я помощников, а стоило тем выйти на улицу, скользнул сознанием в незримую стихию, словно в заросли терновника нагишом вломился. Тени густились, резанули бритвенными лезвиями, в углах бойни

заклубилась мерзкая чернота. Послышались голоса. Кто-то звал меня по имени и плакал, а еще — гудели осы.

Отрешиться от наваждения получилось не без труда, но я все же восстановил ментальные блоки и придирчиво осмотрел эфирное тело болтавшегося на крюке школяра. Адептом темных искусств тот не был и все же ауру имел неправильную, словно бы опаленную. Не цельную, а подернутую по краям серым пеплом.

На Полди словно навели порчу. Или же он сам навлек ее на себя, совершив без должной подготовки ритуальное убийство? А убийство Ирмы было точно не из простых: столь зловредные призраки сами по себе не появляются. Если только совсем в дурном месте человеку умереть довелось, да и то не факт.

Впрочем, суд состояние эфирного тела должным доказательством вины школяра в любом случае не сочтет. Не был он чернокнижником, а порчу навести и на добропорядочного обывателя могут. Дурное дело нехитрое...

И я ткнул школяра кинжалом во внешнюю сторону бедра. Острие вошло не слишком глубоко, просто рассекло кожу, но не ожидавший подобного обращения Полди испуганно взвизгнул и забился на крюке.

— Нельзя так! — заблажил он, раскачиваясь. — Нельзя! Нельзя! Нельзя!

Алая струйка потекла по его ноге, крупные вязкие капли одна за другой набухали на ступне и срывались на пол. Тени в помещении еще больше сгустились, мрак за клубился и принялся поглощать незримую стихию. Воздух начал буквально сочиться кровью, та покрыла стены зловещей красной росой, заструилась багряными ручейками по стокам.

Школяр не был колдуном, никаких жутких видений он не лицезрел, лишь ощущал неуверенность и страх. Для моих целей этого не доставало, но воздействовать напрямую на сознание Полди я не мог. Коллеги не преминут внимательнейшим образом изучить эфирное тело арестанта, любое постороннее вмешательство будет неминуемо замечено и принято к сведению. Еще не хватало, чтобы меня заподозрили в ментальном воздействии на подозреваемого. Так и самому под следствие недолго угодить.

Но имелись и обходные пути. Я вовсе неспроста привез школяра на бойню. Такое уж это место...

Я зашел Полди за спину и вытянул из-за пояса жезл. Под крики и мольбы начал размеренными круговыми движениями приводить в движение незримую стихию и сразу ощутил серьезное сопротивление, словно размешивал волшебной палочкой густую патоку или пивной затор. Кисть заломило, заныло плечо, по руке начала разливаться усталость. Но справился.

Плававшие в эфирном поле сгустки черноты с каждым махом жезла кружились все быстрее и быстрее, понемногу они начали смещаться к центру помещения и сливаться воедино, как собираются в шарик капли ртути. Под конец я ткнул палочкой прямо в чернильное облако, захватил его и направил к лужице крови, накапавшей на пол с порезанной ноги Полди Харта. Тьма повела себя ровно как несмышленный котенок, которого ткнули носом в блюдечко с молоком. Она не стала своевольничать и противиться чужому воздействию, поначалу замерла, ловя и растворяя в себе красные капли, но почти сразу потянулась выше, лизнула пятку и поползла по кровавой дорожке на коже, оплетая ногу черными отростками.

Ни душе, ни телу Полди не грозила никакая опасность, порча станет меньшей из бед попавшего под следствие школяра. Да и не так сильно тьма скажется на состоянии его рассудка, лишь слегка подточит уверенность и ослабит волю. И самое главное — никто не свяжет ее со мной. Я не призывал никаких потусторонних существ, просто сюда, на беду школяра, слишком давно не заходили экзорцисты, а сам он не так уж и заботился о чистоте своих помыслов.

— Посмотри кругом, — попросил я школяра. — Вдохни полной грудью, прислушайся к шепоткам! Слышишь их? Чувствуешь смерть? Тебя разделают как свинью, дружок, а мрак пожрет твою бессмертную душу. Лучше поговори со мной, тогда точно доживешь до суда да и после не окажешься на виселице. Я обещаю это.

Но Полди категорически не желал проникаться зловещей атмосферой бойни, сочтя мои увещевания пустым трепом. Подобное пренебрежение немного даже задело.

Я мотнул головой, отгоняя видение лившейся с потолка крови, и позвал с улицы палача, а когда тот явился, попросил:

— Фитиль ему подпали для начала.

Заплечных дел мастер понял меня с полуслова, но, памятуя о полученном приказе, всерьез поджаривать тестикулы арестанта не

стал и лишь небрежно махнул факелом у его ног. Хватило и этого. В царившее на бойне зловоние вплелся запах горелых волос, и Полди завизжал как резаный и принялся раскачиваться на крюке, лихорадочно суча в воздухе связанными ногами.

И чего заблажил только? Иные модницы куда большие мучения претерпевают, избавляясь от растительности на срамных местах. И ничего, не кричат.

— Да послушайте же меня! — заверещал Полди. — Я ничего не помню! Весь вечер как в тумане! Меня опоили, сплазили, навели порчу! Я никого не убивал! Даром мне эта церковь не сдалась! Мне нужна помощь! Позовите священника! Дайте мне адвоката! Так нельзя! Вы пожалеете!

Я прекрасно знал, что школяр лжет, но ловить его на противоречиях не стал, просто не желая тратить на всю эту тягомотину свое время. Лишь покачал головой и дал отмашку.

— Ладно, жги дальше.

Палач шагнул к школяру с факелом, и тот немедленно закричал:

— Прав не имеете! Нельзя так с ученым человеком! Всех на каторге сгноят!

Заплечных дел мастер остановился и выжидающе посмотрел на меня, а писарь поднял от листов зеленое из-за дурноты лицо.

— Внести слова в протокол?

— А как же! — усмехнулся я и жестом велел палачу отойти. — А ты, юноша, поменьше о правах думай, не юрист, чай. О будущем своем подумай лучше. Ладно если веревка хребет сразу ломает, а ну как медленно в петле подыхать станешь? Подумай-подумай! Ты ж без пяти минут висельник. За убийство церковного сторожа ничего иного ждать не приходится!

Полди Харт уставился на меня налитыми кровью глазами, но не вымолвил ни слова.

— Пойми — линию защиты ты выбрал заведомо проигрышную. Помнишь ты убийство или нет, значения не имеет. Так или иначе, виселицы не избежать.

Школяр судорожно сплотнул, а потом зажмурился, но дальше продолжать спектакль не стал.

— Я никого не убивал... — прошептал он негромко и уже решительней повторил: — Не убивал!

— А кто убил? Кто был с тобой в церкви?

Полди Харт открыл глаза, облизнул пересохшие губы и с нескрываемой горечью спросил:

— Да какая теперь разница? Кто поверит простому школяру?

Меня чуть слеза от надрыва в его голосе не прошибла. Такой талант лицедея пропадает!

— Чудак-человек! — фыркнул палач. — Кто первым подельников сдаст, тому на суде и веры больше!

— Именно, — кивнул я. — А продолжишь запираяться, мы под тобой костерок разведем. Сжечь не сожжем, так — подкоптим слегка филейную часть. Лучше начинай говорить.

— Прав не имеете! — вновь выкрикнул Полди, но уже без былой уверенности.

— Убивать тебя нельзя — это да, а остальное — на мое усмотрение. Главное, чтобы до суда дожил.

Я протянул руку, и палач передал мне факел.

— Стойте-стойте! — запричитал Полди и задергался всем телом, пытаясь отодвинуться подальше от языков пламени. — Я все скажу! Все расскажу, только снимите меня отсюда! Снимите!

— Ты повиси пока, а там посмотрим. И говори уже! Не в твоих интересах тянуть время! Без рук остаться рискуешь! Отсохнут они у тебя или антонов огонь начнется, придется отрезать! Говори!

Школяр надсадно засопел, наморщил лоб, слизнул выступившие на верхней губе капельки пота. Ему было страшно. Очень страшно.

— Кто? — надавил я на арестанта. — Назови имя!

— Фальберт Бинштайнер! — выкрикнул школяр, сломавшись. — Со мной был Фальберт Бинштайнер!

Я обернулся к писарю, дав ему знак записать названное школяром имя, затем спросил:

— Кто таков?

— Случайный знакомый! — принялся юлить Полди. — Столкнулся с ним в Риере. Фальберт интересовался старинными диковинками, услышал от меня о горной церкви Святой Берты и упросил ее показать!

Могло стать и так, что школяр назвал мне первое попавшееся имя, но описал он того самого сеньора, что приходил с ним в бордель. О приметной золотой фибуле тоже упомянуть не забыл.

— Где этот Фальберт обретался в Риере? Как и где ты с ним познакомился?

— Зачем это? — захлопал глазами Полди.

— Чудак-человек! — вновь не удержался от замечания палач. — Приятель твой давно из города ноги сделал. Как его искать прикажешь?

Школяр заерзал, запрокинул голову и взмолился:

— Снимите! Я уже рук не чувствую!

Я решил пойти ему навстречу. Палач спустил арестанта на пол, но, дабы тот не расслаблялся, закинул конец веревки на крюк и натянул ее, заставляя школяра подняться на цыпочки.

— Что с легендами, Полди? — спросил тогда я. — Какие такие предания ты знаешь о церкви Святой Берты?

Школяр захлопал глазами, но тут как в известной поговорке: коготок увяз — всей птичке пропасть. В конце концов я узнал все, что хотел, и немного сверх этого.

2

Допрос затянулся до вечера, и утомил он меня, пожалуй, даже больше, нежели самого школяра. А писарь так и вовсе с завидной регулярностью бегал на улицу, то ли плотнуть свежего воздуха, то ли избавиться от содержимого желудка. Палач оказался куда как крепче; полученную монету он отработал сполна, пусть и не пришлось ни рвать арестанту ногти, ни поджаривать ему пятки.

Все решили правильные вопросы, увещевания и угрозы. Да еще изредка приходилось прибегать к тычкам под ребра и затрещинам, но к пыткам их не отнес бы и самый отъявленный гуманист. Психологическое воздействие, не более того.

Свое дело сделала и порча. Она определенным образом подорвала волю Полди и задурманила его разум. Уверен — в камере школяр так и продолжал бы изображать потерю памяти, да и здесь он до хрипоты и сорванных связок отрицал всяческую причастность к смертям Ирмы и церковного сторожа.

У меня даже сложилось впечатление, что с момента ареста Полди только тем и занимался, что досконально продумывал свои будущие показания. Вполне могло стать и так, что сейчас он просто отступил на заранее подготовленные позиции.

Своей вины школяр не признавал и валил все на подельника, даже имел наглость заявить, будто бы шлюху они взяли с собой из желания развлечься в непривычной обстановке. Якобы он просто пошел на поводу у Фальберта Бинштайнера, не более того. Врал Полди весьма изобретательно и все сводил к банальной пьяной выходке, коими славятся школяры. Ирму, по его словам, зарезал озлобленный своей мужской немощью Фальберт, а школяр пытался спасти девке жизнь, тогда и перепачкался в крови. Что же стряслось с бедолагой-сторожем, он и вовсе видеть не видел, поскольку в панике кинулся к выходу.

И никакой черной магии, никаких ритуальных убийств. В ответ на вопрос о Белой деве школяр лишь удивленно хлопал глазами, а причастность к запретным практикам и вовсе категорически отрицал.

Врал, врал, врал. Юлил и врал. Я не мог поймать его на противоречиях, да не слишком-то и старался. Главное — сбитый с толку порчей арестант не сумел удержать язык за зубами, и мне удалось выудить — да что там? выдавить! — из него показания о тайном ходе в пещеру с алтарем, на котором некогда приносились жертвы хозяйке горы. Много лет назад его обнаружил один из предков Полди по материнской линии, но никого из посторонних в этот секрет посвящать не стал, рассказал лишь своему сыну. Так с тех пор и повелось.

— Там стоит статуя Белой девы, — хлюпая носом, сообщил школяр и тут же добавил: — Она вырублена в скале, но Фальберт рассчитывал вывезти ее и продать...

Уточнение вовсе неспроста сводило все к банальной жажде наживы. Полди всеми силами пытался избежать сожжения на костре, и пока что у него это неплохо получалось.

Ну да посмотрим, как он запоет после того, как я осмотрю тело Ирмы! Достаточно будет обнаружить следы запретного ритуала и признаки жертвоприношения, чтобы дать ход обвинениям в чернокнижии, а уж тогда коллеги со всем старанием вывернут школяра наизнанку. Ну а мне недосуг разбираться в его вранье.

Я вызнал, как попасть в подземелье, отпустил писаря и велел палачу тушить костер. Сам же погрузился в транс и решительным махом волшебной палочки содрал с арестанта черный сгусток порчи,

еще не успевший к этому времени окончательно раствориться в его эфирном теле.

И вот здесь меня поджидал неприятный сюрприз. Нет, избавить школяра от опутавшего его проклятия не составило никакого труда, да только сгусток призрачной черноты при этом крепко-накрепко прикипел к железу. Чернильная клякса, через которую едва-едва прорывалось яростное сияние нанесенных на дерево магических формул, обвилась вокруг волшебной палочки, стряхнуть ее не получилось.

Теоретически я мог отодрать эту пакость левой рукой, но дотрагиваться до проклятия не хотелось. При одной только мысли об этом волосы на затылке встали дыбом, и я решил подождать. Либо потусторонняя мерзость перегорит сама собой, либо позже проведу обряд очищения. Пока что мне от порчи ни холодно ни жарко.

Полди Харта я вернул обратно в тюрьму, а сопроводительные документы и протокол допроса сдал в канцелярию, убив пару часов на сбор всех необходимых подписей и печатей. Дальше дело оставалось за малым: отыскать Фальберта Бинштайнера и допросить его, а после устроить обвиняемым очную ставку, но вот уже этим я заниматься не собирался. Хватило и того, что проследил за оформлением разыскных листов. Скоро в Рауфмельхайтен придут мои коллеги, они и доведут расследование до его логического завершения.

Покинув крепость, я отправился напрямик в церковь Святой Берты. Армейская бюрократия весьма неповоротлива и неспешна, уведомление о заброшенном языческом капище уйдет церковным властям в лучшем случае завтра, а сегодня никто не помешает мне разобраться со зловредным призраком.

Я с тревогой взглянул на затянутое облаками небо и ускорил шаг, желая покончить со всем до наступления ночи. Ночь — время потусторонних существ, а мне вновь встречаться с Белой девой нисколько не хотелось.

И пусть формально я определённым образом превышал свои полномочия, но отступить от задуманного не намеревался. Припрут к стенке — сошлюсь на срочную необходимость избавить горожан от призрака, да и наличествовала в деле определённая юридическая коллизия: не уверен, можно ли считать примыкающее к храму капище

истинно церковными владениями. А в остальном я в своём праве — провожу следствие по обвинению в чернокнижии школяра.

К тому же я вовсе не собирался распространяться о своём визите в капище без особой на то нужды. Разберусь с Белой девой, а там видно будет. Смотря какие улики обнаружатся против Полди Харта и его подельника. Скорее всего, мне и предпринимать ничего не придётся, и дело подождёт до приезда в город следственной группы.

Крутая лестница привела на паперть церкви, там я, не обращая внимания на протянутые руки, прошествовал через строй нищих и скрылся в храме. Внутри шли приготовления к вечерней службе и свечи еще не горели, всюду властвовал полумрак. Никто не помешал мне пересчитать выступавшие из стен пилястры и определить нужный.

Настороженно оглядевшись по сторонам, я зашарил руками по резному узору, уделяя особое внимание высеченным на камне лилиям, а когда пальцы уловили слабинку и утопили резной завиток в полуколонну, ладонь свободной руки легла на украшавшую простенок розу. Я перенес на нее весь свой вес, и сразу с мерзким скрипом сдвинулась в сторону каменная плита.

Не без труда, но мне все же удалось расширить проем. Я ужом свернулся в узкий потайной ход и полностью возвращать на место плиту не стал, оставил небольшую щель, дабы при необходимости выбраться наружу или хотя бы иметь возможность позвать на помощь. По словам Полди Харта, изнутри камень сдвигался рычагом, но школяр вполне мог утаить какой-нибудь важный секрет, и я решил не рисковать.

Ход оказался чрезвычайно узким; приходилось двигаться по нему боком, несколько раз я едва не съехал по ступеням куда-то во тьму. Меня так и подмывало плюнуть на осторожность и сотворить магический светильник, но заклинание могло побеспокоить эфирное поле капища, а этого хотелось по возможности избежать. Решил не рисковать.

А потом я и думать забыл о магии. Проход расширился, превратился в пещеру с неотесанными стенами и терявшимся во тьме потолком, там до меня начали доноситься колыхания эфирного поля, упорядоченные и ритмичные.

Святые небеса! Где-то неподалеку творилась волшба! Кто-то проводит ритуал, и этот «кто-то» совершенно точно не был призраком Белой девы!

Я без промедления скользнул в транс, но не стал погружаться в медитацию, вместо этого попытался соединить в сознании реальность и незримую стихию. Окружающая действительность немедленно обрела дополнительную глубину, привычные цвета распались на удивительные оттенки, непроглядная тьма истаяла, превратилась в серый полумрак. Стали видны очертания каменных глыб и энергетические потоки, по которым то и дело пробегала дрожь творимой неподалеку волшбы.

Увы, просветление оказалось мимолетным, сознание надолго не задержалось на грани реального и нереального и вскоре потеряло связь с незримой стихией. Впрочем, особого значения это уже не имело, за этот миг картинка происходящего стала более-менее ясна.

Вооружившись пистолем, я взял в левую руку волшебную палочку и двинулся вперед, а уже через дюжину шагов привыкшие к темноте глаза уловили отсветы теплого огня. Свет лился из соседней пещеры; я добрался до узкого перехода и увидел масляный фонарь, стоявший на каменном полу. А за ним...

Полди Харт не обманул: статую Белой девы и в самом деле вырубили прямо в скале, и вырубили с невероятным мастерством. Ее каменные одеяния казались полупрозрачными, сквозь них буквально просвечивало белоснежное тело. Прекрасное лицо девы преисполняла неземная печаль, и вместе с тем от изваяния исходило ощущение невероятного могущества. Древний мастер постарался на славу...

Но статую я окинул одним быстрым взглядом, дальше всем моим вниманием завладела преклонившая перед ней колени фигура. Незнакомец закрывал собой расчерченную на полу схему; удалось разглядеть лишь несколько светящихся голубоватым сиянием линий да безжизненное женское тело с рассыпавшимися по камням прядями спутанных волос. Ирма!

В подземелье было холодно, но недостаточно, чтобы полностью остановить процесс разложения. Стоило лишь потянуть носом воздух, и до меня сразу донесся неприятный запах мертвечины.

«Некромант?!» — мелькнула шальная догадка, но я тут же выкинул ее из головы. Повелители мертвых предпочитали работать со

свежим материалом, никто из этой братии не стал бы откладывать проведение своих мерзких обрядов на столь длительный срок. Да и привлекать к делу живодера-школяра некроманту не было никакой нужды. Нет, здесь что-то иное...

А ритуал между тем шел своим чередом. Колдун замысловатыми махами жезла ткал сложное полотно заклинания, и я прекрасно видел, как сплетаются воедино нити силы, охватывают покойницу незримой сетью и тянутся куда-то в неведомую даль.

Мне стало не по себе, и я даже прицелился в спину заклинателя, намереваясь прервать непонятный ритуал, пусть вмешательство в чужую волшбу и грозило неконтролируемым выбросом силы. Но сделать ничего не успел. Древнее капище вдруг залило мертвенно-голубым сиянием, а под каменным сводом из ниоткуда возникла полупрозрачная фигура Белой девы!

Призрак злобно оскалился, и в тот же миг свитая из эфира сеть спеленала и обездвигила его. Силовые нити загорелись нестерпимым огнем, а колдун вскинул руку с шаром из алхимического стекла. Белая дева оказалась не в силах противиться воле заклинателя, ее затянуло в магическое узилище, и поверхность шара вмиг покрылась толстой коркой изморози. Ангелы небесные! Вот уж поистине кардинальное решение проблемы неприкаянного духа!

Я устроил руку с пистолем в сгибе локтя и взял на прицел ритуалиста.

— Не советую! — сказал вдруг тот, оборачиваясь.

Седоватые волосы, породистое лицо. Сто против одного, что это тот самый Фальберт Бинштайнер!

В глаза будто сыпанули песка, я моргнул и едва не выругался. Теперь передо мной стоял не один, а полдюжины колдунов. Драная иллюзия!

— Магистр Вселенской комиссии против магистра ложи Скарабея! — рассмеялся ритуалист. — Занятное действие, пусть и с предсказуемым финалом!

Я не стал попусту молотить языком и провел волшебной палочкой по стене пещеры, как проводят закаленным резцом по стеклу. Незримая стихия задрожала, иллюзии замерцали и начали рассыпаться призрачной пылью одна за другой. И все бы ничего, да только сгнули все фигуры без исключения. Колдун исчез!

— Чертовски предсказуемо! — вновь донесся до меня смех Фальберта, а миг спустя он возник перед статуей Белой девы. — Не обессудьте, магистр, но я обязан довести эксперимент до конца!

Ритуалист вложил вместилище духа в каменную ладонь, затем обернулся ко мне и несколькими решительными махами жезла соткал вокруг себя мощный магический полог.

— А вот теперь я к вашим услугам! — заявил он с напускной легкомысленностью. Обманчивой легкомысленностью...

Магические формулы на стволе пистоля вспыхнули и погасли. Я ощутил сотрясающую оружие дрожь, но защита оказалась сильнее; подпалить пороховой заряд Фальберту не удалось. Нимало этим не смущенный, ритуалист развел руками и обаятельно улыбнулся.

— Попытаться стоило! — произнес он с очаровательной непосредственностью, да только взгляд его остался холодным и расчетливым. Оценивающим.

— Брось жезл! — потребовал я. — Брось, застрелю!

— Уверю вас, это не так просто! — сказал Фальберт и тряхнул волшебной палочкой. Так проверяет баланс незнакомого оружия перед боем опытный фехтовальщик.

Я опустил ствол чуть ниже, намереваясь прострелить ритуалисту ногу, и в этот самый миг глаза статуи засветились, а вложенный в ее ладонь шар взорвался брызгами алхимического стекла. Облачко призрачной энергии окутало изваяние, и, прежде чем вырвавшийся на свободу дух принял облик Белой девы, его затянуло в камень.

И сразу в спину шибанул ураган, да так шибанул, что бросил на колени и даже немного протащил по камням! Незримая стихия на миг приобрела материальное воплощение, оплела меня и сдавила череп, едва не вырвав из глазниц глаза.

Давление тут же отпустило, но мир изменился безвозвратно. Реальность растеряла всю свою глубину, стала блеклой и выцветшей. Небесный эфир, который пронизывал все и вся, сгинул, изваяние Белой девы впитало его, как впитывает воду губка. Статуя словно превратилась в некий портал, через который из нашей реальности утекала энергия, ее тянуло отовсюду, что-то уцелело лишь во мне да четках святого Мартина. А вот черное марево порчи сорвало с волшебной палочки и зашвырнуло неведомо куда. С волшебной палочки?!

Я не без труда поднялся на ноги и сделал несколько пробных махов, выписал дугу и пару замысловатых узлов, но в отсутствие эфира жезл впустую тревожил рассекаемый им воздух. Уверен, в подобной ситуации спасовали бы даже истинные маги. Более того, им пришлось бы даже хуже моего. Слишком уж тесно связаны они с незримой стихией, да и ангельской печати на спине нет ни у кого...

С нервным смешком я сунул ставший бесполезным жезл за ремень. Небесный эфир сгинул без следа, и лишенная магии реальность казалась ошеломляюще неправильной. Настолько неправильной, что словами этого было просто не передать. Мир стал ущербным и каким-то ограниченным, будто плоским. Никакой магии! Никакой!

Чужая воля касалась неприятными шершавыми прикосновениями, пыталась разорвать мое эфирное тело и пожрать его, бессильно соскальзывала и накатывала вновь. Захотелось зажать голову руками и броситься прочь, но я сдержался и приказал ритуалисту:

— Сцепи пальцы в замок! Живо!

Фальберт Бинштайнер меня словно не услышал. Порыв взбесившейся незримой стихии повалил ритуалиста на каменный пол, и он жадно хватал воздух разинутым ртом, по щекам катились крупные капли пота.

— Руки, живо!

Мой окрик вырвал ритуалиста из ступора, он потряс головой, оглянулся и сплюнул себе под ноги.

— Ненасытная тварь! Одной души ей мало, подумать только! Времена изменились, древняя дура! — обругал Фальберт Белую деву, поднялся на ноги и отбросил волшебную палочку. — Обманул сам себя, подумать только! Каюсь, магистр! Виновен! Для начала стоило дать вам бой. Но кто мог предположить такое? Уж точно не я...

Исчезновение эфира сказалось на колдуне самым пагубным образом, он будто не до конца отдавал себе отчет в происходящем. Впрочем, мне и самому приходилось несладко; в груди пульсировала боль, невыносимо болела голова.

— Вытяни руки перед собой! — повторил я, не желая стрелять. — Сцепи пальцы! Немедленно!

Но ритуалист лишь покачал головой и шагнул к фонарю, рядом с которым лежали его плащ и шпага.

— Предлагаю разрешить наши противоречия, как это и подобает благородным людям! — объявил он с той непрошибаемой уверенностью, коей отличаются представители старейших и знатнейших родов.

Фехтовальный поединок?! Да он спятил! Но нет, не спятил. Фальберт не стал хвататься за шпагу, вместо этого вытянул из-под плаща взведенный пистоль — миниатюрный, едва ли не игрушечный и вместе с тем смертельно опасный. Ангелы небесные!

Я дернул пальцем спусковой крючок, сыпанули искры, и после мимолетной — но такой нестерпимо долгой! — заминки оружие исторгло из себя серые клубы дыма, раскатисто грохнул выстрел. И тут же громынуло в ответ! Прогудевшая над плечом пуля угодила в стену за мной, вышибла каменную крошку и отскочила смятым комком свинца во тьму.

Бросив разряженное оружие, я выдернул из-за пояса второй пистоль и ринулся через облачко дыма. Изваяние Белой девы по-прежнему заливало пещеру своим призрачным сиянием, в его свете я увидел, как невредимый Фальберт Бинштайнер выпрямляется с обнаженной шпагой в руке.

— Брось! — сделал я последнюю попытку захватить его живым.

Ритуалист швырнул в меня фонарь и ринулся в атаку. Сверкнул клинок, грохнул выстрел. Фальберт споткнулся и завалился на пол, скорчился, зажимая ладонями простреленную грудь. Захрипел, попытался что-то сказать и... умер. Свинцовые пули разят ничуть не хуже боевых чар.

Чуждая этому миру воля продолжала корежить реальность, и точно так же отсутствие эфира корежило изнутри меня самого. Было гадко, мерзко и невыносимо противно существовать в месте, лишенном небесной благодати. Так и подмывало поскорее убраться из пещеры, но вместо этого я поднял шпагу застреленного ритуалиста.

— Твое время прошло! — неведомо зачем объявил я Белой деве и обрушил клинок на голову изваяния.

Звонко лязгнул металл, полетела каменная крошка. Сейчас больше пригодился бы молоток, но я справился и так. Очередной удар отбил любовно высеченное ухо и отколол кусок скулы, а потом голова Белой девы и вовсе развалилась сразу на несколько частей.

Обезглавленная статуя стала обычным куском мрамора, и бывшая покровительница этих мест лишилась якоря, связавшего ее с нашей реальностью. Незримую стихию перестали сотрясать судороги, в пещеру вновь вернулся небесный эфир, который, как известно, пронизывает все сущее и дарит жизнь каждому из нас — и светлейшему государю и презреннейшему из бродяг. А мы даже не задумываемся о том, сколь бесценен этот дар небес, принимая его как должное. Но стоит ему пропасть...

Я передернул плечами, прогоняя из головы дурные мысли, и в меркнувшем свете горящего масла, вытекшего из разбитого фонаря, принялся обыскивать ритуалиста.

Ложа Скарабея. Придумают же люди, право слово...

Часть третья
НЕКРОМАНТ

Глава 1

1

В Сваами я переправился уже на следующий день — никто и не подумал чинить мне в этом никаких препятствий. Напротив, бумаги Вселенской комиссии по этике предельно упростили отъезд, поскольку гонцам и прочему служивому люду не требовалось стоять в общей очереди, их пропускали в приоритетном порядке. А вот договариваться о месте в торговом обозе пришлось самостоятельно, и тут в ход вновь пошел мой изрядно отощавший кошель. Никто из купцов отнюдь не горел желанием помочь ближнему, и плату за провоз пассажиров они ломили немалую.

Что же касается незавершенного следствия, то не стало препятствием для скорого отбытия из Рауфмельхайтена и оно. Со смертью Фальберта розыскные мероприятия потеряли всю свою срочность и перешли в разряд повседневной рутины. Рано или поздно мои коллеги явятся в город, им и придется доводить дело до конца. А примчавшийся поутру каноник хоть и смотрел волком, но шум поднимать не стал.

Оно и немудрено! Мало того, что настоятели церкви несколько столетий и понятия не имели о языческом капище под боком, так ещё и семейство Хауфвинцей при желании можно было признать самой настоящей сектой. Ну а я в свою очередь не стал подливать масла в огонь и благоразумно умолчал о пробуждении и последующем разрушении статуи Белой девы, представив всё как схватку с застигнутым врасплох чернокнижником, который и насылал на добрых горожан дух убитой им девки. В общем, обошлось без скандалов. Пенять незаконностью проникновения в церковные владения мне не стали.

В путь караван выдвинулся через несколько часов после рассвета, сначала мы долго взбирались по обледенелой и заснеженной дороге к перевалу, затем опускались и вновь поднимались ко второму, уже не столь высокому хребту. Изредка до нас доносился глухой грохот и вздрагивала под ногами земля, тогда все начинали испуганно

озираться по сторонам, но на прилегающих к ущелью склонах снега уже не осталось, никакая опасность нам не грозила.

С этой стороны выход на равнину некогда защищала еще одна крепость, но несколько веков назад ее за ненадобностью разобрали, дабы пустить каменные блоки на возведение стен Ольса — тогда еще не столицы герцогства, а испуганно жавшегося к горам приграничного городка.

От древней твердыни осталось одно лишь вырубленное в скале основание, где ныне располагались склады, лавки и постоянный двор, да еще пост с неизменной таможней и почтовая станция. Как по мне, здешние укрепления носили чисто символический характер, и осталось загадкой, зачем две дюжины грязных мужиков долбят кирками мерзлую землю и увозят комья на ручных тележках, откапывая заплывший крепостной ров.

Судя по изумлению моих спутников, происходило нечто из ряда вон выходящее.

— Никак проштрафились? — даже пробормотал возница телеги, озадаченно почесал затылок и посильнее натянул на уши шапку. Стылый ветер так и задувал.

Я решил не дожидаться, пока купец выправит разрешение на ввоз товаров, соскочил с телеги и направился напрямик к пограничному посту. Увы и ах, на местном наречении мне с трудом удавалось связать пару слов, а капрал и даже вызванный им унтер-офицер на североимперском не говорили. Пришлось дожидаться, пока один из таможенных клерков не снизойдет до моих просьб изучить бумаги о назначении в рёгенмарское отделение Вселенской комиссии по этике и не даст необходимые пояснения служивым. Зато после этого меня пропустили без всякой волокиты и даже пограничный сбор взяли по меньшему тарифу, нежели полагался к уплате простыми путешественниками.

Заодно таможенник предупредил, что последняя из сегодняшних карет отправляется в Ольс буквально через несколько минут, и я, хоть и был голоден как волк, не стал заходить в харчевню и поспешил напрямик на почтовую станцию.

Кругом царила суета, вереница повозок выползала из ущелья и упиралась в таможенный пункт. Одни обозы сразу после уплаты податей отправлялись в дальнейший путь, другие купцы

предпочитали дать отдых лошадям и загоняли телеги на задние дворы местных гостиниц. Мало кто путешествовал сам по себе, поэтому в почтовой карете к моему приходу еще оставались свободные места, и ни задерживаться в этой дыре не ночь, ни набиваться к кому-то в попутчики не пришлось.

Расстояние от перевала до Ольса не превышало двух почтовых миль, и плата за проезд вышла не самая высокая. Причем монеты имперской чеканки кучер принял с величайшей охотой. Да он и цену сразу озвучил в привычных крейцерах, а после все время до отправления улыбался мне, словно старинному другу. Поневоле закрались сомнения, не содрал ли этот хитрец три шкуры, но чего уж теперь...

Дорога до столицы герцогства оказалась порядком разбита колесами груженых товаром телег, но большинство ям засыпали щебнем, и трясло экипаж не так уж сильно. Пусть нас и разместили по три человека на лавку, ехать было комфортно.

Я сидел у дверцы, на попутчиков внимания не обращал и пялился в маленькое окошко. В тени кустов и деревьев еще лежали сугробы, ноздреватые и грязные, а вот у дороги снег уже растаял, здесь властвовала липкая коричневая грязь. На открытых солнцу местах бурели голой землей проталины, листья деревьев еще не распустились, и в целом зрелище моему взору открывалось преунылейшее.

Время от времени карета обгоняла телеги, иногда попадались встречные обозы, да еще раз я заметил маршировавших по обочине солдат. Длинная вереница пехотинцев месила ботинками дорожную грязь, направляясь в сторону гор. Вслед за ними упряжка лошадей едва-едва тянула лафет с полевым орудием.

Откапывают ров, направляют усиление к перевалу... С чего бы это все?

Впрочем, мотивы военачальников великого герцогства Сваами недолго занимали мои мысли. Я позабыл о них сразу, как только скрылся из виду последний солдат. Куда больше беспокоило, успеем ли мы въехать в городские ворота, прежде чем их закроют на ночь, или придется дожидаться утра в чистом поле под стенами Ольса.

Волновался напрасно. Карета добралась до столицы герцогства за час до заката, да и о ночевке в чистом поле в любом случае не шло бы и речи: вокруг стен раскинулось широкое кольцо пригорода. На проложенных без какой-либо планировки улочках теснились друг к другу дома бедноты, а меж них ютились кузни, мастерские, харчевни, красильни, кожевенные мастерские, ночлежки для черни и гостиницы для тех, кто мог и был готов платить за комфорт.

Сам Ольс со стороны чем-то напоминал свадебный торт. На вершине центрального холма высились замки и храмы, а мощные крепостные сооружения превращали дворец герцога и резиденции знати в поистине неприступную цитадель. К той жались дома Среднего города, где обитали состоятельные бюргеры, мастеровые, ученый люд, чиновники, духовенство, дворяне, а также их многочисленная прислуга. Вторая стена уже не поражала воображение ни высотой, ни мощью. Едва ли ее стоило рассматривать в качестве серьезного рубежа обороны при штурме столицы, скорее, она предназначалась для сдерживания бунтовщиков, буде случатся какие-либо народные волнения.

Неплохо изъяснявшийся на североимперском кучер так и сказал: «Верхний город» и «Средний город». Заминка вышла лишь с переводом названия раскинувшегося кругом скопища трущоб, поначалу дядька обозначил их зубодробительным словом «суитсунаарелин» и лишь после долгих раздумий подобрал весьма приблизительный аналог «дымный пригород».

Дыма и в самом деле хватало с избытком; он валил из труб мастерских и жилых домов, затягивал улицы, клубился над крышами. И вместе с тем не имел к названию района никакого отношения. Оно закрепилось из-за пожаров, всякий раз после которых пригород отстраивался из пепла заново.

Публика здесь обитала сомнительней некуда, и приличному человеку бродить по узеньким грязным улочкам категорически не рекомендовалось. К счастью, нужды в этом и не возникло. Стражники на воротах Среднего города не стали цепляться к пассажирам почтовой кареты, мельком проглядели подорожные, собрали пошлину и разрешили проезжать.

Уже смеркалось, но я все же задержался на почтовой станции отправить письмо о своем скором прибытии в Рёгенмар и лишь после

этого отправился на поиски жилья. Долго блуждать по незнакомому городу в потемках не пришлось: только вышел за ворота и сразу углядел на противоположной стороне дороги гостиницу «Серебряная форель». Туда и заглянул.

Языкового барьера не возникло, хозяин говорил на североимперском почти без акцента, только непривычно растягивал в некоторых словах гласные звуки.

— Конечно, у на-а-ас есть места, ма-а-агистр! — заулыбался белоглазый и белобрысый сеньор, выслушав меня. — Койка на но-о-очь — четыре сенти...

Невольно подумалось, что альвом — родителем Марты вполне мог оказаться представитель одной из здешних коренных народностей. Алты, вонды и лойсы по ту сторону гор заявлялись не так уж и часто, но случалось и такое. Правда, ни льда в глазах, ни серебра в волосах у моего собеседника не было. Но на то она и ведьма.

Я прогнал неуместные сейчас мысли и пояснил:

— Комната. Мне нужна комната. Еще ужин и завтрак.

— О-о-о! — Содержатель гостиницы округлил глаза и погрузился в вычисления, затем объявил окончательную сумму: — С вас одна ма-а-арка, ма-а-агистр, если нужен горячий завтрак, или три фердинга и пять сенти, если простой.

Я никоим образом не ориентировался в монетах местной чеканки и дал себе зарок прямо с утра отыскать лавку менялы, а сейчас развязал кошель и принялся доставать серебряные кругляши, внимательно следя при этом за реакцией хозяина.

Три фердинга и пять сенти...

Руководствуясь имперскими расценками, я выложил на липкий прилавок сначала пару монет по десять крейцеров каждая, затем присовокупил к ним гнутый грош и по лягушачьей улыбке хозяина, понял, что изрядно переплатил.

— Этого хва-а-атит! — уверил тот меня, сметая деньги. — Ва-а-ас проводят. Предупредите, когда за-а-ахотите ужинать.

— Сразу и поужинаю. Только отнесу в комнату вещи, — заявил я, никак внешне не выказав досады.

Не столь уж и великую сумму с меня содрали, переживу. Но к меняле все же непременно загляну. Завтра. С утра.

Но завтра — это завтра, а сегодня я до последней крошки умял принесенный ужин и требовал с хозяина подогретого со специями вина.

— Глинтвейн? — наморщил тот лоб, верно, услышал незнакомое слово, затем расплылся в понимающей улыбке. — А! Глэг!

— Глэг, — повторил я за ним.

Содержатель гостиницы заколебался, явно размышляя, стоит ли включать в ужин напиток из привозного вина и специй, но в итоге все же позвал разносчицу:

— Хельга!

Что он сказал на местном наречии невысокой тетке, крепко сбитой и грудастой, я не понял, но вскоре та принесла кружку горячего красного вина, щедро сдобренного медом и какими-то пряными травами, а вот корицы, изюма и даже апельсиновых корок для меня определенно пожалели. Ну да ничего, выпил и так.

Неплохое завершение длинного трудного дня...

2

Следующим утром я проснулся позже обычного и долго умывался холодной водой, пытаюсь прогнать липкую сонливость. Погода выдалась пасмурной, и вид из выходявшего на крыши соседних домов окошка открывался самый безрадостный: город взяла в полон непроглядная серость. Казалось, низкие облака цеплялись за высокие шпили дворцов Верхнего города и рвались, осыпая дома мелкой холодной моросью.

Я склонился над тазиком и опрокинул на голову кувшин, а после стоял так какое-то время, отфыркиваясь и давая стечь с волос холодной воде. Затем вытерся и начал облачаться в загодя выложенное из дорожного мешка платье.

Требовалось выпядеть представительно и важно, в этом мне должны были помочь кожаные штаны, белая сорочка с кружевными манжетами и камзол. А еще — оружейный ремень с кинжалом и шпагой, серебряный перстень с червонной накладкой университетского герба да золотая печатка и нагрудная цепь с символикой Вселенской комиссии по этике. Завершали наряд вычищенные прислугой сапоги.

Стеганую куртку и не по погоде теплые шапку и варежки я надевать не стал, ограничившись шляпой и плащом, а футляр с парой пистолей запрятал на самое дно саквояжа. В герцогстве имперский патент не стоил и бумаги, на которой был написан, а здешний мне выправят лишь в Рёгенмаре.

По этой же причине не стал брать с собой и малютку Фальберта Бинштайнера. Миниатюрный пистоль с клеймом в виде единорога и кремневым замком, в отличие от моих красавцев, можно было легко укрыть под одеждой, но в случае его обнаружения охраной архиепископа разбирательства точно затянутся на целую вечность.

Спустившись в общий зал, я наскоро позавтракал и вышел на улицу. Весь Средний город Ольса представлял собой переплетение улочек с выстроенными без всякого плана домами. К стенам жались испещренные пятнами помоев сугробы, было сыро и холодно. Тем удивительней оказалось после долгих блужданий по глухим закуткам выйти на широкий проспект, прямой, словно полет стрелы. Замощенная брусчаткой дорога тянулась от окраины к воротам Верхнего города, и ни один фасад не выступал вперед, ни один особняк не нависал над мостовой. Поразительное зрелище для северных стран, где, по свидетельствам бывалых путешественников, достоин внимания лишь Свальгрольм, который основали еще во времена Полуденной империи.

С интересом поглядывая по сторонам, я старался держаться подальше от домов, дабы не принять на себя содержимое ночного горшка припозднившегося бургера, но и на дорогу при этом не выходил. Там сломя голову носились верховые, громыхали колесами кареты, катили телеги и возы. Только зазевайся — мигом затопчут.

По идее, следовало незамедлительно выдвигаться к месту несения службы, но я решил немного задержаться в Ольсе и посетить резиденцию архиепископа. Нет, его высокопреосвященство не примет меня прямо сегодня; подобное развитие событий проходило по разряду истинных чудес. И в то же время представлялось вполне реальным удостоиться аудиенции... в некоторой не столь уж и отдаленной перспективе. Рекомендательное письмо епископа Кларнского вкупе с небольшим подношением секретарю могли самым серьезным образом повысить шансы на положительное рассмотрение вопроса.

Вот только для начала стоило постричься да еще привести в порядок бороду. И поскольку впредь я сорить деньгами не намеревался, то перед визитом к цирюльнику решил обменять монеты имперской чеканки на местные марки, фердинги и сенти.

Как назло, вывесок менял на глаза не попадалось, а потом улица расширилась и превратилась в пусть вытянутую и узкую, но все же площадь. Людей там заметно прибавилось, а помимо обустроенных на первых этажах лавок прямо среди мостовой стояли ряды палаток, а то и просто заваленных товарами прилавков. Кое-где на костерках грелись пузатые котлы с глинтвейном — о, простите, плёгом! — рядышком неизменно торговали свежей выпечкой, и аромат от нее плыл просто умопомрачительный.

А горожан, между тем, все прибывало и прибывало; никто ничего особо не покупал, все двигались в направлении центра. Для верховых и телег давно не осталось места, меня подхватил людской поток и потянул с собой, словно попавшую в бурный поток щепку. Не было никакого смысла сопротивляться, оставалось лишь брести вместе со всеми да придерживать рукой кошель на поясе.

Вскоре я заметил вывеску в форме весов и не без труда, но все же протолкнулся к высокому крыльцу лавки, на котором грыз яблоко белобрысый мальчонка лет двенадцати с фингалом под левым глазом. Рядышком пристроился хмурый молодчик в надвинутой на лицо войлочной шляпе; судя по смуглой коже и носу с горбинкой — сарцианин. Да и пацан весьма походил на полукровку: светлые волосы и черные глаза были сочетанием на севере не из обычных.

На двери висел массивный замок, и я поднялся на ступеньки, намереваясь дождаться появления менялы. Парочка отнеслась к моему появлению без всякой радости, но все же потеснилась.

С крыльца открывался прекрасный вид на площадь, и стало понятно, что всеобщий ажиотаж вызван грядущей казнью. Перед памятником какому-то конному рыцарю был установлен эшафот с виселицей и плахой. Пятерка приговоренных к повешению уже стояла на длинной скамье с просунутыми в веревочные петли шеями, рядом замерли подмастерья палача в черных колпаках с прорезями для глаз. Глашатай как раз зачитывал обвинительный приговор, но расслышать слова мешал гомон толпы. Да и что мне с тех слов? Так и так местного наречия не понимаю.

Помощники палача выбили скамейку, горожане взревели, висельники со связанными за спиной руками затряслись, затанцевали в петлях под громогласный счет толпы. Раз! Два! Три!..

Очень быстро приговоренные начали замирать один за другим, и вместе с ними стали умолкать зеваки. А хмурое небо все так же безучастно сыпало на площадь мелкую холодную морось. Не лучший день, чтобы отправиться в заповедье. Хотя... погожим солнечным денечком умирать ничуть не менее паскудно.

Следующий приговоренный танцем с пеньковой вдовой уже не отделался, для начала ему переломали железным прутом руки и ноги, а после через воронку влили в рот расплавленный свинец. Судя по избранному наказанию, казнили фальшивомонетчика, но, к моему немалому удивлению, голосила толпа далеко не столь яростно, как прежде.

К нашему крыльцу прибились два благообразной наружности сеньора, и один, явно не желая быть понятым простецами, сказал на североимперском:

— Изготовишь пару фердингов, и тебя напоят расплавленным свинцом. Наводнишь страну поганой медью...

Дальше я не расслышал, толпа пришла в движение, сеньора и его спутника оттеснили в сторону. На помосте появился человек в черно-красном одеянии ордена Герхарда-чудотворца, и горожане принялись напирать, стараясь подобраться поближе к эшафоту. Судя по ругани и крикам, стража сдерживала натиск зевак с превеликим трудом. Неужто отправят на костер еретика?

Я едва подавил обреченный вздох. Никто не захочет пропустить такое развлечение, лавка точно не откроется, пока не завершится казнь. А сожжение может затянуться надолго...

Как в воду глядел: только начали зачитывать обвинение, и распаленная толпа взорвалась гневными криками и яростными воплями. Столь громких криков не удостоились ни безликие повешенные, ни фальшивомонетчик, и монаху то и дело приходилось умолкать и давать прокричаться разбушевавшимся горожанам. А уж когда на эшафот выволокли молодого человека в сером рубище, весьма тщедушного на вид, я и вовсе едва не оплох, до того пронзительно завизжала поблизости какая-то клуша. Да и остальные

надрывали плотки, не жалея связок. Гвалт поднялся такой, что его должны были услышать и на небесах.

Впрочем, на небесах слышен и шепот. Незачем так кричать, нужно лишь вложить в молитву искреннюю веру...

Еретик едва переставлял ноги и, казалось, не отдавал себе отчета в том, сколь скверно обстоят его дела. Молодчики в черно-красных одеяниях споро привязали приговоренного к столбу и начали обкладывать хворостом. Из толпы полетели камни, гниль и нечистоты. Меткий бросок разбил еретику лоб; случайно досталось и стоявшим по бокам от него герхардианцам. Цепь стражников шагнула вперед, толпа качнулась и загомонила пуще прежнего, а лицо зачитывавшего приговор монаха раскраснелось так, словно это его самого не собирались даже, а уже поджаривали на медленном огне. Он опустил пергамент и начал проповедь, показавшуюся вдвойне бесконечной из-за того, что я не понимал ни единого слова даже из тех, что хоть как-то доносились до меня.

Ничего не оставалось, кроме как ждать окончания действия да плазеть по сторонам. Тогда-то я и обратил внимание, что на помосте видны лишь стражники да братья ордена Герхарда-чудотворца. Местного духовенства не наблюдалось вовсе, и было непонятно, по какой причине архиепископ не прислал на площадь никого из своих каноников, если уж не пожелал присутствовать на аутодафе сам.

Наконец сумбурная речь монаха подошла к концу, но костер под еретиком не разожгли и тогда. Настало время покаяния, и зеваки понемногу смолкли, то ли впечатленные торжественностью момента, то ли в предвкушении незабываемого зрелища.

Привязанный к столбу еретик заморгал, пытаясь избавиться от текшей на глаза из ссадины на лбу крови, а потом вдруг резко выкрикнул:

— Пророк был прежним!

Больше упрямцу ничего сказать не удалось. Разинутые в крике губы еретика захлестнула грубая веревка, и братья для верности стянули ее на затылке приговоренного так крепко, что порвали рот.

Толпа взревела, на эшафот обрушился новый шквал камней и грязи. Тут уж монах медлить не стал и дал отмашку поджигать хворост. Кто-то ткнул факелом в вязанки хвороста, но морось сделала свое дело: ветки отсырели и пламя никак не желало разгораться.

Яростные вопли горожан, суета, стелющийся над помостом сизый дым. Кто-то догадался плеснуть масла, и дело пошло шибче, но в целом экзекуция показалась мне той еще тягомотиной. Жалкое, душераздирающее зрелище. Впрочем, чернь осталась в восторге.

Я особо не следил за изредка прорывавшимися сквозь дымную завесу лепестками огня, позевывал и ждал появления менялы. Казненного было ни в малейшей степени не жаль.

Пророк — прежний? Альв?! В какую только нелепицу не уверуют иной раз люди!

Понемногу огонь угас, и дым рассеялся, открыв обгорелое жуткое нечто, оставшееся от человека. Удовлетворенные горожане начали понемногу расходиться, площадь стала пустеть, а торговцы принялись раскладывать на прилавках свои товары. Тогда и появился меняла.

3

Сразу после окончания экзекуции на крыльцо поднялся пожилой сарцианин, непривычно кряжистый для этого племени, с копной курчавых волос, некогда черных как смоль, а теперь казавшихся серыми из-за седины. На груди его солидно покачивалась цепь с эмблемой цеха золотых дел мастеров. Следом шел еще один сын ветра — молодой и поджарый.

Меняла потрепал по голове мальчишку с подбитым глазом, сунул ему мелкую монетку и сказал:

— Беги, сынок, купи пряник. — Затем обратил свое внимание на меня. — Сеньор по делу? — спросил он на хорошем североимперском.

Я подтвердил коротким кивком.

Сарцианин отпер замок и первым шагнул через порог, я прошел вслед за ним, сел за стол и выудил из-за обшлага камзола пару талеров, отобранных специально из-за сточенных краев. Скитания по городам и весям давно приучили меня, что не следует менять большие суммы в незнакомых местах, а люди подобной профессии лучше всего раскрываются, оценивая именно порченные деньги.

Меняла снял плащ, под тем оказался жилет, вышитый традиционными для северных стран узорами. Столь явное желание походить на местных уроженцев ничего, кроме улыбки, вызвать не

могло, но я улыбаться не стал и молча пододвинул талеры на другую сторону стола.

Хозяин устроился напротив, пробежался по монетам пальцами и мельком глянул на них через увеличительное стекло, затем взвесил каждую по отдельности. Оба раза мерные гирьки перевешивали и приходилось добавлять к талерам дополнительные грузики.

— Монеты сточены! — вынес вердикт меняла. — В одной пятьдесят девять крейцеров, в другой — пятьдесят восемь крейцеров и один грешель.

Не став оспаривать вердикт, я молча кивнул, и тогда мастер углубился в сложные вычисления, ловко перекидывая нанизанные на спицы счетов костяшки с одной стороны на другую. Каждое свое действие он сопровождал необходимыми пояснениями, а под конец озвучил итоговую сумму:

— Четыре марки и три фердинга. Согласны?

Я вновь кивнул, но доставать кошель, дабы обменять остальные деньги, не стал. Прежде решил оценить монеты, которые предложит хозяин лавки.

Как в воду глядел! Тут все и пошло наперекосяк! Меняла пристально уставился на меня и немного помедлил, затем отправил талеры в прорезь крышки железного ящичка и начал выкладывать на стол какие-то медные квадратики. Пять, десять, пятнадцать и еще четыре — девятнадцать.

Я взял верхний и придирчиво изучил его. С одной стороны обнаружился герб великого герцогства, с другой — виднелась надпись:

«1 фердинг серебром».

— Что это, мастер? — спросил я, никак не выказав своего раздражения.

— Четыре марки и три фердинга, — немногословно ответил тот.

— Я отдал вам серебро, его и хочу получить взамен, — сказал я, не повышая голоса. — Если это... сложно для вас, просто верните мои талеры.

— Невозможно, — покачал головой меняла.

— Не отличите мои монеты от собственных в ящичке? — понимающе улыбнулся я, прекрасно знакомый с подобного рода

уловками.

Хозяин лавки никак мое предположение не прокомментировал, лишь указал на нелепые фердинги и веско произнес:

— Эти деньги отчеканены на монетном дворе герцога. Отказ принять их грозит крупным штрафом и даже тюремным заключением.

Я позволил себе скептическую ухмылку и небрежным жестом повалил выстроенные в стопку квадратные монеты.

— Верить на слово... вам?

Слово «сарцианин» не прозвучало, но вполне ощутимо повисло в сгустившейся вдруг тишине лавки. Глаза мастера недобро сверкнули, на скулах заходили желваки, и все же он сдержал гнев и выложил на стол лист, скрепленный свинцовой печатью с коронованной рысью — гербом великого герцога.

Делопроизводство в Сваами велось на североимперском, и очень быстро я убедился, что меня не пытаются обмануть. Точнее, дурят на совершенно законных основаниях. Это не порадовало.

— И еще, сеньор! — холодно произнес меняла, буравя меня недобрым взглядом черных глаз. — Обращение монет иностранной чеканки на территории герцогства запрещено, всякий приезжий обязан сдать их при первой же возможности. Я сомневаюсь, что вы располагаете только двумя талерами. Мне стоит звать стражу?

Я подышал на перстни и навел блеск, потеряв их о камзол.

Выход перекрывали два охранника, пока прорвусь через них, точно набегут зеваки. А хозяин пусть и сарцианин, но входит в цех золотых дел мастеров, стражники им точно прикормлены. Расклад препаршивейший. Зря оскорбил менялу, но если уж начал, то нет резона останавливаться на полпути.

Не понадобились медитации, не возникло нужды в осторожном погружении в транс. За эту зиму я изрядно натренировал свои не столь уж и выдающиеся способности, хватило одного лишь усилия воли, чтобы лавка на миг раскрасилась тонами, для которых не придумано названий ни в одном языке мира. И ярче всего в окружающей серости высветилась вышивка жакета менялы; некий искусный умелец вложил в замысловатые символы заклинание от морока и сплаза. Эфирное тело хозяина лавки виднелось смазанным и нечетким.

Это могло стать проблемой для деревенской ведьмы и даже затруднить работу лицензированному колдуну, но никак не мне. Ментальное воздействие — вещь несравнимо более тонкая. Зачастую в колдовстве даже не возникало нужды. Выявил слабое место и бей!

— Как вам Ольс? — поинтересовался я, откинувшись на спинку стула, и хозяин лавки едва заметно вздрогнул, выбитый неожиданным вопросом из колеи. Я не дал ему времени собраться с мыслями и продолжил: — В империи ваших соплеменников не жалуют, рад видеть, что здесь все иначе.

— О чем вы? Что вы плетете?!

— Ваш сын — полукровка, верно? А разве ограниченность черни не заставляет их ненавидеть полукровок, как ненавидят они все отличное и непонятное? Мальчик бегаёт по улицам совсем один. Кто знает, что может с ним случиться? Местные его знают, а приезжие? Те, которые перекаати-поле без гроша за душой? Отчаявшиеся люди так злы, так жестоки...

Злые слова угодили точно в цель, заставили собеседника встревожиться и привели в смятение мысли.

Он с яростью плюнул на меня; я ответил взглядом, полным ледяного спокойствия, не забывая при этом контролировать положение подручных хозяина лавки. Наконец по смуглому виску менялы покатила капля пота, он судорожно сплотнул и коротко выдохнул:

— Подите прочь!

Я поднялся и начал без всякой спешки собирать со стола медные фердинги.

— Убирайтесь немедленно! — хриплым шепотом повторил меняла.

Так я и поступил, но, покинув лавку, уходить с рыночной площади не стал и спокойно прошелся меж торговых рядов, купил лесных орехов в медовой глазури, а после задумчиво побренчал в кулаке полученной сдачей: половиной фердинга и тремя сенти, как водится, медными.

Медяки переходили из рук в руки словно полноценные монеты; их принимали без всяких пререканий, разве что с каким-то оттенком обреченности. А вот расчеты серебром неизменно сопровождались яростным торгом. Горожане крайне неохотно расставались с мелкими, будто чешуйки, сенти, гнутыми фердингами и марками, неизменно

сточенными по краям. Монеты старой чеканки ценились куда выше медяков равного достоинства.

Вымыв у лошадиной поилки липкие от медовой глазури руки, я дошел до заранее примеченного заведения цирюльника и жестами велел подровнять бородку и состричь изрядно отросшие за зиму волосы. После придирчиво оглядел себя в протянутое зеркало, пожалуй, даже излишне придирчиво. Встревоженный цирюльник что-то залопотал на местном наречии, но беспокоился он напрасно. Я ободряюще похлопал его по плечу и расплатился медью.

В зеркало я гляделся не столько из желания оценить работу мастера, сколько стремясь оценить происходящее за спиной. Предосторожность оказалась отнюдь не излишней: среди покупателей удалось заметить подручного менялы — того самого сарцианина, что стоял со мной на крыльце.

Никак не выказав обеспокоенности, я зашагал меж рядов, затем свернул на соседнюю улочку, а там спешно юркнул в боковой проход меж домами, темный и узкий. Встав в нише дверного проема, я вытянул заткнутый за ремень магический жезл и на пробу несколько раз крутанул его в правой руке.

Послышались быстрые шаги, мелькнула тень, и в проход заскочил мой преследователь. Вид пустого переулка привел молодчика в неопишное изумление, а в следующее мгновение я выскользнул из своего укрытия и резким ударом врезал сарцианину жезлом по горлу. Преследователь схватился обеими руками за шею, выпучил глаза и повалился на колени. На ближайшее время ему определенно стало не до меня.

Я вышел из переулка, сунул жезл под плащ и поспешил к воротам верхнего города.

И без того впустую потерял добрую половину дня, пора уже заняться делами.

Глава 2

1

От стен Верхнего города веяло древностью. Сами крепостные сооружения выстроили, по имперским меркам, не так давно, а вот каменные блоки обтесали без малого тысячелетие назад; сюда их перевезли, разобрав старинную цитадель у перевала. В одном месте мне даже удалось заметить выбитое на камне тележное колесо со сломанными спицами: то ли некий соляной знак, то ли один из старейших прообразов святого символа. Спиц было семь.

Некогда Верхний город Ольса был сторожевой крепостью, часть его укреплений вырубали прямо в скале. Внутрь вели единственные ворота, за которыми начинался тоннель с глухими стенами и темными провалами бойниц в потолке. В случае осады защитники могли в свое удовольствие лить через них на врагов расплавленный свинец и кипящее масло, засыпать стрелами и камнями.

Вход в тоннель караулили гвардейцы в до блеска надраенных кирасах и шлемах, тут же крутилось четверо неприметных типов в цивильном платье. Кого-то из пытавшихся пройти этим путем горожан останавливали для расспросов, кого-то и вовсе без лишних разговоров поворачивали назад. У меня вид оказался представительным, на меня внимания не обратили.

Я прошел тоннель и озадаченно огляделся. Вокруг возвышались глухие каменные стены — если от подножия холма были прекрасно видны шпили и золоченые звезды кафедрального собора, то здесь они прятались за соседними строениями. Пришлось бродить по узеньким улочкам, выпрашивая дорогу у встречных. И это было совсем некстати — мало того что меня почти никто не понимал, так еще и серая хмарь в небе понемногу сгущалась, непогода все сильнее накатывала на город, окутывала его низкими облаками и посыпала моросью.

Ну и конечно же арки, крутые лестницы, переходы и галереи. Отыскать главный городской храм оказалось непросто, да и потом я еще с четверть часа рыскал по округе в поисках резиденции его высокопреосвященства архиепископа Ольского и всего Сваами Фредрика. И ведь располагался четырехэтажный особняк с

отделанным мраморной плиткой фасадом и арочными проемами окон буквально в двух шагах, а наткнулся на него почти случайно.

У входа в резиденцию стояли два гвардейца в цветах герцога, еще парочка их сослуживцев прохаживалась в отдалении. Здешний архиепископ обладал лишь духовной властью, собственных наемников он не содержал.

Особняк встретил тишиной. Там не заламывали руки встревоженные просители, не суетились клерки и растрепанные писари, не носились сломя голову мальчишки-посыльные. Священнослужители и монахи следовали по своим делам без всякой спешки, в просторных коридорах с высокими потолками царило поразительное спокойствие.

Прежде чем я успел толком оглядеться, рядом неведь откуда возник священник в простой черной сутане.

— Чем-то могу помочь, сын мой? — спросил он.

— Подскажите, отче, с кем следует поговорить касательно аудиенции у его высокопреосвященства?

Мой вопрос удивления не вызвал, священник указал на одну из дверей.

— Прошу, проходите.

В кабинете скучали два монашка. Выслушав меня, один выудил из папки заполненный наполовину лист и без всякой охоты макнул в чернильницу заточенное перо.

— Вас внесут в список ожидания, сеньор...

Не было никакой уверенности, что вечером этот лист не используют для растопки очага, а то и чего похуже, но раньше времени я звенеть монетами не стал и для начала представился:

— Филипп Олеандр вон Черен, магистр-надзирающий Вселенской комиссии по этике.

Это заявление произвело воистину удивительный эффект: монашки уставились на меня во все глаза, словно я был юной девицей, задравшей вдруг перед ними подол платья.

— Могу я взглянуть на ваши бумаги, магистр... — неуверенно произнес юноша, откладывая перо.

Я выложил на стол пакет документов. Монашки на пару распотрошили его и разобрали мои грамоты, внимательно изучили

подписи и печати, а после, удовлетворенные увиденным, предложили немного подождать в коридоре.

— Мы сообщим о вашем визите его высокопреосвященству, — сказал один из них.

Я кивнул и покинул кабинет, изрядно обескураженный тем интересом, что вызвало появление моей скромной персоны. Немного даже встревожился, но по здравом размышлении пришел к выводу, что для беспокойства нет причин.

Монашков заинтересовал не сеньор вон Черен, а магистр Вселенской комиссии. Едва ли мои коллеги здесь в таком уж большом почете, но кто знает, какие у них отношения с церковью? Быть может, есть некая негласная договоренность с канцелярией архиепископа?

Прохаживался по холлу я никак не менее получаса, а потом все тот же священник, что встретил на входе, пригласил подняться на третий этаж. Оружейный ремень с кинжалом, шпагой и волшебным жезлом пришлось оставить караулившим лестницу гвардейцам. Заодно избавился от плаща и шляпы.

— Его высокопреосвященство примет вас немного позже, — оповестил меня провожатый, заведя в просторную комнату с мягкими диванами.

Я кивнул и занял удобное кресло у широкого окна. Помимо меня аудиенции ожидали почтенный сеньор в летах, краснощекий холеный толстяк с золотым знаком Торговой гильдии и молодой черноусый дворянин в дорогом камзоле из зеленого бархата, при шпаге и кинжале.

В итоге пришлось проторчать в приемной больше часа. Но жаловаться было грех: секретарь пригласил меня вторым, стоило только выйти от его высокопреосвященства купцу.

Архиепископ Ольский и всего Сваами Фредрик был высок, сутул и лыс. А еще — благостен и добродушен; в уголках глаз и рта залегли глубокие морщинки. Невольно вспомнились слова отца, полагавшего своих улыбчивых братьев куда более гибкими и опасными, нежели закосневшие в догмате веры святоши.

— Ваше высокопреосвященство... — склонился я, целуя золотой перстень.

— Присаживайся, чадо.

Я опустил на стул и неуверенно начал:

— Боюсь, случилось небольшое недоразумение...

Фредрик, который принимал посетителей в простой черной сутане с пурпурными пуговицами, в удивлении приподнял брови и указал на переданные секретарем документы.

— Неужели ваши бумаги фальшивые?

— Нет. Разумеется, нет! Я и в самом деле магистр-надзирающий! — уверил я собеседника и выложил на стол письмо от епископа Кларнского. — Просто не имею чести состоять в местном отделении Вселенской комиссии и считаю важным сразу предупредить об этом.

Архиепископ хмыкнул, ознакомился с переданным мной рекомендательным письмом, затем наскоро просмотрел остальные бумаги и растерял все свое добродушие, но растерял его лишь на миг, а потом на худое лицо вновь вернулась благодная улыбка.

— Неисповедимы пути Его! — поднял архиепископ руку к потолку, покачал головой и спросил: — Что же привело вас ко мне, магистр? — но не позволил вымолвить ни слова. — Нет, постойте! Не так давно мой брат уже обращался с просьбой дать... неким людям возможность ознакомиться с рядом книг. Теперь он прислал вас. Желаете узнать, что же такого важного скрывается в тех томах?

— Не совсем, — уклончиво ответил я. — Меня и в самом деле привело в Ольс желание попасть в библиотеку вашего высокопреосвященства, но это моя личная инициатива.

— Не за всякого вашего коллегу станет просить такой человек как епископ Вим.

Я на миг задумался, а потом сказал чистую правду:

— Мне довелось оказать его преосвященству одну небольшую услугу.

Улыбка хозяина кабинета стала еще благодней.

— Воистину, само Провидение привело вас ко мне!

От этих слов окончательно сделалось не по себе.

— О, магистр! — негромко рассмеялся архиепископ. — Не поймите меня превратно! Просто в моем распоряжении уже нет книг, полученных от епископа Вима. Придется просить за вас их нынешнего владельца, а это не самый простой в общении человек. Он может и не прислушаться к моим словам, а получать отказ — это всегда

чрезвычайно... неприятно. Как, впрочем, и брать на себя совершенно ненужные обязательства.

— Неужели кто-то может отказать в столь невеликой просьбе вашему высокопреосвященству? — позволил я себе высказать сомнение в заявлении собеседника, пусть и приправил его лестью.

— Кузен его королевского высочества может позволить себе многое, — заявил архиепископ с непроницаемым выражением лица. — Ему нет нужды добиваться чьего бы то ни было расположения.

— О!

— Маркиз Альминц испытывает истинную страсть к собирательству книг. Выше всего на свете он ценит свою библиотеку и пускает в нее далеко не всякого. Боюсь, даже моей просьбы может оказаться недостаточно. Но письмо ему я в любом случае напишу...

— Что вашему высокопреосвященству потребуется взамен? — спросил я отчасти даже с неприличной прямоотой.

— Взамен... — поморщился архиепископ и покачал головой. — Ничего, магистр. Абсолютно ничего такого, чего вам не следовало бы сделать по долгу службы.

— Я весь внимание...

— Практикующие без лицензии колдуны и ведьмы подлежат церковному суду, а дела выпускников тайных факультетов рассматриваются вашими коллегами, магистр. Но что делать, если чернокнижник утверждает, будто принадлежит к ученому сословию, а сам не в состоянии предъявить необходимых документов?

Для ответа на этот вопрос мне даже не пришлось напрягать память.

— Мы устанавливаем, говорит человек правду или нет, — сообщил я собеседнику. — Есть специальная процедура...

— Именно! — перебил меня архиепископ. — Это устанавливаете вы, магистры! И я хочу, чтобы вы уже наконец сделали свою работу!

— Но мои полномочия не распространяются на Ольс! Здесь есть свое отделение!

Архиепископ покачал головой.

— Во-первых, чернокнижника поймали не в Ольсе, а на севере герцогства. Там нет представительства Вселенской комиссии. Во-

вторых, здешний магистр-управляющий против вашего вмешательства возражать не станет. Это я беру на себя.

— Но к чему такие сложности?

— Дело касается запретной волшбы, а в столичном отделении всего три знатока тайных искусств. Один из них — девяностолетний старик, который едва ходит. Второй на прошлой седмице поскользнулся и сломал ногу, а последний, как мне сказали, безмерно занят в университете. Школяры бузят, и магистр-управляющий наотрез отказался отпустить нужного ему человека из города. Из-за этого поганый слуга запределья никак не может предстать перед судом!

— Почему бы не привезти чернокнижника в столицу герцогства? — высказал я вполне логичное в сложившейся ситуации предложение.

Архиепископ скривился.

— Магистр, а кто будет отвечать за него в дороге? Солдатам такое не поручишь, а орден Герхарда-чудотворца не собирается брать на себя ответственность и делать чужую работу. В конце концов, чернокнижник уже пойман. Причин для спешки они не видят и готовы ждать, сколько требуется, для того, чтобы все было сделано по правилам.

Я вздохнул.

— Один я не привезу колдуна в Ольс.

— Если чернокнижник не обучался в университете, им займется орден Герхарда-чудотворца. В противном случае они тоже не бросят вас одного и сопровождают в столицу.

Я заколебался, взвешивая все за и против, но сразу понял, что думать тут особо не о чем. Архиепископ в любом случае добьется своего, вопрос лишь в том, окажу я ему услугу по доброй воле или на этот шаг меня подтолкнет местный магистр-управляющий, полномочия которого позволяют в случае крайней нужды временно рекрутировать любого оказавшегося в его зоне ответственности сотрудника Вселенской комиссии. И не приходилось сомневаться, что просьба его высокопреосвященства в разряд крайней нужды непременно попадет. Так стоит ли обострять отношения с архиепископом? Улизнуть из Ольса могу и не успеть; опять же, рекомендательное письмо лишним совсем не будет.

— Мне понадобятся письменное разрешение от здешнего магистра-управляющего, транспорт и деньги на дорогу, — объявил я после недолгих колебаний.

— Где вы остановились?

— Гостиница «Серебряная форель» в Среднем городе.

— Мой человек найдет вас там.

Я поднялся из-за стола и не удержался от последнего вопроса:

— Ваше высокопреосвященство, маркизу достались все присланные епископом Вимом книги? Это действительно так?

— А что вас смущает, магистр?

— В том списке присутствует еретическое сочинение некоего Алфихара Нойля...

Архиепископ прыснул со смеху.

— Нойль — ересиарх? Магистр, этот бесталанный мыслитель был изрядным прелюбодеем, что его и погубило, но он точно не заслужил сожжения на костре.

— Боюсь, не вполне понимаю...

— На склоне лет Нойль сделался придворным философом монарха Грахцена, но страсти к женскому полу не растерял. Случилось так, что сего почтенного старца застали, когда тот не от большого ума затащил в постель сразу и младшую дочь короля, и его тогдашнюю фаворитку. С той или с другой — все было бы не так плохо, но одновременно с двумя — этого его величество спустить своему любимцу уже не мог. И, дабы преподать всем урок, не просто казнил прелюбодея, но заодно предал огню и его наследие, добившись обвинения в ереси. Мы вердикт соседей, разумеется, не оспариваем и все же относимся к хранению сочинений Нойля куда снисходительней, нежели к изучению иных истинно еретических трудов.

— Благодарю за разъяснение, ваше высокопреосвященство, — поклонился я на прощанье. — Буду ждать вашего человека в гостинице...

2

Сразу в «Серебряную форель» я возвращаться не стал, вместо этого отправился туда, куда следовало заглянуть сразу по прибытии в город. Выспросил у местных, как пройти на площадь Черных Роз, а

там без всякого труда отыскал лавку мастера Бергера — купца, которого отрекомендовал другом друзей епископ Вим.

Площадь оказалась совсем крохотной и треугольной, на нее выходили фасады четырех домов, а в центре был разбит цветник. Черные там растут розы или обычные, выяснить, по понятным причинам, не удалось, но меня их цвет, если уж на то пошло, нисколько не интересовал.

Я распахнул звякнувшую колокольчиком дверь лавки и обнаружил, что друг друзей епископа Вима торгует всяческими весьма недешевыми безделушками: посудой работы острихских стекольщиков, люстрами с подвесками из хрусталя Медланских гор и зеркалами, коими славились мастера Лорании. Отдельный шкаф был отведен для изделий из алхимического стекла, преимущественно привезенными с островов Изумрудного архипелага. Несколько грамотно расставленных светильников заливали помещение брызгами радостного сияния, отражения искрились и посверкивали, создавая настроение внезапного праздника. Следовавшая за мной по пятам хмарь осталась на улице, не в силах проникнуть в это царство света.

Условная фраза заставила невысокого полноватого купца оставить лавку на попечение приказчика и провести меня в контору на втором этаже.

— Весточка о вашем скором приезде, магистр, приходила еще в прошлом году, — сказал он, вытащив из буфета бутылку южного вина. — Могу поинтересоваться, что задержало вас в пути?

— Провалился месяц в горячке и не успел добраться до перевалов, прежде чем их закрыли снегопады, — ответил я, не вдаваясь в подробности. — И, мастер Бергер, к чему эти формальности? Зовите меня Филиппом.

— Карл, — в свою очередь представился торговец и наполнил рубиновой жидкостью сверкающий хрусталем бокал. — Могу я уведомить его преосвященство о вашем прибытии?

— Очень меня этим обяжете, — улыбнулся я, принял кубок, сделал небольшой плоток и одобрительно кивнул, собираясь с мыслями. Затем осторожно спросил: — Не знаете, Карл, мои... предшественники добились успеха в своих изысканиях?

Торговец приложился к бокалу.

— Близки к нему, но возникли некие осложнения, в суть которых они не вдавались.

— Где мне их искать?

— В Рёгенмаре.

Я удивился.

— Почему там?

Бергер лишь красноречиво развел руками, и я нахмурился, не понимая, что именно понадобилось книжникам братства святого Луки в этом университетском городке. Как бы то ни было, расспрашивать торговца не имело никакого смысла; я лишь вздохнул и выложил на стол медный фердинг.

— Не просветите меня на этот счет?

Купец взглянул на нелепую квадратную монету и усмехнулся.

— О, Филипп! Вы лицезрите плод финансового гения его королевского высочества.

— В самом деле?

Бергер лишь посмеялся.

— А что еще остается, если серебряные рудники давно оскудели, а доходы казны не столь велики, как хотелось бы? Когда великий герцог взял в жены майнрихтскую принцессу, траты взлетели до небес. Новый дворец, приемы, подарки многочисленным фаворитам. А ведь надо еще и армию содержать! Вот и начали медяки штамповать. Поначалу все шло очень даже неплохо, да только слишком много их в оборот поступает. По нынешним временам, за десять новых марок четыре старых дают, а пошлины, налоги и сборы принимают только серебром.

— Так и до бунта недалеко.

— Кровью зальют, — уверил меня торговец. — Гвардейцев и наемников новшества не коснулись, да и стражникам иногда серебро подкидывают. А простой люд волком воет — что есть, то есть. На прошлой седмице школяры шествие устраивали, так их разогнали, не посмотрели на угрозы всем университетом в другой город перебраться.

Я забрал квадратный фердинг и спросил:

— Монетой иностранной чеканки и в самом деле расплачиваться нельзя?

— Почему нельзя? Каждый с радостью примет. Но официально обращение запрещено, тут вы правы. — Торговец внимательно посмотрел на меня и предложил: — Могу помочь с обменом. Серебро на серебро. Интересно?

Я кивнул и полез за кошельком.

Лавку я покинул четверть часа спустя без единого талера и крейцера, зато с изрядным количеством серебряных марок, фердингов и крохотулук-сенти. Как водится, сточенных и обкусанных, но Бергер рассчитался честь по чести, расстались мы, вполне довольные друг другом.

И вновь вслед за мной поплелись серая хмарь и непогода. С неба сыпалась холодная морось, быстро темнело, и все же я сделал небольшой крюк и отправился в гостиницу через Университетский квартал. Тот словно вымер, прохожие встречались редко-редко, да и то в основном это были промокшие и злые на весь белый свет стражники. Школяры если и попадались, то не привычными шумными компаниями, а по двое или трое; лишь у одной из пивных толпилась ватага пьяненьких юнцов. Со стороны за ними наблюдала пара крепышей с медными бляхами педелей, и предосторожность эта показалась мне отнюдь не излишней. Среди школяров всегда с избытком хватало вольнодумцев и бузотеров.

Оставалось уповать лишь на то, что в Рёгенмаре ситуация накалена не так сильно, как в столице, иначе магистры Вселенской комиссии неминуемо окажутся между молотом и наковальней.

Задумчивость едва не сыграла дурную шутку, когда на следующем перекрестке из-за угла вдруг выскочила парочка несшихся во всю прыть юнцов. В последний момент я успел прижаться к стене, и школяры промчались мимо, едва не сбив меня с ног. Пару мгновений спустя следом вывернул стражник. Лицо его покраснелось, а дыхание вырывалось изо рта с хрипом и сипом, но глаза громилы пылали злым азартом, и от преследования он отказываться не собирался.

Я поставил слуге закона подножку, повернул на соседнюю улочку и поспешил прочь. Цеховая солидарность, чтоб ее. Это все цеховая солидарность...

В «Серебряную форель» я вернулся промокшим, озябшим и голодным словно волк. Сразу отыскал хозяина и вручил ему четыре фердинга за комнату, пропитание и плёг. Содержатель гостиницы принял медяки с нескрываемой печалью, но настаивать на оплате серебром не стал и предупредил, что ужин будет немного позже, а подогретое вино принесут прямо сейчас.

Выпядел он каким-то осоловелым, и я счел нужным предупредить:

— И не жалея специй, любезный!

Хозяин кивнул и крикнул:

— Хельга! — но тут же осекся и махнул рукой. — Сейчас принесу, сеньор.

Я повесил плащ и шляпу у растопленного камина, немного постоял у огня и сам, затем огляделся и остановил свой выбор на свободном столе у лестницы, откуда просматривалась входная дверь.

Людей в общем зале сегодня было не слишком много, а пиво и легкие закуски вместо Хельги разносила какая-то рыжая деваха, куда более стройная, но при этом обладавшая бюстом ничуть не меньших размеров. Огненные волосы были заплетены в толстую косу, бледную кожу усеивали многочисленные веснушки.

— Что будете? — поинтересовалась она с ужасным акцентом и будто нарочно склонилась над столом, позволяя заглянуть в глубокий вырез декольте. Тугая шнуровка платья грозила лопнуть в любой момент.

— Благодарю, дорогуша, — покачал я головой, поскольку не собирался перебивать аппетит пивом, сушеной рыбой и солеными крендельками.

Деваха чарующе улыбнулась и отошла, не забыв вызывающе вильнуть напоследок бедрами. Я глянул ей вслед и усмехнулся; невесть с чего возникла уверенность, что этой ночью найдется кому согреть мою постель. Пахло от рыжей бестии необычайно приятно.

Подошел хозяин, молча выставил на стол пустую кружку и глиняный кувшин и так же молча поспешил по делам. Он показался слишком уж скованным даже для обычно немногословных северян, а вот плёг приготовил сегодня просто на загляденье, не чета вчерашнему.

Я наполнил кружку, насладился ароматом, отпил горячего вина. Холод сразу отступил, а через два или три плотка вслед за ним

убралась и усталость. На какое-то время я позабыл обо всех проблемах и заботах, выкинул из головы даже сомнения, стоит ли идти на поводу у архиепископа, и просто наслаждался напитком.

Понемногу начали подходить постояльцы, с кухни потянуло запахом жаркого, а затем явился молодой дворянин при кинжале и шпаге, черноусый и кареглазый. Вздернутая верхняя губа придавала ему сходство с карасем, но уверенная походка и полные сдержанной силы жесты подсказали, что рыба пожаловала куда как более хищная и опасная. Я сразу узнал одного из посетителей его высокопреосвященства, вместе с которым дожидался аудиенции в приемной.

Дворянин стряхнул со шляпы капли дождя, огляделся и направился напрямиком к моему столу.

— Вечер добрый, магистр! — сказал он на чистейшем североимперском.

— Присаживайтесь, — пригласил я гостя за стол и гаркнул: — Хозяин! Еще одну кружку!

— Не стоит... — попытался отказаться посыльный архиепископа.

— Бросьте, сеньор! На улице собачья погода.

Дворянин на миг задумался, потом кивнул. Погода на улице и в самом деле была собачьей.

Так и не потрудившись представиться, посланник архиепископа снял плащ, и я обратил внимание на блеснувший золотом и янтарем святой символ, приколотый на ворот камзола. Едва ли это был знак отличия, скорее уж дорогая безделушка, оберег или фамильная реликвия.

Вновь подошла рыжая деваха и вновь как бы невзначай коснулась меня бедром, выставляя на стол кружку. Дворянин в сторону разносчицы даже не взглянул, чем изрядно меня озадачил. На монаха он несколько не походил, скорее уж наряжался, как избалованный мот. Камзол из зеленого бархата с серебряным шитьем и тончайшей выделки сорочка с кружевными манжетами смотрелись предосудительно дорогими, как и пара перстней с красным и синим самоцветами. Из общего ряда выбивались лишь кинжал и шпага. Выпятели они отнюдь не статусными предметами, а рабочими инструментами.

— Ваши бумаги, — передвинул посланник архиепископа через стол опечатанный пакет. — И кое-что мне поручено передать на словах.

Он налил себе глёга и сделал глоток, давая время разломать сургучную печать и ознакомиться с документами. Сверху, к моей немалой радости, лежало рекомендательное письмо маркизу Альминцу, насчет остального его высокопреосвященство также не обманул. Поручение на проведение дознания от местного магистратуправляющего было выправлено по всем правилам, а помимо него в пакете обнаружились подорожная и охранная грамота. Да еще армейский пропуск, необходимый для передвижения по приграничным территориям. Это обстоятельство меня изрядно озадачило.

— Луксала — это что и это где? — поинтересовался я, приложившись к кружке с теплым вином.

— Деревенька на севере в двух-трех днях пути от столицы, — ответил явно ожидавший подобного вопроса дворянин. — Население — под три сотни человек, кругом глухие леса и топи. — Он снова отпил глёга и как бы между делом добавил: — До чащоб и болот язычников оттуда рукой подать. Бывает, и наведываются...

Поручение архиепископа враз перестало казаться обременительной рутинной и заиграло новыми красками. Доминировал в них кровавый багрянец.

— Язычники, сеньор? — переспросил я. — Я не ослышался? Вы сказали — язычники?

— После особо злых зим дикарям остается либо кушать друг друга, либо прорываться на наши земли, разорять хутора и небольшие поселки, — подтвердил дворянин. — Иначе бы эта каша и не заварилась...

Я тяжело вздохнул и откинулся спиной на стену.

— Какая каша? Рассказывайте, не томите душу!

Дворянин кивнул и, будто желая оправдать самые худшие мои опасения, объявил:

— Зима в этом году выдалась особенно суровой...

Увы и ах, но мнение папеньки об улыбочивых иерархах церкви оправдалось целиком и полностью. Задание, подсунутое архиепископом Фредриком, оказалось с гнильцой. Нет, его

высокопреосвященство ни в чем меня не обманул, но, обладай я всей полнотой информации, десять раз подумал бы, стоит ли участие в этом деле рекомендательного письма маркизу. В конце концов, еретическое сочинение Нойля сохранилось не в единственном экземпляре. Да и, право слово, не сошелся на нем клином белый свет!

Но не важно. Уже не важно. Главное, что зима в этом году выдалась суровой и снежной, а часть гарнизонов с северной границы перекинули в другие места. На запад, где добрую сотню лет тлел затяжной конфликт с Грахценом и Фирланом, и на восток — поближе к портовому городу Силлесе, дабы укрепить оборону прибрежной провинции и попутно в зародыше пресечь даже помыслы о провозглашении независимости.

Результат вышел вполне закономерным: сорвавшиеся в набег племена лесных алтов разорили два крупных поселения, пяток деревень поменьше и с дюжину хуторов. Но самое знаменательное событие случилось в деревеньке Луксала. Ту осадил крупный отряд язычников, и жители уже готовились к неминуемой смерти, когда бродячий торговец начал воскрешать погибших и отправлять их в бой. Перепуганные дикари в панике отступили, а обессилевшего некроманта благодарные жители связали и сдали с рук на руки подоспевшим к шапочному разбору солдатам ближайшего гарнизона.

И слово «благодарные» я использовал без всякого сарказма. Кметы и в самом деле проявили невиданное великодушие: обычно ведьм и чернокнижников без всякой жалости протыкали осиновыми кольями, рубили на куски и сжигали.

И, будто мало того, слух об этом неординарном событии добрался до столицы, по пути успев обрасти множеством чудесных подробностей и деталей. Недалекие простецы на полном серьезе именовали схваченного некроманта героем и защитником отечества, а потому судебный процесс обещал выдаться не из простых. Я заранее сочувствовал местному магистру-управляющему и подозревал, что тот намеренно саботировал разбирательство и не отправлял своих людей на север, выжидая, пока утихнут пересуды. Похвальное благоразумие, да только архиепископ переиграл его, заручившись моим согласием помочь. А заодно вывел из-под удара собственных каноников, попросив о помощи братьев ордена Герхарда-чудотворца.

— Одного понять не могу, сеньор, — горько усмехнулся я. — Каким образом его высокопреосвященство сумел вовлечь в это дело орден? По вашим словам, чернь уже записала злополучного некроманта в герои, а герхардианцы всегда дорожили добрым отношением простецов. Если слова чернокнижника о причастности к ученому сословию не подтвердятся, именно ордену придется разбираться с ним, раз уж братья согласились составить мне компанию. И тогда обыватели смешают их с грязью.

Мой пожелавший остаться безмянным собеседник как-то странно плюнул в ответ, отпил плёга и сказал:

— С недавних пор преследование ведьм и чернокнижников в герцогстве — исключительная прерогатива братьев-герхардианцев.

— О-о-о! — протянул я с нескрываемым удивлением. — Не знал!

— А что вы вообще знаете об истории этих земель? — не слишком-то вежливо поинтересовался дворянин.

— Немногое, — признал я и перечислил основные вехи местной государственности: — Изначально — северный форпост Полуденной империи, потом — западная провинция Фирлана, ныне — великое герцогство Сваами.

— Все так, — подтвердил посыльный архиепископа. — У самых влиятельных аристократических родов — имперские корни, капитал находится в руках фирланских купцов, а местные уроженцы никогда не имели ни денег, ни власти. Белоглазые, что с них взять...

Я не понял, к чему этот экскурс в историю, но все же кивнул. Посланник архиепископа удивлял меня все больше и больше. Он был далеко не так прост, как хотел казаться. Мало какой бретер, пусть даже и благородных кровей, способен к месту употребить слова «прерогатива» и «капитал». Да и на грудастую деваху он даже не посмотрел, хотя любой нормальный рубака раздел бы красотку взглядом, и хорошо, если только взглядом.

— Несколько лет назад его королевское высочество взял в жены принцессу из Майнрихта, а вместе с ней в Ольс прибыла многочисленная свита и несколько кузенов. Те, в свою очередь, выписали собственных приближенных. Равновесие нарушилось.

— Насколько мне доводилось слышать, позиции ордена Герхарда-чудотворца особенно сильны как раз в Майнрихте, — припомнил я, уловив ход мысли собеседника.

— Именно так. А теперь они чувствуют себя как дома и у нас, — подтвердил мою догадку дворянин и огладил черные усы. — Не всем это нравится. Далеко не всем...

Повисла многозначительная пауза. Посыльный архиепископа не дождался от меня никакой реакции и выложил на стол пухлый кошель.

— Для всех будет лучше, — вкрадчиво улыбнулся он, — если чернокнижник не сумеет доказать свою причастность к ученому сословию. Пусть даже и по чисто формальным причинам.

Кошель оказался на удивление увесистым, к тому же через тонкую холстину не выпирали грани и углы квадратных фердингов. Внутри было звонкое серебро, а никак не презренная медь. Архиепископ не поскупился и выделил мне куда больше средств, нежели могло потребоваться на поездку в Луксалу и обратный путь. Стоило бы порадоваться тому обстоятельству, что мое содействие оценено столь высоко, но радоваться тут было совершенно нечему: разница между выражением признательности и подкупом столь тонка, что иной раз ее и нет вовсе. Примерно как нет разницы между покровителем и хозяином.

Как бы то ни было, отказываться от денег я не стал. Убрал кошель и предупредил:

— Если кто-то из обвиненных в чернокнижии объявляет о прохождении университетского обучения, мой долг и долг моих коллег — подтвердить это заявление или опровергнуть его. Вселенская комиссия вне политики, сеньор. — Я обернулся и посмотрел на разносчицу, которая уже какое-то время маячила за моим плечом. — Чего тебе, дорогуша?

— Ваша похлебка и жаркое, — ответила рыжая деваха, устраивая поднос на краю стола.

Выставляя тарелку, она склонилась ко мне куда сильнее, чем требовалось, и у порученца архиепископа вырвался сухой смешок. Но отпускать замечаний о распущенности прислуги он не стал, вместо этого с нескрываемым сарказмом заметил:

— Отрадно видеть, что хоть кто-то в наше время столь серьезно относится к своему долгу, магистр. Ожидайте карету в пять утра.

В несколько длинных плотков дворянин допил остававшийся в кружке плёг, и тогда я с улыбкой произнес:

— И все же в этом деле у меня есть определенный интерес. Если чернокнижник окажется самозванцем, не придется возвращаться вместе с ним в столицу. Я со спокойной совестью смогу отправиться напрямиком в Рёгенмар.

Мы обменялись с посыльным епископа понимающими взглядами, а настырная рыжая девица не утерпела и спросила:

— Желаете чего-нибудь еще?

— Нет. Иди, — отпустил я ее, а сам взял ложку и принялся к похлебке. Пахло варево просто неопишимо.

Дворянин поднялся из-за стола, надел плащ и пристально глянул вслед рыжей девахе.

— Плоская как доска, а все туда же...

Я замер с поднесенной ко рту ложкой.

— Что, простите?

— Неужели не заметили? Эта белобрысая пигалица положила на вас глаз! Смех да и только!

Бросив ложку, я обернулся, но разносчица уже скрылась на кухне. Белобрысая пигалица? Плоская как доска? Святые небеса! А не лавандой ли от нее пахло?

Марта! Лесная ведьма выследила меня и опять забралась в голову!

— Мое почтение, — откланялся порученец архиепископа.

Я бездумно кивнул в ответ, негнушимися пальцами вытянул из-за пояса магический жезл, закрыл глаза и успокоил дыхание. Возможности ментального доминирования небезграничны. Медитация справится с наваждением, а истинное зрение проникнет через завесу морока. Наверное.

Вдох. Вдох. Еще один. Обеденная зала исказилась, постояльцы растворились, от них остались только зависшие в серой пелене эфирные тела. Я несколько раз моргнул, пытаюсь совместить реальность с незримой стихией, но погрузился в транс слишком сильно, и сосредоточиться на окружающей действительности получилось далеко не сразу.

После я рывком поднялся из-за стола и двинулся на кухню. Пол мягко покачивался, а удары сердца заставляли окружающий мир двоиться и распадаться на фрагменты, но в итоге воля возобладала над колдовским талантом, две картинки в моей голове окончательно слились в единое целое. На ходу я кистевыми движениями вращал

опущенный к полу жезл, разогревая эфир и сплетая невидимые нити обездвиживающего заклинания, но Марты на кухне не оказалось.

Не обращая внимания на удивленные взгляды прислуги, я пересек помещение и распахнул дверь черного хода, а только вышел на задний двор, и вслед за мной выбежал растрепанный хозяин.

— Сеньор! Ва-а-ам сюда нельзя!

— Где она? — рывкнул я. — Где разносчица?

— Хельга?

— Нет, новенькая!

— Хельга за-а-аболела...

Хозяина словно опоили сонной настойкой, до того он был вялым и безвольным, да к тому же ничего толком не соображал. Я оттолкнул его к стене, отвесил легкую пощечину и несколько раз щелкнул перед носом пальцами, развеивая опутавшее сознание бедолаги наваждение.

— На меня смотри! На меня!

Содержатель гостиницы судорожно сплотнул и проямлил:

— Не понимаю, сеньор...

— Когда нанял новую разносчицу, сегодня?

— Должно быть, та-а-ак... — неуверенно ответил хозяин, страдальчески сморщился и зажал ладонями виски. — Не слишком хорошо помню... Хельга за-а-аболела и не вышла на работу, а тут появилась эта девчонка. Согласилась ра-а-аботать за еду и жилье. Почему не взять?

— Ты дал ей комнату? Веди!

Жилье разносчицы оказалось клетушкой под лестницей без единого окна. Сразу от порога я запустил внутрь огонек, и тот взмыл под самый потолок, залив помещение призрачным голубоватым сиянием. Пусто!

На всякий случай я заглянул под узенькую койку, но Марты не обнаружилось и там. Распахнутый сундук стоял пустым, а другой мебели в клетушке не было. И никаких личных вещей. Ни-чего.

Ангелы небесные! Неужто спугнул? Но как?!

— Возьмешь еду с моего стола и выкинешь на помойку, — приказал я хозяину. — Понял?

Тот разинул рот от внезапной догадки. Насланное ведьмой наваждение понемногу рассеивалось, и мало-помалу к хозяину возвращалась ясность мысли.

— Да как же та-а-ак? — запричитал содержатель гостиницы, нервно косясь на призрачный огонек. — Я стра-а-ажу кликну!

— Тебя обворовали или поножовщина случилась? А начнешь болтать об отраве, утром недосчитаешься половины постояльцев. Выбрось харчи и молчи. Усек?

Мои аргументы подействовали наилучшим образом; хозяин моментально успокоился и пообещал:

— Сделаю. Все по ва-а-ашему сделаю, сеньор! Не сомневайтесь.

— Ужин мне сюда принеси. Только набери из общих котлов, — распорядился я и вытолкнул содержателя гостиницы за дверь.

Пусть и не было полной уверенности, что Марта подсыпала какие-либо зелья в предназначенную мне еду, но рисковать не хотелось. Зачем-то же она выследила меня, для чего-то ведь забралась в голову! Это все неспроста...

Святые небеса! И как только догадался учить девчонку грамоте по сочинению о ментальном доминировании!

Я выругался, присел на жесткую кровать и начал бездумно пропускать через пальцы янтарные зерна четок. В воздухе витал тонкий аромат лаванды, над головой поскрипывали разохшиеся ступени лестницы.

Марта не пришла.

Глава 3

1

На следующее утро хозяин и думать забыл о своем недавнем желании вызвать стражу. Судя по перегару, опухшей физиономии и неловким движениям, вчера он крепко надрался, даром что о моем поручении разбудить на рассвете не позабыл и явился с первыми петухами.

Я спал далеко не лучшим образом, для верности подперев дверь стулом и с заряженным пистолем под рукой, но Марта не попыталась добраться до меня ночью. Просто исчезла. Только надолго ли?

Наскоро умывшись, я оделся, не забыв на этот раз и о стеганой куртке, подпоясался оружейным ремнем и спустился в общий зал. Кинул на лавку саквояж и мешок с вещами, без особого аппетита позавтракал, а остатки колбасы, сыра и хлеба завернул в чистый лоскут, намереваясь перекусить в пути.

Тогда-то и явился порученец архиепископа. Сегодня он был одет по-дорожному: на смену бархату пришла грубая шерсть и сукно, перстни и украшения пропали без следа, длинные темные волосы стянуло в косицу кожаное кольцо.

— Макс вон Сюйд, — представился дворянин.

Я оглядел его с головы до ног и спросил:

— Чем обязан, Макс?

Ответом стала широкая улыбка.

— Отправляюсь с вами, Филипп!

Мне и в голову не пришло улыбнуться в ответ. Всякое неожиданное изменение планов для людей моей профессии ровно кость в горле. Риск схлопотать нож в бок или стрелу в спину в подобных ситуациях возрастает многократно.

Я поднялся из-за стола, перекинул через плечо свернутый плащ, взял сумку и дорожный мешок, потом резко бросил:

— Зачем?

На рыбьем лице Макса не дрогнул ни мускул.

— Дело приняло интересный оборот, — спокойно ответил он. — Идемте! Расскажу по дороге.

Переданный архиепископом кошель в пересчете на имперские деньги содержал двадцать пять талеров — сумму весьма и весьма немалую, но все же недостаточную для участия в делах со столь непредсказуемыми поворотами. Не прилагаясь к нему доведком рекомендательное письмо, я бы вернул деньги и отправился своей дорогой, а так лишь вздохнул.

— Рассказывайте, Макс!

Тот пожал плечами.

— Прежде герхардианцы не проявляли к этому делу никакого интереса, а теперь вдруг орден отправляет с вами на север пятерку братьев во главе с ловчим. Нас это заинтересовало. Только и всего.

Я остановился у входной двери.

— Что именно вас заинтересовало?

Во взгляде Макса впервые проскользнуло раздражение.

— Ловчий! — со значением произнес он. — Ловчие выявляют и отслеживают чернокнижников, а наш некромант уже пойман. Так что он собирается вынюхивать на севере?

И в самом деле, что?

Я вышел на крыльцо, встал там и предположил:

— Думаете, некромант входит в некую... ложу?

Порученец архиепископа покачал головой.

— Не знаю теперь даже, что и думать, Филипп. Сомневаюсь уже, стоит ли отдавать расследование в руки герхардианцев.

— Девиз Вселенской комиссии: «Беспристрастность и объективность», — напомнил я.

Макс рассмеялся и указал на стоявшую посреди дороги карету, на козлах которой клевал носом сонный кучер.

— Прошу!

Я озадаченно огляделся. Представителей ордена Герхарда-чудотворца нигде видно не было; позади кареты недовольно прядали ушами две заводные лошади, и только.

— А братья?

— Ждут нас на выезде из города, — сообщил человек архиепископа, принял у меня дорожный мешок и, заскочив на запятки, убрал пожитки в закрепленный на крыше сундук.

Я распахнул дверцу и замешкался. Одно из сидений занимал дородный круглощекий священник в простой черной сутане.

— Магистр вон Черен. Каноник Йохан, — представил нас друг другу вон Сюйд.

Священник благосклонно кивнул и прикрыл глаза. Я забрался в карету и подвинулся, освобождая место Максусу.

— Тронулись! — скомандовал тот кучеру с подножки и уселся рядом со мной.

Внутри было не слишком просторно, шпагу пришлось упереть в пол и зажать ножны коленями. Порученец архиепископа последовал моему примеру, а каноник навалился на подложенный под бок валик и задремал. Карету изрядно потряхивало на неровной брусчатке, но ему это, казалось, нисколько не мешало.

Ехали молча. Макс первым разговор не начинал, а я не сумел разобраться в их иерархии и потому держал язык за зубами. Быть может, некоторых вещей отцу Йохану лучше и не знать.

Карета беспрепятственно миновала ворота и покатила через пригород. Тряска стихла, зато на неровной дороге нас начало изрядно мотать из стороны в сторону. Макс ухватился за прикрученную к стенке ручку, и я последовал его примеру, а вот каноник даже не проснулся.

Кучер придержал лошадей, когда дома остались позади и вдоль дороги потянулись изгороди огородов. Карета остановилась на площадке, где уже стоял экипаж немногим больше нашего. Рядом прохаживались пятеро братьев-герхардианцев в теплых шерстяных сюрко с капюшоном. В дорогу стриженные под горшок молодчики отправились во всеоружии: с поясов свисали ножны с фальшионами, у двоих при себе оказались легкие арбалеты, а еще один щеголял перевязью с парой колесцовых пистолей. Безоружного брата считать безобидным также не приходилось: он заткнул за ремень магический жезл. Ритуалист.

Все одеяния были традиционных для ордена красно-черных тонов, разнилось только их сочетание. У четверых цвета перемежались вертикальными полосами, а вот у последнего полностью черный сюрко имел окантовку цвета темного багрянца. Ловчий.

И действительно — Макс вон Сюйд обратился именно к нему:

— Брат Стеффен, вы готовы?

Ловчий обернулся и взглянул на нас. Точнее, на меня.

Был он не слишком высок и при этом весьма кряжист. Правильные черты лица портили слегка искривленный кончик носа да тонкий шрам, рассекавший нижнюю губу и терявшийся в курчавой русой бородке.

В голове промелькнуло узнавание. Брат Стеффен?! Тот самый ловчий, что участвовал в облаве на чернокнижника вместе с лиловыми жандармами? Человек барона аус Баргена! Я узнал его, он никак не мог не узнать меня.

Ангелы небесные! Вот так встреча! Еще не хватало вновь с делами Кабинета бдительности пересечься. Так и на небеса раньше срока отправиться недолго!

— Магистр вон Черен, разрешите вас на пару слов, — позвал ловчий, отходя от остальных братьев.

— Все в порядке? — забеспокоился Макс.

— Просто хочу обсудить условия сотрудничества, — с невозмутимым видом заявил брат Стеффен. Афишировать наше знакомство он не посчитал нужным.

— Драная селедка, — слышалось мне, но вовсе не уверен, что порученец архиепископа произнес это ругательство вслух. Скорее уж у нас совпали мысли.

Мы с ловчим отошли в сторону, и брат Стеффен тягостно вздохнул.

— Магистр... — начал он, явно нисколько не обрадованный нашей встречей, — не люблю недосказанности. Вы меня, вне всякого сомнения, узнали, так вот — я не работаю на имперский Кабинет бдительности и верен лишь своей клятве ордену. Барон аус Барген попросил нас оказать содействие в поимке чернокнижника, но вы добрались до него раньше. На этом все. Не стоит делать из этого какие-либо далеко идущие выводы.

— Не буду, брат Стеффен, — пообещал я с каменным лицом.

Случайность! Наша сегодняшняя встреча — всего лишь случайность. Просто одна из тех шуток Провидения, что происходят по несколько раз на дню и лишены какого-либо скрытого смысла. Ну, если принять заявление собеседника на веру.

Хм... А почему бы и не принять?

— Благодарю, магистр, — улыбнулся ловчий. — Поговорим позже, пора отправляться в путь.

Мы разошлись каждый к своей карете, и Макс с тревогой спросил:
— Чего он хотел?

— Просил о беспристрастности суждений, — ответил я чистую правду и забрался на сиденье.

Тучный каноник сонно взглянул на меня и вновь погрузился в полудрему.

2

Ехали весь день. Останавливались на почтовых станциях сменить лошадей, выбирались размять ноги, выпить чего-нибудь горячего да справить нужду и вновь отправлялись в путь. Даже обедать пришлось в карете снедью, купленной в одной из деревень, что повергло каноника Йохана в безмерную печаль.

Макс какое-то время искоса поглядывал на меня, затем не выдержал и многозначительно заметил:

— Вас чем-то встревожил разговором с ловчим, Филипп?

— Скорее, удивил, — покачал я головой. — В империи черно-красные держатся несколько... скромнее.

— Дранные селетки! — выругался вон Сюдд, взглянул на открывшего глаза каноника и виновато потупился. — Приношу извинения за несдержанность, ваше преподобие. — А когда священник вновь смежил веки, порученец архиепископа понизил голос и сказал: — В Майнрихте орден — вторая сила после короля. И у нас все к тому идет.

— В Майнрихте орденское войско сдерживает на южных границах мессиан. С чего бы им наращивать силы здесь?

Макс вяло всплеснул руками.

— Найдут врага.

— Думаете?

— Да взять хотя бы племена язычников! Северная провинция не приносит большого дохода, гарнизоны отсюда перебрасывают к медным шахтам на границе с Грахценом и на западное побережье к Силлесге.

Я кивнул. Силлесге вовсе неспроста полагался жемчужиной в короне Ольгридов, это был главный порт Северного моря. Утрата его больно ударила бы и по престижу его королевского высочества, и по доходам казны.

— Герцог опасается бунта?

— Бунта? — усмехнулся Макс и покачал головой. — Не думаю. Скорее уж вторжения ордена Святой звезды. Как говорят, в ваших Северных марках началась закладка боевых кораблей.

Я лишь покачал головой. Изначально орден занимался искоренением языческих верований, бытовавших среди населения нынешних Северных марок империи, но то изначально. Отмеченные образом святой звезды братья давно превратились в крупнейших землевладельцев тех мест, а их боевая мощь позволяла диктовать свою волю даже маркграфам.

Но ввязаться в подобную авантюру? Я в этом сомневался. Впрочем, без разницы. До Рёгенмара война в любом случае не дойдет.

На ночевку остановились в Ролле — последнем городке по дороге на север. К нему мы подъехали уже в густых сумерках, но ворота, несмотря на поздний час, еще стояли распахнутыми. Впрочем, ради нас их открыли бы в любом случае, никуда не делись. Каноник и пятерка братьев ордена Герхарда-чудотворца не та компания, которой предложат ночевать под городскими стенами.

Стены Ролле, к слову, были не слишком высокими, разве что через равные промежутки стояли вышки с дозорными и стрелками. В основании укреплений лежала каменная кладка, но основную часть ограды возвели из дерева.

— До границ герцогства далеко, вторжения никто не ждет, — пояснил Макс. — А отразить случайный набег язычников хватит и этого. Полноценную осаду они в любом случае устроить не смогут, пойдут по деревням.

— И часто такое случается?

— Не слишком, — ушел от прямого ответа порученец архиепископа.

Я лишь усмехнулся. Все поселения, через которые мы проезжали после полудня, были обнесены частоколами, а вот в окрестностях столицы подобных укреплений на глаза не попадалось.

Городок был невелик, постоялый двор оказался ему под стать. Та еще дыра, ладно хоть суетливый хозяин сумел отыскать для нас три свободных комнаты и не пришлось спать вповалку в общем зале. Две комнаты заняли братья-герхардианцы, третья досталась нам.

Я не стал даже заходить в нее, кинул вещи под стол и потребовал плёга. Увы и ах, в этом захолюстье было проще достать луну с неба, чем раздобыть нормальное вино; на выбор мне предложили пиво, сидр и шнапс.

— Пиво — вот истинное свидетельство любви Вседержителя к роду людскому! — громогласно провозгласил каноник Йохан, велел тащить два кувшина пенного напитка, а лучше — сразу бочонок.

Братья-герхардианцы посмотрели на священника... недобро. Столь вольная трактовка божественного замысла понимания и поддержки у них не нашла. Стеффен попросил для себя и остальных братьев крепкой настойки, я остановил выбор на сидре, а Макс и вовсе ни пить, ни даже ужинать не стал и убежал по делам.

Пока я без особого аппетита хлебал жидковатую солянку, каноник стремительно расправился со своей порцией и смолотил добавку, а попутно влил в себя просто невозможное количество пива. Надолго задерживаться за столом он не стал и вскоре отправился на боковую. Немного погодя ушла и четверка братьев, тогда Стеффен пересел за мой стол.

— Настойки? — предложил он.

— Не стоит, — отказался я, покачав головой.

Ловчий опрокинул в себя маленькую серебряную рюмку, шумно выдохнул и с отвращением произнес:

— С такой кормежкой и расстройство желудка заработать недолго. — Он недолго посидел молча, затем неожиданно спросил: — Вы хорошо знаете вон Сьюда?

— Макса? — удивился я. — Вообще его не знаю. Он сопровождает каноника, не меня. Я в Ольсе не знаю никого. Был там проездом по пути к месту службы, попросили оказать услугу.

— К месту службы? — удивился Стеффен. — Постойте, если не изменяет память, вы собирались преподавать в университете Святого Иоганна! Вильгельм говорил об этом!

Я мысленно помянул недобрым словом болтливого следователя Кабинета бдительности и криво усмехнулся.

— Такова жизнь работника Вселенской комиссии. Сегодня обустроиваешься в одном месте, а завтра тебя отправляют за сотню миль оттуда.

— И куда, позвольте полюбопытствовать, вас отрядили теперь?

— В Рёгенмар, — ответил я, не видя смысла скрывать конечный пункт своего назначения.

На лбу ловчего залегла глубокая морщина.

— Эж вас забросило!

— Мы люди подневольные, — развел я руками. — Кто-то колесит по империи, кому-то выпадает покинуть ее пределы. Руководству видней.

Стеффен наполнил рюмку и покачал головой.

— Я не об этом, магистр. С нынешним поручением вам придется сделать изрядный крюк. Рёгенмар на западе, а наш путь лежит на север герцогства.

— Зрите в корень, брат, — вздохнул я с нескрываемым сожалением и отпил сидра.

Меньше всего мне хотелось ехать для освидетельствования уже схваченного некроманта в дикую глушь приграничья.

Ловчий посмотрел на рюмку, осторожно пригубил настойку и поморщился.

— Давно покинули империю?

— На днях, — сообщил я. — Перебрался через горы сразу, как только открылся перевал.

— В самом деле? — оживился брат Стеффен. — Прошу, поделитесь последними новостями. У нас ходят упорные слухи, что император намерен примириться с Сияющими Чертогами! И не просто примириться, но и признать догмат о верховенстве понтифика! Я отказываюсь этому верить! Решительно отказываюсь!

Лицо ловчего покраснелось, и не от выпитого, а от праведного гнева.

Я потрясенно захлопал глазами, затем коротко выдал:

— Бред! — помолчал немного и смягчил резкость своего высказывания. — Я, конечно, провел зиму в Рауфмельхайтене, но это не такая уж дыра, чтобы туда не дошли известия о чем-то подобном. Уверяю вас, светлейший государь на такое не пойдет никогда и ни при каких обстоятельствах. К тому нет никаких предпосылок!

Стеффен с облегчением, как мне показалось, выпил и сказал:

— Отраднo слышать, магистр! Отраднo слышать, что светлейший государь остается защитником истинной веры и не обратил свой взор

на восток. Но насчет отсутствия предпосылок вы все же заблуждаетесь. Они есть, и серьезные.

— В самом деле?

Ловчий кивнул.

— С прошлой осени герцог Лоранийский нанимает на службу роты вольных ландскнехтов. Как только просохнут дороги, он двинет войско на Острих. И будет в своем праве: некогда те земли принадлежали его семье. Император ничего не сможет с этим поделаться.

Я пожал плечами.

— Не стоит забывать, что Острих входит в Союз вольных портов. Они не останутся в стороне и выставят достаточно наемников, чтобы блицкриг превратился в затяжную кампанию.

— О том и речь! — поддержал меня Стеффен. — Лорания втянется в войну, а еретический гнойник Лавары толком так и не выжжен. Западная Чезия не сможет рассчитывать на помощь, если догматики решатся вернуть утраченные владения.

— Среди догматиков нет приписываемого им единства. Междоусобицы случаются там не реже, чем в империи.

— О да! На востоке короли и цари точно так же точат друг на друга зуб, но понтифик обладает достаточной властью, чтобы натравить эту бешеную свору на общего врага. Тем более — на врага, ослабленного внутренними проблемами. У императора есть резоны договариваться с Сияющими Чертогами, но я уповаю на то, что он окажется силен в вере и не поддастся на это искушение!

— Нисколько в этом не сомневаюсь, брат Стеффен, — сказал я, желая поскорее закончить не слишком приятный разговор. — Светлейший государь — пример для всех ортодоксов!

Вести крамольные беседы с человеком, который, возможно — пусть всего лишь возможно! — имеет отношение к Кабинету бдительности, все равно что совать голову в пасть дикого льва, уповая на его сытость. Чистое самоубийство.

Ловчий кивнул и поднялся из-за стола, не забыв прихватить с собой серебряную рюмку. Полупустой графин с настойкой он оставил на столе.

— Пора ложиться спать, — сказал брат Стеффен. — Завтра выезжаем на рассвете.

— Увы, мне придется дожидаться вон Сюйда. В комнате две кровати, а мы не решили, кому из нас спать на полу.

— Воспользуйтесь его отсутствием, — посоветовал герхардианец, огладил русую бородку и зашагал к лестнице. — Добрых снов, магистр!

— Добрых! — эхом отозвался я и приложился к кружке с сидром.

В голове крутилось какое-то смутное воспоминание, но, сколько ни силился, ухватить его не смог. Тогда плюнул на все и вышел на улицу, пересек двор, встал у ворот. Тут же почудился чужой взгляд, но оглянулся — никого.

Да и не важно! В любом случае гулять по вечернему городу я не собирался. На соседнем перекрестке собралась немалых размеров толпа, слышались злые выкрики, кто-то размахивал факелом. Напряжение ощущалось буквально физически. Еще не хватало под горячую руку попасть.

Проходившая мимо гуляющая девка с интересом посмотрела на меня и подбоченилась.

— Развлечемся, красавчик?

Плутовка была свежа и миловидна, но я лишь покачал головой. Уединиться с ней в комнате не было никакой возможности, а в городе меня точно попытаются обобрать до нитки. Да еще некстати вспомнилась Марта, и по спине побежал неуютный холодок.

Так что я вернулся на постоялый двор, а там почти сразу появился Макс вон Сюйд.

Общий зал к этому времени уже погрузился в темноту, хозяин оставил гореть лишь светильник у моего стола. Порученец архиепископа подошел, выставил две бутылки из темно-зеленого стекла и сказал:

— Думал, ты давно спишь, Филипп.

— Мы не обговорили, кто займет кровать, — напомнил я.

— Какие пустяки!

— Все нет. Кинем монетку?

Макс пожал плечами.

— Давай. Ставлю на герцога.

Я щелчком пальца закрутил марку, та взлетела в воздух, упала и затанцевала на столе, а потом замерла, открыв нам строгий профиль его королевского высочества.

— Мне везет, — усмехнулся Макс и от щедрот своих вручил одну из бутылок. — Прими в знак утешения.

От порученца архиепископа явственно попахивало вином, но, вопреки опасениям, склонять меня к возлиянию он не стал.

— Пора спать, — сказал вместо этого вон Сюд.

Я кивнул.

— Пора, — и поллюбопытствовал: — Что там за шум на улице?

— Горожане обсуждают новые налоги, — усмехнулся Макс. — Селедки у себя?

Селедками за свое пристрастие к блюдам из этой рыбы обыкновенно именовались уроженцы Майнрихта, и я в очередной раз отметил неприязнь собеседника к братьям ордена Герхарда-чудотворца.

— Не любишь их? — спросил я напрямую.

— Так не за что, — недобро хмыкнул человек архиепископа. — Знаешь, как они добились исключительного права преследовать в герцогстве чернокнижников?

Я поднялся из-за стола и взял бутылку.

— Просвети.

— Проехались по провинции и выловили всех ведьм. Большею частью — безобидных знахарок, о которых церковь знала, но не видела нужды хоть что-то по этому поводу предпринимать. А орден представил герцогу аресты своим невероятным достижением. Теперь во многих деревнях даже зуб заговорить некому. У нас не империя, мало кому из черни удастся пройти обучение и получить лицензию.

— Полагаю, черно-красные были в своем праве, — пожал я плечами.

— Были, — согласился Макс, — но руководствовались герхардианцы лишь буквой закона, а никак не его духом. Это неправильно.

Я кивнул и отправился спать.

3

Проснулся я под тихую ругань Макса. Каноник Йохан недобро сопел и чесался молча. За ночь моих соседей по комнате изрядно покусали клопы, а вот меня кровососущие гадины отчего-то обошли стороной.

— Какое-то защитное колдовство? — проворчал вон Сюд, собираясь.

— Чистая солома в тюфяке, — вздохнул каноник. — Чистая солома, и не более того.

Умывшись, мы наскоро позавтракали и погрузили в кареты припасы и фураж. Север герцогства не изобиловал почтовыми станциями, пришлось взять с собой полдюжины заводных лошадей.

— Дадут небеса, к вечеру прибудем на место, — сказал Макс, забрался на запятки и вытащил из сундука на крыше кареты пару легких арбалетов. Один вручил кучеру, другой оставил себе.

— Есть риск нарваться на язычников? — уточнил я.

— По-всякому может быть, — пожал плечами вон Сюд. — Но места дальше глухие, а ранняя весна — время голодное. И лихие людишки на дорогах пошаливают, и кметы на лошадок позариться могут. Для гольтьбы это целое состояние, по нынешним временам.

Наши спутники тоже вооружились, а брат-стрелок даже загодя привел к бою пистолы и закинул за спину изрядно заинтриговавший меня кожаный чехол, слишком уж короткий даже для кавалерийского мушкета, лишенного штыка.

Кареты вывернули со двора и покатили к воротам, я немного поколебался, а потом вытащил ящичек с пистолями и зарядил их. Отсутствие патента — суцая безделица по сравнению с риском оказаться безоружным при внезапном нападении разбойников, а то и того хуже — дикарей.

Единственное, чего я не стал делать, так это затыкать оружие за пояс. Слишком уж неудобно таскать шпагу, кинжал, жезл и пару пистолей. Эдакую тяжесть на себя только от большой нужды станешь навьючивать. Перевязь, как у брата-стрелка, мне бы сейчас совсем не помешала.

Я поцеловал святой символ четок и прочитал молитву за удачное окончание путешествия. Путникам удача никогда не бывает лишней.

Ехали куда медленнее, нежели передвигались вчера. Дорога оставляла желать лучшего — не успевшая толком просохнуть земля влажно чавкала, хватала и не пускала колеса. Лужа, пригорок, измочаленная телегами глина. Грязь и ухабы. И снова — грязь, грязь, грязь.

Поначалу наш путь пролегал вдоль вспаханных полей, затем со всех сторон обступил черный мрачный лес. Если прежде глаза уже радовала зелень молодой травы, то среди деревьев еще серели остатки рыхлых сугробов. Похолодало.

Изредка встречались обнесенные высокими изгородями поселения, да на холмах высились замки окрестных сеньоров, а один раз даже попался укрепленный постоялый двор, но мы неизменно проезжали мимо. Недолгие привалы делали, лишь когда наставало время менять лошадей, которые с немалым трудом тащили по разбитым колеям кареты. Частенько приходилось выходить и выталкивать застрявшие в грязи экипажи.

Погода между тем заметно улучшилась. Дождь и хмарь остались на юге, а здесь пригревало солнце и щебетали воодушевленные наступлением тепла пичуги. Но мои спутники и не думали расслабляться. Когда повстречалось рухнувшее поперек дороги дерево, мы сначала заняли круговую оборону, и лишь после этого брат Стеффен отправил своих людей проверить лес. К счастью, ствол оказался повален ветром, и никто не караулил нас в засаде.

Иногда дорога ныряла в совсем уж непреодолимые лужи, тогда приходилось съезжать на обочину или пробираться напрямик через луга. Отряду верховых удалось бы избежать множества проблем, нам же без карет было никак не обойтись: чернокнижника в седле не повезешь. Никто такой риск на себя брать не станет. И уж тем более — я.

Трижды нас останавливали для проверки подорожных армейские разъезды. Самая серьезная задержка случилась уже под вечер на заставе у переправы через широкую сонную речку. На флагштоке там лениво колыхалось синее знамя с коронованной черной рысью, а высокого тощего офицера не впечатлили ни одеяния герхардианцев, ни сутана каноника, наши бумаги он изучал с превеликим тщанием, едва не пробуя их на зуб. Но в итоге препятствий чинить не стал и велел открывать ворота.

— На тот берег патрули не отправляют, а ближайшая крепость — в четырех почтовых милях, — предупредил он и посоветовал: — Лучше дождитесь утра.

Мы его добрый совет проигнорировали.

За рекой местность и в самом деле очень сильно изменилась. Окончательно перестали попадаться деревни и хутора, а дорога с каждым перекрестком и с каждой развилкой становилась все уже и запущенней. То и дело приходилось переправляться через небольшие ручьи, местами и вовсе ехали по проложенным напрямик через топи гатям.

Встречные телеги торопились свернуть на обочину, зачастую возницы оставляли пожитки, а сами от греха подальше убегали в лес. Наша кавалькада производила на них неизгладимое впечатление. За все время не спрятался в подлеске лишь трусивший на ослике священник. Какое-то время его длинноухий скакун семенил рядом с нами, затем скрылся на свернувшей в лес тропинке, и мы вновь остались одни.

К последней развилке подъехали уже затемно. Как всякий раз и бывало на перекрестках, кареты остановились, брат Стеффен разложил карту и посоветовался с вон Сюдом о выборе дальнейшего пути. Несмотря на взаимную неприязнь, а, возможно, именно из-за нее, держались они подчеркнуто вежливо.

— Нам налево! — объявил Макс. — Через полчаса будем на месте.

Брат Стеффен кивнул и сложил карту, а потом стянул с себя черный, с красной окантовкой сюрко, свернул его и убрал в сундук. Теперь ничто не выдавало принадлежности ловчего к ордену Герхарда-чудотворца, более того — он сменил на козлах одного из братьев.

Я мысленно поаплодировал его предусмотрительности. Едва ли чернь станет откровенничать с присланным для ведения следствия монахом, а вот кучеру всякий поставит чарку, дабы вызнать последние новости о творящихся в мире событиях.

— Что это? — заинтересовался вдруг Макс повязанными на ветви старого ясеня лентами. Одни выделялись яркими красками, другие выцвели и обтрепались, словно висели здесь уже давно.

Каноник Йохан, ходивший справить в кусты нужду, остановился и задрал голову.

— Суеверия, сын мой, — сказал он. — Игры невежественных кметов.

— Игры?! — взвился брат Стеффен. — Они поклоняются духам леса! Языческая мерзость!

Но священника оказалось так легко не смутить.

— Не поклоняются, а откупаются, — заявил он. — И важно не оттолкнуть от себя людей, а помочь им распрощаться с пережитками прошлого, ибо завещал пророк не рубить с плеча, не действовать огнем и мечом, но смирять гордыню и убеждать людей словом и собственным примером.

Умение срезать оппонента одним из высказываний пророка считалось среди профессоров-теологов едва ли не главнейшим условием для победы в философском диспуте, вот только далеко не всегда верх одерживал тот, кто первым выкладывал на стол этот козырь. Брат Стеффен наверняка мог привести достойный контраргумент и все же делать этого не стал. Он лишь пожал плечами и махнул рукой.

— Выдвигаемся! — и уже вполголоса проворчал: — А потом еще удивляемся, откуда берутся ереси о происхождении пророка из прежних...

К Луксале подъехали уже ночью. Сначала ветер донес запах печного дыма, после нас учуяли псы, залаяли, захрипели на цепях. В темноте заморгали несколько тусклых огоньков, затем потянулись плетеные заборы огородов, а из мрака вынырнул силуэт укрепленного земляной насыпью частокола.

Ворота деревни оказались закрыты, никто и не подумал распахнуть их перед нами, сколько ни драл плотку сидевший на козлах брат Стеффен. Поселение словно вымерло. Его обитатели затаились, как мыши под половицами, силясь понять, что за незваных гостей принесло к ним впотьмах.

— Придется ночевать под открытым небом? — усмехнулся я.

— Странно это, — нахмурился Макс. — В деревне должны были расквартировать роту солдат. Они-то где?

Что-то хрустнуло за высоким плетнем огорода, брат-ритуалист предостерегающе вскинул руку, и сразу раздалось громогласное:

— Замерли все!

Я не замер, я провалился в транс, и мрак ночи тут же сменился теплым свечением незримой стихии. Кусты обернулись чернотой вырезанных из подложки мироздания силуэтов, тут и там среди них

загорелись ауры людей. Ангелы небесные! Вот угодили в переплет, так угодили!

От одного из наиболее ярких пятен в небо протянулась призрачная нить, и тут же над головами вспыхнуло ослепительное сияние магического огня. Вспышка выкинула меня из транса, я спешно юркнул в карету и распахнул футляр с пистолями, но пускать их в ход не пришлось. Отсветы колдовского сияния прогнали потемки, смыли серость одежд и вновь раскрасили накидки братьев в черные и красные цвета.

— Отставить! — последовала новая команда, и выбравшиеся из-за плетней на дорогу крепкие бородачи подались назад, опуская фальшионы и копья.

На разбойников они нисколько не походили, слишком уж добротным оказалось снаряжение. Все были в стеганых куртках, длинных кольчугах, кожаных шлемах и проклепанных наручах. Мечники прикрывались баклерами, копейщики прятались за их спинами, готовые пустить в ход оружие по первому слову командира. Да! Именно командира!

Из темноты в круг отбрасываемого заклинанием света вышел немолодой уже сеньор в стальной кирасе со шпагой и кинжалом на поясе. В руке он держал опущенный к земле пистоль, рыжеватые усы грозно топорщились в разные стороны.

— Кто такие? — рыкнул он простуженным голосом.

Макс вон Сюйд переглянулся с каноником, и тот ступил вперед.

— Представьтесь для начала, сын мой, — мягко попросил священник.

— Фельдфебель-лейтенант Сепп, командир сводной роты Роллеского пехотного полка пограничной стражи! — заученно выпалил сеньор, вытянул руку и потребовал: — Бумаги!

Я передал ему приказ о проведении дознания и вернулся к карете. Магического сияния вполне хватило фельдфебелю для ознакомления с документами, он будто бы даже просветлел лицом.

— Ну наконец-то! Думал, не дождемся уже! — с облегчением выдохнул командир роты и громогласно рявкнул: — Открывайте!

Послышался скрежет, створки ворот дрогнули и разошлись.

— Сейчас уже поздно, — сказал фельдфебель Сепп, возвращая бумаги, — староста определит на постой, а в курс дела я введу вас

утром.

Присутствие братьев-герхардианцев служаку нисколько не удивило. Он попросту не обратил на них никакого внимания.

— Идеальный вариант, — согласился я с предложенным порядком действий, поскольку изрядно вымотался за этот бесконечный день.

Фельдфебель махнул рукой, и колдун погасил горевший в небе сгусток пламени. Миг мы привыкали к вернувшемуся ночному мраку, а после двинулись в деревню. Добрались!

Глава 4

1

Даже несмотря на вмешательство некроманта, пережить нападение дикарей удалось не всем обитателям деревни, да еще часть жителей разъехалась по хуторам, поэтому с поиском свободного жилья особых сложностей не возникло. Нашего кучера отправили ночевать в общинный дом неподалеку от конюшни, дабы он мог приглядывать за животными, а мне, Максусу и канонику Йохану выделили отдельный сруб, состоявший из просторной комнаты с печью и спальни. Внутри оказалось холодно и сыро; пришлось изрядно помучиться, растапливая печь. Та дымила и чадила, огонь никак не желал разгораться. Справились, конечно, но времени на это потратили изрядно.

Утром мы встали усталыми и невыспавшимися, позавтракали собственными припасами и прошлись по деревне. Тут и там виднелись следы разрушений, в одном месте даже покосились врытые в землю бревна ограды, а кметы хоть и восстановили изгородь и сколотили две вышки для лучников взамен сгоревших, хоть как-то дополнительно усиливать оборону не спешили. У них хватало работы с подготовкой к посевной, да и расквартированная рота пограничной стражи дарила иллюзию защищенности от повторного нападения. Именно — иллюзию.

Фельдфебель Сепп, которому по выслуге лет давно полагалось быть капитаном, прекрасно отдавал себе отчет, что силами неполных четырех десятков бойцов защитить немаленькую деревню попросту невозможно, поэтому приказал разбить лагерь за околицей. Временную стоянку солдаты под его руководством обустроили по всем правилам фортификационного искусства, обнеся срубы частоколом и установив в центре лагеря наблюдательную вышку.

Как оказалось, в сводный отряд собрали с бору по сосенке. Дюжину егерей усилили пятеркой арбалетчиков, откомандировали к ним ротного колдуна, а еще — вот уж никогда бы не подумал! — придали отряду полевое орудие с расчетом.

Услышав об этом утром, я удивленно присвистнул, и временно произведенный в лейтенанты фельдфебель Сепп рассмеялся, топорща

рыжеватые усы.

— Дикари ужас как боятся грохота пушек. Достаточно одного выстрела, чтобы они пустились наутек.

Я кивнул.

— Полагаю, защищаете вы не столько деревню, сколько орудие.

Фельдфебель Сепп смерил меня недобрый взглядом светлых глаз и ничего не ответил. Стало ясно, что я ненароком наступил на большую мозоль.

Подозреваю, фельдфебель отбивался от усиления роты полевой артиллерией руками и ногами, и немудрено: за сожженную деревню его, разумеется, по голове не поглядят, но потерянная пушка приведет прямиком на эшафот. Едва ли в этом случае стоит рассчитывать на хоть какое-то снисхождение трибунала.

Некроманта содержали под стражей в военном лагере, но я с допросом спешить не стал и для начала забрался на одну из сторожевых вышек, откуда открывался прекрасный вид на всю деревню. Дворов в Луксале оказалось за сотню, в самом центре поселения над крышами возвышался шпиль церкви, а ближе к околице из трубы кузницы валили густые клубы дыма. Сильнее всего, от нападения пострадал западный край поселения; там чернели частые пятна пожарищ. Деревню окружали огороды, немного дальше виднелось темное пятно распаханного поля.

Кметы ходили по улицам с топорами и длинными ножами, а за околицу и вовсе выбирались с охотничьими луками и короткими копьями. Отряд дежуривших у ворот ополченцев был облачен в доспехи из вываренной и проклепанной кожи. Выпядели бородачи грозно, но серьезную силу не представляли из-за малочисленности.

— Много дворов, — заметил я, оглядываясь по сторонам.

Фельдфебель кивнул.

— Много, но с наступлением тепла все разъезжаются по хуторам.

— Не боятся?

Сепп покрутил рыжеватый ус и покачал головой.

— Привыкли. Обжитые земли заканчиваются за Илсой, а здесь каждый получает столько земли, сколько сможет обработать, и освобождение от налогов на четверть века. Лучшая жизнь. Те, кто едет сюда за лучшей жизнью, готовы за это платить. — В голосе

фельдфебеля прозвучала нескрываемая горечь. — Никого не пугают немалые шансы лишиться головы, пока не становится слишком поздно.

Я с интересом взглянул на него, но Сепп уже отвернулся и начал спускаться по лестнице. Пришлось отправиться следом.

— Проводить вас к арестованному, магистр? — официальным тоном спросил меня фельдфебель внизу.

— Нет, сначала поговорю со старостой, — отказался я. — И мне надо будет взглянуть на тела погибших. Тех, кого поднял некромант, и тех, кого они убили.

Сепп не сумел сохранить невозмутимость и нахмурился.

— Тела погребены! — напомнил он.

— Знаю, фельдфебель, — кивнул я. — Знаю. Но это действительно необходимо.

— Зачем?

Я вздохнул.

— Живые врут и заблуждаются. Мертвые — нет. Я должен точно установить, что именно здесь произошло, и не могу полагаться на одни лишь слова.

Служака вскинул подбородок и отрезал:

— Мои люди не станут разорять могилы! Это неприемлемо!

— Даже если речь идет о захоронении дикарей?

Фельдфебель скривился и повторил, чеканя слова:

— Никакого разорения могил не будет! Я этого не допущу!

— И почему же?

— Мне не нужен бунт! А местные точно взбунтуются, если кто-нибудь возьмется перерывать погост!

— Как скажете, фельдфебель, — вздохнул я, решив до поры до времени не обострять ситуацию, и попросил: — Проводите меня к старосте.

Староста отыскался в церкви. Каноник Йохан взялся провести службу, и послушать проповедь столичного священника собрались почти все обитатели деревеньки. Фельдфебель Сепп не стал дожидаться окончания богослужения и без лишних церемоний вывел старосту на улицу. Мы уселись на врытую неподалеку скамейку, и я поплотнее запахнул плащ. На улице было свежо.

Деревенский голова худо-бедно говорил на североимперском, но ничего полезного поведать не смог. По его словам, задержанный Ивар Фальк колесил по северным землям с телегой, нагруженной всяческим барахлом, что-то покупал, что-то продавал, тем и зарабатывал на кусок хлеба. О своей жизни не распространялся, ни с кем близко не сходил. В Луксале некромант останавливался на зимовку уже третий год подряд, но раньше за ним никаких странностей не замечали. Был он спокоен и приветлив, хоть обычно и молчалив, сам в друзья ни к кому не набивался и ни с кем близко не сходил.

Ничего удивительного в заверениях старосты не было: мало что исчезает столь же стремительно, как друзья у обвиненного в чернокнижии. Если кто и приятельствовал с Фальком, мне об этом теперь не расскажут даже под угрозой повешения. Чужак. Во всем виноват чужак. А местные его и знать не знают.

— Покажите дом, где он жил, — потребовал я.

Фельдфебель Сепп взглянул на солнце и предупредил:

— Когда надумаете допросить задержанного, скажите об этом моему человеку на воротах. А сейчас позвольте откланяться!

Рыжеусый служака ушел, а староста кликнул пробежавшего мимо пацана и велел отвести меня к дому, в котором остановился на зиму некромант. Там во дворе хибары с покосившимся забором уже вертелся Макс.

— Товары нашего купца местные растащили, — сообщил он мне, — но ничего запретного в доме, по словам старосты, не находили. Клянется в этом на Священном Писании, и не думаю, что врет.

— Записи? Какие-нибудь книги? — уточнил я.

— Ничего не было.

Я разочарованно выругался и зашел в дом, предусмотрительно склонив голову, дабы не зацепить макушкой низкую притолоку.

— Уже искал тайники? — крикнул я Макс.

— Да! — отозвался тот со двора. — И братья тоже успели пошарить внутри.

— Ясно.

Я встал посреди единственной комнаты и закрыл глаза, медленно и без всякой спешки погрузил себя в транс, потянулся к незримой стихии, объял реальность и взглянул на ее истинное обличье. Мир

изменился, краски и цвета смешались, пронзающий все сущее небесный эфир засиял мягким янтарным свечением. Я погрузился куда глубже, нежели при обычном использовании истинного зрения, ведь сейчас оно было не в силах мне помочь. Простое лицезрение незримой стихии не откроет тайников, но если зайти чуть дальше, то мерцание эфира может показать, где укрыты вещи, которых некогда касалась сила.

Никто — ну или почти никто! — не зачаровывает рабочие записи, но к ним обращаются всякий раз, когда творится волшба, и листы невольно пропитываются эманациями магии. Внимательный наблюдатель вполне может отыскать их по искажениям эфирного поля.

Незримая стихия в доме была однородной, ничто не свидетельствовало о проведении здесь колдовских ритуалов, лишь в одном месте мне почудилось легкое марево. Голова пошла кругом, я вывалился из транса и едва не упал, пришлось даже опереться о стол, чтобы устоять на ногах.

— Макс! — позвал я. — Макс, иди сюда!

— Что-то нашел, Филипп? — заглянул в дом порученец архиепископа.

— Вторая половица от окна, — подсказал я. — Проверь, что под ней.

Макс не стал спрашивать, по какой причине я не могу сделать этого сам, молча опустился на колени и подцепил острием кинжала неплотно пригнанную к соседним доску.

— Пусто, — произнес он миг спустя с нескрываемым разочарованием.

Я отлип от стола и заглянул ему через плечо. Тайник и в самом деле оказался пуст. Меня привлекли отголоски силы некогда хранившегося там предмета, но самого предмета уже и след простыл. Неужто опередили братья-герхардианцы? Или колдун перепрятал содержимое тайника?

— Святые небеса! — проворчал я и махнул рукой. — Ладно, не важно.

— Как ты нашел тайник? — любопытствовал Макс, поднимаясь с пола.

— Опыт, — ответил я, не желая раскрывать всех своих секретов. — Как думаешь, каноник Йохан сможет убедить кметов раскопать захоронение дикарей, убитых при нападении на деревню?

— Ради всего святого — зачем?! — опешил человек архиепископа.

Я только вздохнул. Для простецов все некроманты суть порождение тьмы и слуги запределья, но даже церковные трибуналы учитывают при вынесении приговора еще и методы поднятия мертвецов, а не только сам факт осуществления запретной волшбы.

Заклинатель мог уподобиться кукольнику и управлять телом покойника силой собственного разума, а мог поработить не успевшую покинуть наш мир душу, вернуть ее в мертвую плоть и тем самым нарушить волю и законы Вседержителя. В первом случае строгость наказания в значительной степени зависела от целей и мотивов. Во втором отступника ждали камень на шею и проточная вода.

Установить, каким именно образом действовал Ивар Фальк, помогли бы его рабочие записи, но их не нашли, а сам он точно не станет свидетельствовать против себя. Оставался лишь один путь установить истину: осмотреть останки людей, убитых восставшими мертвецами. Обратное водворение души в тело приводило к безумию, покойники превращались в диких зверей и не пользовались оружием, а просто рвали противника на куски.

— Зачем нужно выкапывать мертвецов? — повторил Макс свой вопрос.

— Поверь, это необходимо, — сказал я, не став вдаваться в подробности.

Макс покачал головой.

— Каноник не станет этого делать. Никто не станет тревожить прах мертвых.

— Кроме нас, — поморщился я. — Ладно! Найди заступ, придется самим заняться разорением могил.

Макс уставился на меня распахнутыми от изумления глазами.

— Страсти небесные! — охнул он. — Это действительно необходимо?

— Во все нет, — раздалось вдруг от окна.

Мы обернулись и уставились на хмурую физиономию брата Стеффена. Как ловчий ордена Герхарда-чудотворца умудрился пересечь двор незаметно для нас, оставалось только догадываться.

Я прищурился.

— Полагаю, ваше замечание обусловлено не только морально-этическими и теологическими соображениями, брат Стеффен?

Ловчий кивнул.

— Тела погибших в ту же ночь эти суеверные... — он проплотил едва не сорвавшееся с губ ругательство, — бестолочи расчленили и сожгли, захоронив лишь кости и прах. Осмотр останков вам ничего, магистр, не даст.

Я едва не застонал от досады.

— Но из показаний кметов следует, что восставшие из мертвых были чрезвычайно быстрыми, движениями мало походили на людей и рвали врагов на части, — добавил брат Стеффен.

— Было бы странно, утверждай они нечто иное, — скривился я. — Ночь. Пожарища. Нападения дикарей. Восставшие из мертвых. Удивительно, что их не описывают демонами во плоти. Понимаете, к чему я клоню?

— Обоснованные сомнения, — скрипучим голосом произнес ловчий. — Ваши коллеги-чистоплюи будут трактовать их в пользу обвиняемого.

— Что еще говорят в деревне? — спросил я, выходя на улицу.

— Этой осенью некромант привез с собой племянника.

— Его задержали? Брат Стеффен, скажите, что его задержали!

Ловчий развел руками.

— Руне Фальку одиннадцать лет от роду, и он в некоторой степени... блаженный. От рождения был слегка придурковатым, а в ночь нападения окончательно повредился умом. Даже разговаривать перестал. Едва ли окажется полезен для вас.

— Видели его?

— И даже пытался расспросить. С тем же успехом можно общаться с деревом.

Я не сдержался и выругался.

— Говорят, некромант, — продолжил ловчий, упорно отказываясь называть задержанного по имени, — имел обыкновение шляться по округе, иногда пропадал на целый день. Мы собираемся поискать, куда он ходил. Не желаете составить нам компанию?

Я обернулся и с сомнением посмотрел на дом. Незримую стихию здесь не исказили следы каких-либо оккультных ритуалов; некромант

практиковался где-то в другом месте. Не мог не практиковаться: без должной подготовки две дюжины мертвецов не поднять. Найдем тайное убежище — получим ответы на многие вопросы, если не на все.

— Он и в деревне как-то должен был свой талант задействовать, — проворчал я.

— И задействовал, — кивнул ловчий. — По этой улице через три дома будет перекресток, там кметы на следующий день после нападения увидели на земле какую-то схему. От греха подальше засыпали ее золой и солью, а после перекопали. Потом еще священник ритуал очищения провел.

— Идиоты! — простонал я. — О небеса! Какие же они идиоты!

— В любом случае связать то место с некромантом невозможно, — пожал герхардианец мощными плечами. — Так что, магистр, идете на вылазку?

— С вами приехал колдун? — спросил я, не желая терять целый день на блуждания по лесу.

— Брат Даан — опытный ритуалист, — подтвердил Стеффен.

— Тогда пусть он отслеживает следы недавнего чародейства, а мне надо поговорить с Фальком, иначе застрянем здесь надолго.

— Как пожелаете.

— Возьмете меня с собой, брат Стеффен? — вызвался вдруг Макс прогуляться за околицу.

Впрочем, почему вдруг? Вон Сюд никогда и не скрывал, что отправился в поездку из одного лишь желания присмотреть за черно-красными.

Ловчий с интересом взглянул на порученца архиепископа, затем кивнул.

— Встречаемся через четверть часа у ворот, — сказал он и вышел со двора.

Макс ловко выбрался из дома через окно, и я усмехнулся.

— Охота только по лесу бродить?

Вон Сюд рассмеялся и пригладил черные усы.

— Лучше, чем разорять могилы.

И с этим было не поспорить. Действительно, лучше. Если только не поймаешь при этом случайную стрелу.

На встречу с некромантом я отправился во всеоружии, прихватив с собой дорожный саквояж. Никаких клещей, зубил и тисков у меня там не хранилось, для проведения допроса требовалась лишь неброская потертая книжица, с легкой руки какого-то школяра повсеместно именуемая решебником.

В мои задачи не входило выбивать из подследственных ответы; Ивара Фалька я намеревался... *решить*. Если не его самого, так загаданную им шараду.

А поскольку заранее нельзя было сказать, сколько времени займет наша беседа, помимо решебника взял и саквояж. Местные кметы, как уже успел убедиться, отличались изрядной хозяйственностью; не стоило лишний раз вводить их во искушение оставленными без присмотра вещами.

Осмотр перекрестка, на котором якобы проводился неизвестный ритуал, не дал решительно ничего: земля там была перекопана, а изучение незримой стихии оставило после себя одну лишь головную боль. К тому времени, когда я освободился, братья-герхардианцы и Макс в сопровождении полудюжины егерей уже отправились прочесывать лес. Меня же взялся отвести в лагерь один из дежуривших на воротах солдат. Мы вышли за ограду и зашагали по раскисшей тропинке.

Пространство за околицей расчистили от деревьев, на отвоеванных у леса участках разбили огороды. Вишневые кусты и плетни позволили вчера людям Сеппа незамеченными подобраться к нашим каретам, а вот у лагеря чернела вытоптанная земля. Уж не знаю, сколько раз на дню солдаты бегали вокруг частокола, но там не росло ни травинки.

Караульный на вышке заметил нас и загодя кликнул фельдфебеля; тот велел запустить меня через калитку, а провожатого отослал обратно в деревню.

— Пришли поговорить с задержанным? — не слишком-то приветливо спросил рыжеусый Сепп.

Я кивнул и с интересом огляделся. Из реквизированных у кметов бревен солдаты сложили четыре сруба: две длинных казармы и пару непонятных строений с глухими стенами, одно побольше, другое поменьше. Тут же склотили конюшню, и внутренний двор оказался огорожен со всех сторон, а у проходов между строениями лежали

сбитые из прочных досок щиты. В самом центре лагеря возвышалась дозорная вышка, на которой могли разместиться лучники.

Точнее, арбалетчики. Помимо бородатых егерей с фальшионами и копьями, на карауле стояла пара стрелков в бригадинах и кованых нагрудниках с приплюснутыми саладами на головах.

— Магистр вон Черен? — одернул меня фельдфебель, подпустив в голос нетерпения.

— Да-да. Идемте, сеньор лейтенант.

Некоторое повышение в звании не произвело на служаку никакого впечатления, он фыркнул и зашагал к срубам. Навстречу с пустым ведром выбежал малец лет двенадцати, белобрысый и с улыбкой до ушей. Сепп потрепал его по голову и вручил яблоко. Мальчишка вприпрыжку помчался дальше.

— Руне Фальк? — уточнил я.

Фельдфебель обернулся и смерил меня тяжелым взглядом.

— Его тоже собираетесь допрашивать?

— Мне сказали, он... немного не в себе.

Сепп помрачнел.

— Так и есть. Не подумайте, он не деревенский дурачок, смышленный. Просто не говорит. Та ночь на него плохо повлияла. Расспросы могут все... усугубить.

— Я пришел допросить не его, а Фалька-старшего, — уверил я собеседника.

— Хорошо.

Через проход, оставленный между казармами, мы попали во внутренний двор лагеря, и я потянул носом, принюхиваясь к аромату готовившегося на открытом очаге варева. Вокруг расположился десяток парней без доспехов и оружия — первые праздные солдаты, замеченные мной в лагере. На командира роты ни один из них не взглянул, продолжив починять одежду, играть в карты либо вырезать из чурбаков деревянные ложки.

Я присмотрелся повнимательней и решил, что это расчет приданного отряду орудия. В империи артиллеристы и в грош не ставили пехоту; не думаю, что у здешней пограничной стражи дела обстоят принципиально иначе.

У конюшни стоял орудейный передок, но саму пушку, как видно, укрыли в одном из срубов с глухими стенами. Так понимаю — в

большем из них, а в меньшем обустроили узилище некроманта.

И точно — командир роты направился напрямик туда. Строение оказалось разделено на две части; снаружи в закутке на табурете сидел караульный. При нашем появлении он без особой спешки поднялся на ноги и вопросительно взглянул на фельдфебеля.

— Найди Тедера, — распорядился командир и пояснил для меня: — Придется подождать ротного колдуна. Допрос должен проходить в его присутствии.

Я не возражал. Так и так кому-то придется вести протокол. Самому мне заниматься писаниной было не с руки.

Магистр Тедер — худой как щепка, словно бы даже высохший изнутри колдун лет сорока на вид явился, не прошло и пяти минут. Тогда караульный отпер дверь и запустил нас внутрь. Я немного замешкался в ожидании неизменного смрада нечистот, но пахло внутри разве что немытым телом.

И это было удивительно, ведь Ивар Фальк позаботиться о себе никак не мог. Он сидел на сколоченной из толстых досок шконке с разведенными в разные стороны руками. Те были прикованы к стене короткими цепями, а кисти некроманта для верности замотали грубой просмоленной тканью. Едва ли Ивар обладал способностями истинных магов, но даже если и так, пальцами заклинание ему было теперь никак не сплести.

Окон в комнатке не имелось, внутри сгустился полумрак. Когда караульный запалил факел, я заметил на шконке два дополнительных кольца. Очевидно, на ночь некроманта укладывали на нее спать. Подушки не было, но в изголовье лежало одеяло. Морозить одетого в одну лишь груботканую хламиду арестанта никто не собирался. Удивительное человеколюбие. Просто поразительное.

Глаза Фалька закрывал жгут скрученной в несколько раз материи; видеть он нас не мог, но услышал, шумно потянул носом воздух и спросил:

— Кто здесь?

Я ничего не ответил, продолжая внимательно изучать обстановку. Меньше всего мне хотелось подвергнуться неожиданному нападению, если ротный маг вдруг напортачил и не обеспечил надлежащего содержания чернокнижника.

Но нет — на первый взгляд все разумной меры предосторожности были им предприняты, причинить вреда своим тюремщикам некромант не мог.

Я немного расслабился и обратил свое внимание на Ивара Фалька. Худощавый и сухопарый, с дряблой кожей и клочковатой бородой, отросшей за время заточения, он не производил впечатления опасного человека. Но расслабляться не стоило, ибо никогда нельзя сказать наперед, какие силы за пределами отступники способны призвать себе на помощь.

— Кто здесь?! — повторил Ивар Фальк, на этот раз — с нескрываемой обеспокоенностью, и фельдфебель Сепп прочистил горло, явно раздосадованный моим затянувшимся молчанием.

— Вон Черен, магистр-надзирающий Вселенской комиссии по этике, — представился я. — Показал бы документы, но, увы, человеку в твоём положении придется поверить мне на слово.

Усмешка не укрылась от некроманта, он зло оскалился.

— В моем положении? Да я содержусь здесь будто животное, даже задницу сам себе подтереть не могу!

Цепи лязгнули весьма красноречиво, но меня жест арестанта нисколько не тронул. Как не произвели впечатления и его слова.

— Не нравятся кандалы? — хмыкнул я. — Подумай лучше о том, что в иных странах таким, как ты, для начала отсекают руки.

— За что? — вновь оскалился Ивар Фальк. — Что я такого сделал? В чем мои прегрешения? Да я всех спас!

Такую возможность я упустить никак не мог и спросил:

— Могу я расценивать эти слова как признание в поднятии неким сверхъестественным образом мертвых тел, что попадает под определение некромантии?

Но чернокнижник упрощать работу мне отнюдь не собирался. Он облизнул бледные губы и предложил:

— Давайте придерживаться протокола.

Я тяжело вздохнул и попросил фельдфебеля:

— Нужен будет стол для ведения записей.

Вместо стола солдаты притащили что-то вроде малярных козел, табурет забрали у караульного. Я достал из саквояжа стопку писчей бумаги, дорожную чернильницу и перо, затем обратился к ротному колдуну:

— Вам придется ассистировать мне, магистр.

Худой ритуалист отнекиваться не стал и взял на себя роль секретаря. Ну а я приступил к допросу:

— Прежде всего, хочу сразу заявить, что в мои полномочия входит лишь подтверждение или опровержение заявлений задержанного о его принадлежности к ученому сословию, а также сбор любых сведений, проливающих свет на события ночи...

Я вопросительно взглянул на Сеппа, тот верно истолковал мою заминку и подсказал:

— ...с двадцать второго на двадцать третье число третьего месяца сего года...

— ...произошедших в поселении Луксала, — закончил я фразу и добавил: — При этом я не вправе выносить вердиктов и суждений о виновности или невиновности задержанного, равно как и представлять трибуналу свою трактовку событий. Факты. Я должен собрать факты.

Некромант насмешливо фыркнул.

— Вот вам неоспоримый факт, магистр, — выдал он с явственным самодовольством. — Я, Ивар Фальк, уроженец города Свальгрольм, проходил обучение в университете Тольма с семьсот шестидесятого по семьсот шестьдесят третий год, а по завершении одного получил разрешение практиковаться в тайном искусстве самостоятельно.

— Могу я взглянуть на документы?

— Поищите в доме. Они лежали в сундуке.

— Их там нет.

— Значит, их украли!

Я кивнул.

«Обоснованные сомнения», — вот что вновь пришло мне на ум.

Университет Тольма несколько лет назад оказался в центре кровопролитного конфликта, часть его архивов была разграблена, часть предана огню. Даже если там не отыщут никаких сведений о Иваре Фальке, адвокат всегда сумеет объяснить их отсутствие нападением ландскнехтов. Умно. Чрезвычайно умно. Но недостаточно, чтобы праздновать победу.

И я открыл решебник.

— Кто был деканом факультета тайных искусств в момент вашего обучения? Как школяры называли между собой здание, где

располагался ректорат? Сколько башен у кафедрального собора? Памятник какому святому стоит на площади перед университетом? Какая река протекает по городу? Сколько этажей в университетской библиотеке? Какой мост придется пересечь, если идти к ней от магистрата?

И так далее, и тому подобное. Список вопросов в конце каждого из разделов был весьма обширен, верно ответить на большинство из них мог лишь тот, кто действительно обучался в заявленном университете или, по крайней мере, озаботился досконально проработать свою легенду и разузнать необходимые сведения.

Вот только, как ни прискорбно было это признавать, содержимое решебника не являлось тайной за семью печатями. Хотя наказание за утерю книги отмерялось предельно строгое, но случалось и такое, да и о нечистых на руку магистрах слышать тоже доводилось неоднократно. Исключительно на решебник полагаться было слишком опрометчиво, и я задал несколько вопросов от себя, благо прожил в Тольме пару месяцев и успел разузнать за это время о тамошнем университете немало интересных подробностей.

И вот эти-то вопросы и привели Фалька в изрядное замешательство. Если прежде он отвечал уверенно и без заминок, то тут явственно «поплыл».

— Столько лет прошло! — возмутился он под конец. — Откуда мне знать, в каком из кабаков на главной площади лучшее пиво?! Денег едва хватило на плату профессорам, я перебивался с хлеба на воду!

— Какую пятку святого Рейна терли школяры на удачу, не помнишь тоже?

— Никогда не интересовали эти суеверия!

Обоснованные сомнения? О да! Но у меня возникли серьезные подозрения, что арестант не тот, за кого себя выдает, хотя на североимперском он говорил весьма чисто и производил впечатление образованного человека. При этом явно был осведомлен о методах работы Вселенской комиссии и невесть с чего забился в плушь Сваами, выдавая себя за бродячего торговца.

Находится в розыске по какому-то другому делу? Мысль эта абсурдной мне отнюдь не показалась.

— Ладно, — вздохнул я в конце допроса, — где твои рабочие записи?

— Розничная торговля не требует гроссбуха, — с елейной улыбочкой уверил меня Ивар Фальк.

— А тайное искусство?

— Я давно забросил его! Сразу после окончания университета я получил наследство и занялся торговлей. Проклятье! Да просто взгляните на мое эфирное тело!

Слова Ивара меня несколько не убедили, и я с нескрываемым сарказмом поинтересовался:

— Не хочешь же ты сказать, что поднял мертвых без всякой подготовки?

Чернокнижник фыркнул.

— Я не поднимал мертвецов!

— Не далее часа назад ты заявил, цитирую дословно, «я всех спас». Как ты объяснишь свои слова?

— Ах это! — ничуть не смутился Ивар. — Я просто помолился Вседержителю. Помолился, только и всего!

— Не пишите это! — резко бросил я ротному колдуну и обратился к чернокнижнику, не трудясь скрыть звучащей в словах угрозы: — Ты настаиваешь на своем ответе?

Ивар Фальк облизнул бледные губы и быстро произнес:

— Нет! Я не знаю, что подняло мертвых! Когда они восстали, я запаниковал, попытался их упокоить, но, поскольку давно не практиковал, сразу выбился из сил и потерял сознание. Это и стало поводом для обвинений в некромантии! Я невиновен!

— Как уже говорил, твоя виновность или невиновность — не моя забота, — отрезал я, дождался, когда магистр Тедер запишет показания арестанта, и попросил всех выйти.

Фельдфебель Сепп уперся рогом, пришлось снизоиди до объяснений.

— Мне нужно оценить состояние эфирного тела подозреваемого! — заявил я. — Посторонние будут мешать. Это вам ясно?

Командир роты посмотрел на магистра Тедера, и тот кивнул, подтверждая мои слова. Служаке пришлось уступить.

— Мы будем за дверью, — предупредил он напоследок.

— Да пожалуйста, — проворчал я, переставил табурет в центр комнаты и уселся на него, затем скрестил на груди руки.

Дыхание успокоилось, пальцы стали размеренно перебирать янтарные бусины четок, сознание начало медленно проваливаться в транс, и Фальк хихикнул.

— Хотите убедиться в моих словах? — облизнул он губы. — Смотрите, мне скрывать нечего!

Я шумно выдохнул и погрузился в незримую стихию, будто нырнул в полынью. Полумрак побледнел, пламя факела сделалось бесцветным, очертания арестанта на миг расплылись, он превратился в вырезанный из теней и полутонов силуэт, но тут же обрел былой объем. Объем, но не материальность. Миг я висел на самой грани реального и нереального, потом скользнул чуть глубже, и стены растворились, сознание покинуло тело и закружилось вокруг Ивара Фалька. Его эфирное тело зависло в пустоте полупрозрачным пятном, неярким, если не сказать — тусклым. Обычным и, возможно даже, истощенным.

Он мало чем отличался от простеца, лишь едва заметные уплотнения давным-давно деградировавших энергетических узлов свидетельствовали о былом увлечении тайными искусствами. Практикующий колдун — не важно, истинный или ритуалист, — не мог обладать подобной аурой. Фальк надорвался бы, пытаясь поднять одного-единственного мертвеца, не говоря уже о двух дюжинах.

Теоретически некромант мог использовать некий артефакт либо черпать силы напрямую из запределья. Это объясняло некоторую истощенность эфирного тела, но доказательства... Какие у меня доказательства?

Мотнув головой, я вырвал себя из транса и поднялся на ноги.

— Убедились? — заулыбался Ивар Фальк.

— Запустил ты себя, — поморщился я и принялся собирать вещи в саквояж.

Арестант хрипло закашлялся, затем спросил:

— Когда уже заберете меня из этой дыры?

— Всему свое время, — неопределенно ответил я и вышел на улицу. Воздух там показался на удивление свежим. Пожалуй, именно так и пахнет свобода...

Глава 5

1

Увы, спокойно поразмыслить и проанализировать полученные ответы не получилось. Фельдфебель Сепп выскочил из сруба вслед за мной и с ходу потребовал объяснений:

— Магистр, почему из протокола были исключены слова о молитве? Разве это не свидетельство набожности...

— Набожность не поднимает мертвецов, лейтенант! — резко бросил я. — Если в ответ на молитву встают мертвые — это истинное чудо. А оценка всякого заявления о чуде находится в компетенции матери нашей — церкви. Вселенской комиссии пришлось бы умыть руки.

Лично сам я с превеликим удовольствием сплавил бы Фалька столичным каноникам, но, боюсь, после такого фортеля о хорошем отношении его высокопреосвященства придется позабыть навсегда.

Сепп усмехнулся в рыжие усы и спросил:

— Так Фальк и в самом деле учился в университете?

— Не все сразу, лейтенант. Не все сразу.

Пусть истинная телепатия с проникновением в мысли собеседника и встречалась чрезвычайно редко, но хватало и прохиндеев, которые без всякой магии читали собеседника как открытую книгу. Мои умудренные жизнью коллеги никогда заранее не смотрели ответы на вопросы решебника и занимались их сверкой с показаниями задержанных уже после окончания допроса. Я полагал такой подход вполне разумным и следовал ему с первых дней службы.

— И сколько времени понадобится на окончательный ответ? — и не подумал отстать от меня Сепп.

Стремление фельдфебеля избавиться от арестанта было вполне объяснимым, но я лишь покачал головой, отошел к сложенному из камней очагу посреди двора и, потеснив артиллеристов, уселся на краешек одного из уложенных там бревен. Прежде чем говорить о каких-либо перспективах, следовало ознакомиться с результатами допроса.

Я зашелестел страницами решебника, а стоявший в дверях сруба ротный колдун позвал лопавшего кашу племянника некроманта:

— Руне! Ты нужен дяде!

Мальчишка отставил начисто выскобленную миску, схватил ведро и побежал к срубам. Магистр Тедер украдкой сунул ему леденец и посторонился, запуская внутрь.

— За Фальком ухаживает его племянник? — удивился я.

— Они не остаются наедине. Всегда присматривает кто-то из моих людей, — пожал плечами фельдфебель Сепп и отошел, но уходить со двора не стал и принялся вышагивать туда-сюда, прожигая гневными взглядами артиллеристов. Те не обращали на командира роты никакого внимания и продолжали заниматься своими делами.

Я вздохнул и приступил к сверке ответов. Как и полагал изначально, ошибок Ивар Фальк почти не допустил, да и те вполне можно было списать на счет банальной забывчивости. И все же меня не оставляло ощущение, что некромант водит нас за нос.

— Ну? — любопытно спросил фельдфебель Сепп некоторое время спустя.

— Будем считать, — вздохнул я, — что Фальк говорит о своем обучении правду.

— О! — улыбнулся командир роты. — И когда заберете его?

— Завтра... послезавтра... Еще нужно опросить кметов касательно произошедшего той ночью.

Фельдфебель кивнул и поскреб щеку.

— Одна просьба к вам, магистр. Не тяните с отъездом. Со дня на день придет сборщик податей, мне понадобятся все свободные люди.

— У мытаря нет своей охраны?

— Есть, как не быть! Но они не знают здешних мест. — Сепп скривился и добавил: — А начнут бузить местные, даже с моей ротой успокоить их будет непросто.

— Мне говорили, северным поселениям дали послабления по налогам.

— Они не платят за землю, не вносят подушный и подворный налоги, — подтвердил фельдфебель, — но леса принадлежат герцогу. Местные бьют в них лису и соболя, продают пушнину в Ролле. Часть дохода идет в казну.

— Звучит справедливо.

— Только вот расплачиваются за пушнину медью, а сборы подлежат уплате серебром!

— О-о-о! — протянул я, вспомнив всученные менялой квадратные фердинги.

Фельдфебель Сепп отошел, а я убрал бумаги в саквояж и потянул носом воздух. От аромата стряпни в животе заурчало.

— Любезный! — обратился я к кашевару. — А не найдется лишней порции?

Тот присвистнул от удивления.

— Нешто солдатской кормежкой не побрезгуете?

Я рассмеялся.

— Школяры, брат, в еде непривередливы, а когда в Лаваре еретики наш обоз перехватили, мы и вовсе седмицу всей батареей змей ловили и без масла жарили.

— Так вы, никак, из наших? — спросил кашевар, передавая миску и кружку травяного настоя.

— Доводилось пострелять, да.

Тут уж на меня с любопытством уставились все без исключения. Я принялся уплетать за обе щеки кашу, а попутно рассказал пару историй из своего недолгого армейского житья-бытья. Смешных, не страшных. Как бомбы рвут на части людей, эти парни знали и без меня.

Когда вернул пустую миску и уже собрался уходить, послышался громогласный рык фельдфебеля.

— Вице-фейерверкер Пиир! — возмущенно провозгласил он. — Вы опять пьяны?!

Долговязый сутулый артиллерист в мундире с нашивками командира орудия и табельным стилетом на поясе выпятил впалую грудь и потребовал:

— Фейерверкер, с вашего позволения!

Унтер-офицеры принялись жечь друг друга злобными взглядами, и фельдфебель повторил свой вопрос уже не столь напористо и громко:

— Фейерверкер Пиир, вы пьяны?

Командир орудия тоже понизил голос, его слов я не расслышал вовсе.

— Фейерверкер устав знает туго, — усмехнулся один из артиллеристов. — Его на хромой кобыле не объедешь!

И точно — очень быстро разговор завершился, и фельдфебель Сепп, раздраженно топорща рыжие усы, ушел муштровать безропотно сносивших придирки егерей и арбалетчиков. А фейерверкер подошел познакомиться.

Был он на полголовы выше меня и старше лет на пятнадцать, узкоплечий и худой, но жилистый. И определенно слегка подвыпивший, от него явственно пахло свежим перегаром, а мундир пребывал в беспорядке.

— Обер-фейерверкер в отставке? — присвистнул он. — Молодой да ранний, да?

Я покачал головой.

— Временно произвели в чин из-за убыли вышестоящих офицеров.

— Война! — с некоторой даже завистью протянул Пиир и взлохматил спутанные светлые волосы. — Война — дело такое... — Он обвел рукой сидевших на бревнах солдат и спросил: — А о моих орлах что можете сказать?

— В деле их не видел, что тут скажешь, — пожал я плечами. — Могу предположить, что в расчете — дюжина человек. Два бомбардира, два канонира и восемь гандлангеров. Из последних четверо при орудии, еще по двое при передке и зарядном ящике.

Фейерверкер неопределенно покрутил в воздухе ладонью с растопыренными пальцами, почесал шею с крупным кадыком и вдруг предложил:

— А не желаете взглянуть на мою малышку?

— С превеликим удовольствием! — согласился я.

Мы отошли к срубам, у широких двустворчатых дверей которого дежурил артиллерист в кирасе и открытом стальном шлеме. Помимо палаша на его боку висела сумка с ручными бомбами.

Пиир отпер массивный висячий замок, с натугой потянул сразу за обе ручки и, распахнув двери, запустил меня внутрь.

— Вот! — с гордостью объявил он, проходя мимо пирамиды с тремя мушкетами. — Моя красotka!

Установленная на двухколесный лафет пушка достигала в длину роста человека с вытянутой над головой рукой. На потемневшей меди серебрилась ажурная вязь магических формул, призванных гасить заклинания вражеских колдунов, а запальное отверстие было окружено сложной системой выгравированных на металле звезд.

Работа была проделана кропотливая и, на мой взгляд, лишенная очевидных слабых мест. Ни воспрепятствовать подрыву порохового заряда, ни запалить его раньше времени не представлялось никакой возможности.

С некоторой натяжкой к недочетам стоило отнести лишь тот факт, что магические формулы покрывали только первый и второй уступы да еще дульный срез, в то время как самые предусмотрительные мастера защищали ими и ядерый излет. Разумеется, это требовало дополнительных затрат и отнимало немало времени, зато гарантированно закрывало всякую возможность повлиять на орудие магией.

— Ну и как она вам? — поинтересовался фейерверкер, когда я обошел вокруг пушки. — Красотка ведь! Скажите!

— Не то слово! — отозвался я, нисколько не покривив душой.

Дульное отверстие отнюдь не поражало размерами, взрослый мужчина не сумел бы просунуть в него сжатый кулак, но впечатление это было обманчивым. Одно дело — рассуждать о калибрах за кружкой пива и совсем другое — встать напротив подобного орудия на поле боя.

— Двухфунтовая? — предположил я навскидку.

— Глаз у вас наметан! — усмехнулся Пиир, доставая из ящика глиняную бутылку и кружку. — Выпьем за встречу, магистр?

Я отказываться не стал и кивнул.

— Всенепременно, сеньор фейерверкер!

Пиир послал караульного за второй кружкой и зубами выдернул деревянную пробку, а я, пользуясь okazji, присмотрелся к сложенным в углу снарядам. Соответствующих калибру пушки чугунных шаров было не слишком много, больше всего оказалось полуфунтовых ядер, обмазанных сосновой смолой и покрытых слоем мушкетных пуль. Хватало и картузов с обычной картечью. Бомб не было вовсе.

Я уточнил этот момент, и фейерверкер скривился.

— За поганый сенти удавиться готовы! — выругался он и протянул мне кружку с дрянной местной настойкой. — Посмотрите только, что за мушкеты нам дали! Кремневые замки, взгляните только! Даже наш ротный колдун их искру погасит, но на колесцовые нет денег!

— Зато на защиту зарядного ящика не поскупились, — заметил я в некотором даже изумлении.

Установленный на четыре колеса ящик был не просто обит медными листами — по его стенкам и крышке тянулись немалой толщины металлические жгуты, складывавшиеся в сложное плетение магической защиты. В тусклом свете сруба узоры выделялись белым отливом серебра.

Защитить запасы пороха — задача первоочередная для любой батареи, и все же со столь основательным подходом к делу мне прежде сталкиваться не доводилось.

— Это ж сколько на него ушло серебра? — протянул я, отпил шнапса и усмехнулся. — На попечение солдат не страшно оставлять?

Пиир подавился выпивкой, закашлялся и вытер губы обшлагом мундира.

— Серебра? — произнес он с непонятым выражением. — Серебра?! Да олово это! Несчастные крохоборы даже на гвоздики серебряные не расщедрились!

Я махом влил в себя настойку и взглянул на зарядный ящик по-новому. Его защита враз перестала казаться столь уж несокрушимой, в голове сами собой возникло несколько способов поднять арсенал на воздух. Начать хотя бы с того, что олово куда проще расплавить...

— Единственное, что позволяет мне спать спокойно, — усмехнулся фейерверкер, откинув крышку ящика, — так это дополнительная защита картузов. У вас формулы рисовали?

— Рисовали, — подтвердил я.

— А у нас вышивают!

Пиир вытянул из ящика первый попавшийся картуз, на тканевой оболочке которого и в самом деле выделялась вышитые медной канителью колдовские символы. Долго противостоять колдовскому воздействию они не могли, но вполне обеспечивали несколько минут для безопасного заряжания пушки, а в совокупности с защитой ящика и вовсе предельно усложняли работу вражеских ритуалистов.

— Неплохо придумано, — покачал я головой.

— Голь на выдумки хитра! — ухмыльнулся фейерверкер, вернул картуз в ящик и захлопнул крышку. Затем потер худой нос и взял бутылку. — Еще по капельке?

— Если только по капельке, — сказал я, протягивая кружку.

Иные знакомства дорогого стоят, но и накачиваться этим жутким пойлом мне было не с руки. Еще кметов опрашивать. Дольше необходимого я в этой дыре задерживаться не намеревался.

2

В опросе кметов мне взялись содействовать староста и каноник Йохан, но даже отсутствие языкового барьера несколько не помогло. Жители деревни боялись лишней раз рот открыть, а когда все же начинали отвечать на вопросы, то безбожно путались в показаниях, не позволяя получить непротиворечивую картину произошедшего. Обычное дело для свидетелей, и все бы ничего, да только в отсутствии прямых улик воспоминания кметов приобретали решающее значение. Как ни печально было это признавать, но от них и лишь от них зависело осуждение или оправдание Ивара Фалька.

Это печалило. Что я за магистр-расследующий такой, если не могу собрать нормальную доказательную базу? Ах да! Я и не магистр-расследующий уже вовсе! Я печально рассмеялся и убрал в саквояж исписанные показаниями кметов листы.

Ивар Фальк — некромант, здесь двух мнений быть не могло, но у меня имелись определенные сомнения, что сторона обвинения добьется его осуждения. Проводи дознание церковные власти или даже орден Герхарда-чудотворца, некромант не избежал бы заслуженного воздаяния, но следователи Вселенской комиссии не рвали плоть раскаленными щипцами и не загоняли иголки под ногти.

«Гуманизм!» — мысленно поморщился я, пусть в самом этом слове и не было ровным счетом ничего предосудительного. Просто осознание факта, что в оправдании чернокнижника окажется львиная доля моей вины, душевному равновесию отнюдь не способствовало.

И ведь никак повлиять на ситуацию я уже не мог! Оставалось лишь уповать, что команде Стеффена удастся отыскать тайное логово Фалька. А возлагать подобные надежды на кого-то другого истинному профессионалу не с руки. Постыдно это. Такой удар по самолюбию, словно в душу плюнули.

Да эти надежды и не оправдались. Единственным успехом черно-красных стало обнаружение заброшенной кузницы, возле которой брат-ритуалист уловил отголоски проведения неких обрядов. По его

словам, волшба творилась там определенно темная, но с обвиняемым это место было никак не связать.

Герхардианцы вернулись в деревню уже на закате, грязными и промокшими после долгих блужданий по окрестным лесам и болотам. Ловчий отпустил своих людей отдыхать, а сам уселся за стол, устало подпер голову руками и спросил:

— Фальк ваш или наш?

Я поморщился и был вынужден признать:

— Наш.

Брат Стеффен позволил себе удовлетворенную улыбку. Братья на себя рассмотрение столь неоднозначного в глазах обывателей случая герхардианцам нисколько не хотелось.

Вздыхнув, я принялся откупоривать бутылку вина и сразу вспомнил о порученце архиепископа.

— Где потеряли вон Сюйда?

— У него возникли какие-то дела, — неопределенно пожал плечами Стеффен, принял от меня кружку, отхлебнул и осведомился: — Надеюсь, Фальк не уйдет от воздаяния?

Я ничего не ответил, сделал плоток белого, чуть сладкого вина и вздохнул.

— Мне нужны рабочие записи некроманта. Нужны веские доказательства. Мы, конечно, оценим его эфирное тело, но время упущено. И упущено безвозвратно...

Брат Стеффен влил в себя вино и передвинул мне пустую кружку, а когда я вновь наполнил ее, прорычал:

— Доказательства! Доказательства очевидного!

Нос ловчего еще больше скривился набок, он оскалился и шрам на нижней губе натянулся, угрожая лопнуть и закровоточить.

— Вы прикончили Клауса Шеера, будто бешеного пса, нисколько не заботясь сбором каких бы то ни было доказательств! — припомнил вдруг мне Стеффен чернокнижника, вознамерившегося распечатать место силы близ дороги на Стожьен. — Магистр! Вы просто сочли это правильным! Признали ублюдка виновным, отмерили наказание и привели приговор в исполнение! Вы не стали устраивать балаган с адвокатом, обвинителем и судьей!

Я спокойно выдержал испытующий взгляд собеседника, отпил вина и пожал плечами.

— Это была самооборона.

Ловчий расхохотался и приложил кружку ко лбу.

— Несчастному выродку оторвало голову! — напомнил он.

— Как уже говорил, я просто выстрелил, а чернокнижника разорвали вышедшие из-под контроля чары.

Брат Стеффен вяло отмахнулся и допил вино.

— Наша команда выслеживала Шеера месяц. Месяц он ускользал у нас из рук, а мы даже имени его не выяснили! Думаете, тот случай был первым? Как бы не так! Началось все с бригады лесорубов, потом эта шайка захватила дилижанс, и кровь потекла рекой. Чернокнижник разворошил пять мест силы. Пять! Он точно не был безумцем, у него имелся четкий план. Наверняка были и сообщники. Мы бы схватили его, не в этот раз, так в следующий, но Провидение решило иначе.

Я усмехнулся.

— Надо было позволить убить себя?

— У меня и в мыслях не было осуждать вас. Простите, магистр, если невольно обидел, — вздохнул брат Стеффен. — Прошу об одном: не позволяйте некроманту уйти от воздаяния. Он ведь не успокоится, будет творить зло и дальше. Именно это я хотел до вас донести. Только это, и ничего, кроме того.

— Приложу все усилия.

— Понимаете, магистр... Все непросто. Орден сдерживает мессиян в южных провинциях Майнрихта, каждый день в приграничных стычках гибнет кто-то из моих братьев. Каждый божий день! И никому нет до этого дела. Пока что мы справляемся, но грядет большая война. Ублюдки из Мерсано и Киншалья готовятся осадить Лейгдорф и отрезать нас от выхода к Длинному морю. Я должен быть там и сражаться бок о бок со своими братьями, а вместо этого несу службу на другом конце света. Прошу: не лишайте мое пребывание здесь всякого смысла. Прижмите мерзавца!

Ловчий тяжело вздохнул и поднялся из-за стола.

— Доброй ночи, магистр, — только и сказал он, выходя на улицу.

И почти сразу скрипнула половица в соседней комнате. Макс вон Сюйд показался в дверях, огляделся и перешел к окну, желая убедиться, что брат Стеффен не собирается возвращаться. Вид у него при этом был донельзя хищный.

— Подслушивал? — усмехнулся я, выливая из бутылки себе в кружку остатки вина.

— Грешен, — признал порученец архиепископа без малейшей тени смущения, порылся в своих пожитках и выставил на стол еще одну бутылку. — За нашим другом нужен глаз да глаз!

— В самом деле? Мне он показался вполне искренним.

— О, брат Стеффен совсем непрост! — усмехнулся Макс. — Было время присмотреться к нему, пока бродили по лесам. Вовсе не уверен, что сюда его привел Ивар Фальк.

— Что же тогда?

— Ты, Филипп, — заявил вон Сюйд, заметил промелькнувшее у меня на лице изумление и поправился: — Не Филипп вон Черен сам по себе, но магистр Вселенской комиссии по этике.

Я плотнул вина, стремясь смыть неприятный привкус страха, и спросил:

— Зачем ему это?

— У герхардианцев амбициозные планы. Они ищут подходы к нужным людям, кого-то покупают, на кого-то собирают всяческую грязь. Ученое сословие неподсудно ордену, но свои люди во Вселенской комиссии могут все изменить. — Макс развалился за столом и остро плюнул на меня поверх кружки вина. — Я немного понял из вашего разговора, но Стеффен вполне осознанно толкал тебя на самосуд, давил на чувство вины. «Не дай избежать наказания некроманту, прикончи его без суда и следствия!» — говорил он. Но сделай так — и окажешься у ордена в руках. Или даже дашь им повод ограничить в правах Вселенскую комиссию!

Я обдумал это предположение и счел его вполне разумным. Быть может, брат Стеффен повстречался мне вовсе не случайно? Что, если он и в самом деле вознамерился завербовать меня? Но в чьих интересах: ордена или имперского Кабинета бдительности? Непонятно.

Макс ждал хоть какой-то реакции на свои слова, поэтому я фыркнул.

— Ты меня недооцениваешь.

— Рад, если так. — Порученец архиепископа выпил вина, огладил черные усы и прошелся по комнате. — Выходит, Фальк подсуден Вселенской комиссии?

— Не думаю, что архиепископа это порадует, но да — дело некроманта герхардианцам никак не перепоручить.

— Досадно, — разочарованно протянул Макс.

— Досадно?! — вспыхнул я. — Да ты хоть понимаешь, что нет никаких доказательств вины! Ловкий адвокат без всякого труда добьется его оправдания и выставит нас на посмешище. Святые небеса! У меня изжога начинается всякий раз, когда думаю об этом!

— И ничего нельзя сделать?

— Нужно найти записи Фалька. Если только он их не сжег...

Мы допили бутылку, и новость откуда Макс достал еще одну. В голове зашумело, но опьянение не могло унять бушевавший в душе ураган эмоций. Скорее, даже наоборот.

Факт оставался фактом — я плохо выполнил свою работу. Не сумел разговорить чернокнижника, не смог собрать доказательства его деяний, подарил шанс избежать наказания. И это было... неправильно. А еще меня не оставляло ощущение, будто я упустил нечто важное. словно отложил некую неприятную обязанность на будущее и совсем о ней позабыл.

Допрос подозреваемого, оценка его эфирного поля, опрос кметов, доклад ловчего... Что еще? Кто может пролить свет на события той злосчастной ночи? С кем я еще не поговорил на этот счет? Святые небеса! Ну конечно же, Руне Фальк, племянник некроманта!

А с чего я взял, что он юродивый? Да, так сказал фельдфебель Сепп, да, с мальчишкой точно не все в порядке — это видно с первого взгляда, но даже университетские мозгоправы не берутся озвучивать свое мнение или, как выражаются эти ученые мужи, диагноз на основании столь непродолжительного наблюдения за пациентом.

Ангелы небесные! Руне потерял дар речи в ночь, когда восстали мертвецы! Что, если причиной тому стал не испуг, а... нечто иное? Быть может, это дядя запечатал его уста магией? Или просто велел держать язык за зубами?

— Идем, Макс! — позвал я собутыльника, поднимаясь из-за стола. — Проведаем нашего некроманта.

— Не слишком ли поздно?

— Вовсе нет.

Порученец архиепископа посмотрел на меня с некоторым даже сомнением и уточнил:

— Филипп, надеюсь, ты не натворишь глупостей?

— Ни в коем случае, — пообещал я, накинул плащ, взял шляпу и вышел за дверь.

В лагерь пограничной стражи нас пропустили без единого вопроса, несравнимо сложнее оказалось отстаять свое право побеседовать с Руне Фальком.

— В этом нет смысла! Вы только напугаете мальчика! — горячился фельдфебель Сепп.

Магистр Тедер кивал в знак согласия, и — удивительное дело! — командира роты поддержали даже артиллеристы.

А впрочем, чему тут удивляться? Будто сам не видел, как прибиваются к солдатам сироты, обидеть которых не поднимается рука у самых кровожадных ландскнехтов. Лишенные дома, семьи и детей солдаты нуждаются в некоем эрзаце нормальной жизни, зачастую они готовы защищать питомцев даже в ущерб себе.

— Не делайте из меня монстра! — возмутился я. — Хотите присутствовать при разговоре — ваше право. Руне был с дядей в ту ночь, его показания могут решить дело!

— Он не говорит, — напомнил Сепп, раздраженно покручивая рыжеватый ус.

— Я должен задать ему вопросы, а ответит он или нет, дело десятое. И потом, возможно, дело в чарах?

— Нет, я проверил это первым делом, — скрипучим голосом возразил ротный колдун.

— У магистра вон Черена большой опыт в подобных вещах, — влез в разговор Макс вон Сюд, изрядно мне польстив, но именно это утверждение и решило дело.

— Хорошо! — сдался фельдфебель Сепп и послал одного из солдат за мальчишкой.

Мы зашли в пустую казарму, и следующие четверть часа я перепробовал все возможные уловки, но так и не заставил Руне вымолвить ни слова. Он никак не реагировал на мои вопросы, лишь улыбался и грыз врученный в самом начале разговора пряник.

Я даже рискнул пустить в ход знания, почерпнутые из сочинения о ментальном доминировании, но ничего не добился и этим. Просто не

смог уловить отклика сознания мальчишки, а гипноз на него не подействовал вовсе.

Дело было точно не в приказе молчать, поэтому пришлось несколькими глубокими вздохами успокоить дыхание и погрузиться в транс. Четвертый раз за день это оказалось весьма просто, да только простота была обманчива. Все имеет свою цену, излишнее усердие в делах подобного рода — тоже.

В истинном зрении эфирное тело Руне показалось... странным и каким-то даже неполноценным. Будто нечто вытеснило часть души паренька, а потом сгнуло и само, оставив после себя пустоту. Мальчишка не прикидывался дурачком, с ним и в самом деле было что-то не так. Очень-очень сильно не так.

Прежде мне не доводилось изучать юродивых, но я готов был поручиться, что наблюдаемые мной странности не вызваны помрачившим сознание шоком. У них была иная причина, вполне вероятно — магическая. Неспроста же так неуютно свербело меж лопаток, пока изучал ауру пацана и пытался разобраться с его эфирным телом. Я даже потянулся чуть дальше и глубже в попытке уловить отголоски каких бы то ни было чар, но лишь ощутил внезапную тошноту.

Из транса я вынырнул, как вырывается утопающий на поверхность воды — отчаянно и без всякой надежды вновь не уйти на дно. Но нет, отпустило.

Я зажал в ладонях виски и какое-то время сидел так, приходя в себя и обдумывая дальнейшие действия. По сути, не имело никакого значения, привело к искажению эфирного поля Руне намеренное воздействие дяди или случайный откат сотворенного тем ритуала; отклонение от нормы — это отклонение от нормы. Проигнорировать его я попросту не мог. Не имел права. Да и не хотел.

Обнаруженную мной аномалию вызвало воздействие магического характера, кто знает, к чему это приведет в дальнейшем? Эфирное тело неразрывно связано с материальным, сознание тоже зависит от него едва ли не напрямую. Руне нуждался в помощи, его случай требовал самого пристального изучения.

Более того — иные специалисты читали по эфирному телу прошлое человека, как по открытой книге. Подозреваю, им вполне по силам установить, какой именно ритуал оказал столь серьезное

воздействие на ауру мальчишки. Непонятно даже, как это обстоятельство мог упустить брат Стеффен...

Впрочем, а упустил ли он его? Мои губы расплзлись в понимающей улыбке. Вот хитрец! Добрые братья не желали брать на себя ответственность за суд над Иваром Фальком, и уж тем более им не хотелось возиться с его племянником. Дядя мальчишки относился к ученому сословию, а вот сам он — нет. Родственные узы сильны, но...

Но если я помимо некроманта приволоку в Ольс еще и мальчишку, тамошний магистр-управляющий меня со свету сживет! Мало того что чернокнижника полагают героем, так еще и невинная душа под судом окажется. А доказательств вины нет, и процесс обернется самым натуральным фарсом.

В итоге этот случай начнут преподносить в качестве примера того, как не стоит вести следствие, а меня самого сошлют в какую-нибудь дыру, например, в Лавару. Туда последние годы отправлялись те магистры, которым повезло не взойти на эшафот за недостаточностью улик. Вполне действенное наказание...

Нет! На такое я пойти не мог. Да и для Руны это будет отнюдь не лучшим исходом. Если дядю все же признают виновным, рано или поздно пацан окажется на улице, а та к юродивым предельно жестока. А вот добрые братья, попади малец к ним в руки, наверняка определят его в один из монастырей. Подрастет, станет послушником...

Я беззвучно рассмеялся, прекрасно осознавая, что способен подобрать оправдание любому своему поступку, главное — принять для себя его целесообразность.

— Магистр? — забеспокоился командир роты. — Все в порядке?

— Никакой порчи, — со вздохом признал я, открывая глаза. — Мне нужно перекинуться парой слов с его дядей, и на этом все.

Фельдфебель Сепп так обрадовался окончанию разговора, что даже не приставил ко мне ротного колдуна. И совершенно напрасно...

К этому времени Ивара Фалька уже уложили на шконку; я встал рядом и спросил:

— Где записи, Ивар? Где запретная книга по некромантии?

— Не понимаю, о чем вы! — презрительно скривился арестант.

Я вздохнул и прислонился к стене, пережидая головокружение. Мне было нехорошо, В ушах шумело все сильнее, и нестерпимо захотелось опуститься на корточки, но выказывать слабость перед

некромантом было никак нельзя. Я часто-часто задышал, прогоняя дурноту, а потом заявил:

— Ты учился в университете, твой племянник — нет. Да и связывают ли вас родственные узы? Это лишь слова, цена которым — ломаный грош. Деревенские уверяют, что знать вас не знают.

— И что с того? — хрипло спросил Фальк.

— С Руны что-то не так. Когда ты поднял мертвецов, некое магическое воздействие исказило его эфирное поле. Я не могу проигнорировать этот факт. Никто не может. Вопрос лишь в том, кто займется изучением этих странностей — мы или герхардианцы.

— При чем здесь эти сволочи?

— А как как иначе? — разыграл я удивление. — Ты обвиняешься в некромантии и наверняка приобщил к запретным знаниям Руны. Он не школяр, его надлежит передать попечению ордена Герхарда-чудотворца.

— Чушь! — выкрикнул Фальк и рванулся, но тут же без сил повалился обратно. — Нелепые выдумки!

— Ты учил его, — жестко произнес я. — А раз так, его надо отдать ордену. Но если он и в самом деле твой племянник, мы можем проявить снисхождение, и его судьбой озаботится Вселенская комиссия. Все зависит от того, договоримся мы сейчас или нет.

— Он же сопливый мальчишка! — воззвал к милосердию арестант. — Не надо впутывать его в это!

Я остался непоколебим.

— Ты сам впутал его. Ты, и никто иной. У тебя есть шансы избежать смертной казни даже в случае обвинительного приговора, но, если герхардианцы залезут в голову Руны и поймут, что именно с ним случилось, тебе не поздоровится. Мне удалось уловить лишь отдельные эманации, пахивает запредельем...

Немудреный блеф не оставил Ивара равнодушным, но и особого впечатления не произвел.

— Что я должен сделать, чтобы вы оставили Руны в покое?

— Этого не случится ни при каких обстоятельствах, — прямо ответил я. — Вопрос исключительно в том, кто им займется. Скажи, где спрятал инструменты и записи, или Руны выдадут ордену.

— Мне-то что с того? — хмыкнул Ивар Фальк. — Какой смысл менять шило на мыло?

Тут он был, вне всякого сомнения, прав. Рабочие записи станут неопровержимыми доказательствами вины. Так или иначе, но его осудят.

— Не тяни за собой Руне, — попросил я. — Если у нас будет признание, в показаниях Руне пропадет всякая нужда. Никто не станет заниматься им... всерьез. Поживет в доме призраков под наблюдением добрых людей.

— Нет никаких записей, — ответил арестант помертвевшим голосом.

— Посуди сам...

Ивар Фальк повернул голову, словно хотел взглянуть на меня, пусть глаза его и закрывала ткань.

— Я не поднимал мертвецов, — сказал он и отвернулся.

— У тебя есть время до утра, — соврал я и вышел за дверь.

На душе было премерзко, но наше ремесло не для чистюль и моралистов. Гуманисты могут сколько угодно кривить губы, меньше всего меня волновало мнение этих оторванных от жизни персон. Зло должно быть наказано, и кому-то приходится брать ответственность за это на себя.

Что мне людские пересуды? Когда-нибудь ангелы небесные взвесят мою душу, тогда и станет ясно, прав я был или нет.

Боюсь ли оказаться недостаточно чистым, для небесных садов? Разумеется. А как иначе? Не сомневаются только фанатики, а фанатикам во Вселенской комиссии по этике не место. К нам подобной публике вход заказан.

По возвращении в деревню я первым делом заглянул в дом, где расквартировали братьев ордена Герхарда-чудотворца, и поведал ловчому о своих подозрениях насчет Руне Фалька. О чем-то умолчал, а где-то немного сгустил краски, и без того хмурый Стеффен окончательно помрачнел лицом.

— Руне Фальк... — произнес он, не скрывая отвращения. — Племянник некроманта точно находится вне юрисдикции Вселенской комиссии?

«Закон что дышло», — мог бы сказать я, но не стал. Спокойно выдержал пристальный взгляд собеседника и утвердительно кивнул.

— Именно так, — потом добавил: — Но это лишь мое частное мнение. Фальк-старший еще может его оспорить. Если его аргументы будут сочтены весомыми, мы заберем мальчишку обратно.

Столь откровенное желание оставить для себя возможность отыграть ситуацию назад породило на губах ловчего саркастическую улыбку.

— Понимаю вас, магистр. Оформим бумаги прямо сейчас?

Я решил не откладывать дело в долгий ящик, и какое-то время мы скрипели перьями по листам писчей бумаги, составляя необходимые в этой ситуации документы. В итоге представитель ордена получил официальный отказ от Руны Фалька, а взамен ловчий вручил мне заверенное подписью и печатью обязательство выделить дело племянника некроманта в отдельное производство. Все! С этой минуты ответственность за пацана брали на себя герхардианцы.

— И еще один момент, брат Стеффен, — понизил я голос, хоть никакой особой нужды в этом и не было, — действовать надо незамедлительно. Боюсь, завтра утром Руна в лагере уже не окажется. Просто пойдет за водой, а вернется только после нашего отъезда.

Ловчий хмыкнул.

— Он же дурачок? Или сомневаетесь в этом?

— Он — дурачок, его дядя — нет. К тому же солдаты прониклись к Руне искренней симпатией. Они... так скажем... могут принять участие в его судьбе.

— Благодарю за предупреждение, магистр. Отправимся за мальчишкой прямо сейчас. У брата Даана будет время оценить его эфирное поле. Возможно, он сумеет заметить нечто, чего не заметили вы.

На том и распрощались.

Зайдя во двор нашего дома, Макс вон Сюд первым делом забрался на запятки кареты и выудил из закрепленного на крыше сундука две бутылки вина — белого, сладковатого и крепкого. К выпивке у нас отыскались луковица, колечко кровяной колбасы да краюха черствого хлеба, но жаловаться было грех; каноник Йохан остался ночевать в доме деревенского священника, а для двух человек трапеза была не столь уж и скудна.

Выслушав условия выдвинутого некроманту ультиматума, Макс даже закудахтал от удовольствия.

— Гениально! — заявил он, разливая вино по кружкам. — Уверен, его высокопреосвященство оценит твою затею по достоинству! Посуди сам, со стороны все выглядит так, будто герхардианцы не смогли добраться до Фалька и вознамерились отыграться на его племяннике! Слухи делают в глазах черни некроманта героем, а тут такое...

Порученец архиепископа нисколько не сомневался, что Ивар Фальк не выдаст своих бумаг, и я был склонен с этим мнением согласиться. Моя уловка не сработала, но что сделано, то сделано. Чего уж теперь...

В голове мягко и приятно зашумело, я развалился на стуле, зацепил ногой составленные под стол пустые бутылки, и те со звоном покатались по полу. Макс убрал их на подоконник и остро глянул на меня.

— Тебя что-то беспокоит, Филипп? Выглядишь так, будто мучает изжога. Или совесть.

— Совесть? — рассмеялся я. — Ну уж нет! Хотя... сказать начистоту, и совесть тоже. Не надо было впутывать в это мальчишку.

— А у тебя был выбор?

— Нет, не было. Да это и не важно! Просто что-то не сходится! Почему мы решили, что в тайнике хранились именно записи?

— Ты так решил.

Я кивнул.

— На тот момент это казалось логичным. Но посуди сам: Ивар Фальк — пустышка, одного взгляда на эфирное поле достаточно, чтобы понять — он непрaktикующий колдун, и уже давно. Ангелы небесные! Даже обладай он запретными записями о некромантии, все одно не сумел бы ими воспользоваться! Силенок бы не хватило!

— Считаешь его невиновным? — поразился Макс.

— Ну уж нет! — покачал я головой. — Но в тайнике могло храниться нечто совсем иное. Какой-нибудь инструмент. Артефакт. И эта мысль не дает покоя.

Действительно, не давала. В мире было не так уж много заклинателей, не просто ступивших на темный путь некромантии, но добившихся на этом поприще воистину выдающихся, если так можно

выразиться, успехов. А создать артефакт для поднятия мертвых мог лишь воистину выдающийся некромант. Прежде мне доводилось слышать о костяных свирелях, с помощью которых управляли полудюжиной покойников, здесь же, если верить показаниям очевидцев, счет поднятых мертвецов шел на дюжины.

Возможно ли это вообще?

— Еще малец этот юродивый! — проворчал я, недовольно морщась. — Нехорошо с ним вышло, совсем нехорошо...

— Надеюсь, ты не дашь слабину? — обеспокоился порученец архиепископа.

— Если Фальк подпишет признание, Вселенская комиссия позаботится о его племяннике, — сказал я и кисло улыбнулся. — Но только в этом случае. Иначе местный магистр-управляющий проклянет меня на веки вечные.

Макс захохотал.

— Да, подарок ему выйдет не из приятных! Два Фалька по цене одного!

Мы посмеялись, а затем я допил вино, запер входную дверь и отправился спать.

Завтрашний день намечался не из легких, но я даже не подозревал, сколько неприятных сюрпризов он в итоге преподнесет...

Глава 6

1

Из забытья вырвал резкий неприятный звук. Я встрепенулся, силясь понять, что происходит и где нахожусь, в руке сам собой возник сграбастанный с табурета пистоль.

Звон! Меня разбудил звон стекла! В темноте мелькнула тень, из своей комнаты выплянул Макс в одном исподнем, зато со шпагой в руке. Он какое-то время прислушивался к тишине, затем спросил:

— Что это было?

Я слез с кровати, запалил огарок свечи и в его неровном мерцании увидел упавшие с подоконника бутылки; одна из них разбилась.

— Кошка, мыши или ветер?

Макс подошел и легко снял раму, подержал в руках, затем вернул ее обратно.

— Забыли запереть ставни, вот кто-то и решил влезть в дом.

— Зараза! — зевнул я.

Голова после выпитого вина была тяжелой, рассуждать о мотивах злоумышленника не хотелось. Мы разобрались со ставнями и отправились досыпать, но, прежде чем улечься в кровать, я привел к бою и второй из пистолей. После спал как младенец.

Ночью никто нас больше не побеспокоил, а уже на рассвете разбудил кучер. Пока я и Макс умывались и собирали вещи, он впряг лошадей в карету, взвел арбалет и устроил его на козлах рядом с собой. А после достал из котомки ломоть свежего хлеба с куском сыра и принялся завтракать.

У нас аппетита после вчерашних возлияний не было, перекусить решили по дороге.

— Не забудь кольчугу, — напомнил вон Сюд. — Дороги севера полны неожиданностей.

Я подумал-подумал и этим советом пренебрегать не стал. Достал из дорожного мешка стеганый колет, поверх него надел кольчугу. Заодно сунул за голенище сапога стилет.

По пути к воротам мы заехали за каноником, а после встретились с загодя предупрежденными о раннем выезде герхардианцами.

— Руне у вас? — спросил я ловчего.

Стеффен кивнул и забрался на козлы, продолжая изображать кучера.

— Солдаты не ворчали? — любопытствовал я.

Ловчий плянул на меня сверху вниз и многозначительно улыбнулся.

— Не умаляйте своими сомнениями авторитет ордена Герхарда-чудотворца!

В словах таилась угроза, и я не стал отшучиваться.

— И в мыслях не было, — произнес я с серьезным видом, а затем приоткрыл дверцу кареты и заглянул внутрь. Руне Фальк сидел на задней лавке, стиснутый с двух сторон плечистыми герхардианцами. Вид у него был при этом беззаботней некуда, щеки растягивала бездумная улыбка. А вот под глазами осунувшегося брата-ритуалиста залегли черные пятна, словно этой ночью он не проспал и пары часов.

Прежде чем я успел поинтересоваться мнением колдуна об эфирном теле мальчишки, брат Стеффен встряхнул вожжами, и лошади тронулись с места. Следом под скрип колес к распахнутым воротам покатила и наша карета. Я ускорил шаг и заскочил на подножку, не желая топать до лагеря пограничной стражи пешком.

К нашему появлению закованного в кандалы Ивара Фалька уже вывели из сруба. В одной дерюге и босой, он ежился под дуновениями прохладного утреннего ветра, казался усталым и несчастным. На могущественного некроманта арестант нисколько не походил.

Да он им и не был. Я прекрасно помнил, сколь тускло и невыразительно выглядело его эфирное тело. Вероятней всего, мертвецов он поднял с помощью некоего магического инструмента, который прежде хранил в тайнике под половицей, а потом перепрятал неведомо куда.

Формальности много времени не заняли, и фельдфебель с нескрываемым облегчением передал мне с рук на руки своего подопечного. Солдаты выглядели хмуро и неприветливо, следили за нами безо всякой приязни, но ни один не осведомился о дальнейшей судьбе Руны. О мальчишке они словно позабыли.

Но не позабыли, разумеется. Вне всякого сомнения, держать язык за зубами им приказал командир роты. Ну и, как выразился брат

Стеффен, авторитет ордена Герхарда-чудотворца тоже сыграл свою роль.

— Шевелись! — потянул я Ивара Фалька к нашей карете.

Тот под звон цепей сделал шаг, другой, затем остановился посреди грязной лужи и вдруг объявил:

— Я отдам книгу, если оставите в покое Руне.

Фельдфебель Сепп обратился в слух, и я дернул некроманта за руку.

— Не испытывай мое терпение! — прошипел на ухо некроманту.

Тот уперся.

— Я отдам книгу, — повторил он. — Как вы и хотели!

— Руне болен! — повысил я голос. — Ему нужен уход.

Ивар Фальк скривился в болезненной гримасе.

— Признайте его моим племянником, — выдавил он из себя. — Позаботьтесь о нем, не дайте причинить вред этим живодерам, и я отдам книгу.

Книгу, ха! Каков шельмец! Ни одна книга не позволила бы этому ничтожеству провести ритуал, способный поднять две дюжины мертвецов. Помочь в этом мог лишь некий могущественный артефакт или... жертвоприношение!

Эта неожиданная догадка и заставила меня замереть на месте.

— Объясни для начала, о какой книге идет речь! — потребовал я.

Ивар зябко переступил с ноги на ногу, но стоило только мне потянуть его подальше от любопытных ушей, уперся, не желая сходить с места. Брат Стеффен с нескрываемым любопытством следил за нами с козел, а Макс вон Сюйд выбрался из кареты и всем своим видом демонстрировал нетерпение.

Путь и в самом деле предстоял неблизкий, но мне перебивать Фалька было не с руки. Святые небеса! Да своим признанием он решит все мои проблемы разом!

— Прошлой осенью я выкупил у одного бродяги старинный гримуар, — произнес Ивар лишенным всякого выражения голосом. — Там были описания ритуалов. Разных ритуалов, запретных и обычных. Я давно уже не практиковал, но тут не устоял перед искушением. Попробовал — и ничего не получилось. Чары словно засели внутри меня и не могли найти выход. Это изматывало. Я чуть с ума не сошел! Чуть не рехнулся! А потом на деревню напали язычники, и на миг я

просто потерял над собой контроль. Мертвые восстали и начали защищать меня, словно их господина. Я... я просто не понимал, что происходит! Не помню, как потерял сознание... А когда очнулся, от испуга потребовал, чтобы тела расчленили и сожгли. Боялся, что они снова оживут...

Я задумчиво хмыкнул. Едва ли Фальк врал напропалую или же напротив — говорил чистую правду; скорее, он искусно сплетал вымысел с истиной, дабы оставить себе лазейку для спасения. Он играл на публику, но в целом я склонялся принять его слова на веру.

Эфирное тело подозреваемого было слишком слабым для практикующего колдуна, и вместе с тем в нем отсутствовали искажения, возникающие при работе непосредственно с запредельем. Бездумно проведенный дилетантом ритуал поднятия нежити и в самом деле мог повиснуть призрачными гирями в ожидании, когда поблизости появятся пригодные для воздействия тела. Вопрос лишь в том, какую цену Ивару за это пришлось заплатить. Что он отдал за обретение могущества? С кем заключил сделку?

Рассчитывать на правдивые ответы не приходилось, Ивар точно будет врать и юлить до последнего, к стенке его получится припереть, лишь раздобыв тот самый старинный гримуар.

— Где книга? — спросил я, оставив попытки затянуть Фалька в карету.

Некромант посмотрел на меня с нескрываемым сомнением, затем с непонятной ухмылкой уточнил:

— Нашли тайник под третьей половицей от окна?

Я кивнул и сказал:

— Там ничего не было.

Ухмылка Ивара Фалька переросла в самодовольную улыбку.

— Я велел Руне перепрятать книгу, только не знал, послушался он меня или нет. Ну, вы же видели его...

Вот тебе и дурачок! Я едва не заскрипел зубами от досады. Фельдфебель Сепп — болван, раз позволил арестованному общаться с племянником!

Я зло плянул на командира роты, тот насупился, уставился себе под ноги и принялся крутить рыжеватый ус.

— Куда Руне спрятал книгу? — спросил я тогда, с трудом подавив раздражение.

Некромант лишь пожал плечами.

— Только он знает это!

Я ухватил Фалька за ворот дерюги, притянул к себе и прошипел в лицо:

— Нет книги — нет сделки!

— Спросите у Руны! — быстро сказал Фальк и сразу поправился, лихорадочно зачастив: — Попросите показать! Или я попрошу! Он ответит на место!

Ответит? У меня были в этом большие сомнения, но не ухватиться за эту ниточку я попросту не мог и подтащил некроманта к карете герхардианцев.

— Что скажешь? — выжидающе посмотрел я на брата Стеффена.

— Если отыщем книгу, заберешь мальчишку себе? — уточнил ловчий ордена, которому вовсе не нужна была лишняя головная боль в лице юродивого племянника некроманта.

— Заберу! — пообещал я.

Стеффен обернулся к брату-ритуалисту и кивнул.

Мальчишку выпустили из кареты, и Фальк-старший попытался присесть рядом с ним, но не удержался и упал на колени.

— Руна, помнишь черную книгу? Где она? Отведи нас к ней!

Племянник некроманта заулыбался и уверенно зашагал по дороге прочь от лагеря. Двое братьев с висевшими на оружейных ремнях арбалетами поспешили следом, после небольшой заминки за ними двинулся и ритуалист.

Пустое! Мальчишка побрел через поле к лесу, отошел от нас шагов на сорок, а потом заколебался, затоптался на месте и поплелся обратно. Брат-ритуалист попытался ему что-то втолковать, но без толку. Увещевания герхардианца никакого действия не возымели.

— Книга, Руна! — крикнул Ивар Фальк. — Иди за книгой!

Окрик подействовал, но почти сразу дурачок вновь позабыл, куда и зачем он идет. Я выдохнул короткое проклятие, поскольку ситуация запуталась окончательно. Вести в лес некроманта было слишком... обременительно, а без него малолетний дурачок так и будет топтаться на опушке до самого вечера. И как быть?

Сомнения мои разрешил брат Стеффен, он подошел и негромко произнес:

— Магистр, мой долг — отыскать этот гримуар. Я не уеду отсюда без него. Кто знает, какие еще мерзости содержатся в этой пакостной книге? А ну как она попадет не в те руки?

Час от часу не легче! Еще только с герхардианцами проблем не хватало! Без сопровождения братьев отправляться в дорогу слишком опасно, да и ссориться с ними мне точно не с руки. С ловчего станется нажаловаться по возвращении в Ольс!

— Магистр, — вновь обратился ко мне брат Стеффен, оживившийся, словно почуявшая след зайца гончая. — Мне нужен Ивар Фальк. Я не дам увезти его, прежде чем будет найден гримуар.

— А я не могу отдать его! — отрезал я. — Ивар Фальк — мой подопечный! Мой!

— Тогда вам придется сопровождать нас, — пожал плечами герхардианец. — Иного выхода я не вижу.

— Ангелы небесные! — простонал я и попросил фельдфебеля: — Раскуйте Фальку ножные кандалы. Только не снимайте полностью, оставьте на одной из лодыжек.

Сепп уставился на меня с хмурым неодобрением.

— Собрались в лес?

— Именно.

Командир роты дернул себя за ус и предупредил:

— Это слишком опасно!

Брат Стеффен улыбнулся и напомнил:

— Вчера мы обошли всю округу, не встретив ни одной живой души.

— То было вчера! — отрезал фельдфебель Сепп и объявил: — Мы будем сопровождать вас!

— Зачем?! — удивился я. — Едва ли Руне унес книгу слишком далеко от деревни.

Пятеро братьев, я, Макс и вооруженный арбалетом кучер представляли собой серьезную силу, но фельдфебель лишь презрительно скривился.

— Вы не знаете здешних мест, а я отвечаю за вашу безопасность головой. Мы пойдем с вами.

Я пожал плечами.

— Поступайте, как сочтете нужным.

Макс вон Сюйд придвинулся ко мне и тихонько спросил:

— А если малец заведет нас в засаду?

— Скажи об этом брату Стеффену, — кивнул я на ловчего, в глазах которого горел неподдельный охотничий азарт.

— Дранные селедки! — негромко выдохнул Макс и стукнул кулаком по раскрытой ладони. — Дранные тухлые селедки...

Вид у порученца архиепископа был откровенно... кислый. И немудрено: если отыщется таинственный гримуар, мне придется сдерживать слово, и тогда у черно-красных отпадет нужда возиться с малолетним племянником некроманта. Уколоть орден не получится. Политика!

Я отошел к нашей карете, распахнул дверцу и забрался внутрь. Дремавший на лавке каноник сразу открыл глаза и заинтересовался причиной заминки. Выслушав ответ, он безапелляционно заявил:

— Я иду с вами!

— В этом нет никакой нужды, ваше преподобие, — уверил я тучного священника, раскрыв саквояж.

— Не вам решать это, сын мой, — отрезал каноник Йохан и выбрался из кареты. Висевший на его груди святой символ поймал луч восходящего солнца и блеснул золотом.

Я и понятия не имел, какие приказы он получил от архиепископа, поэтому протестовать не стал, обновил порох на запальных полках пистолей и рассовал их за пояс. Затем прицепил к саквояжу длинный ремень и перекинул его через плечо, с другой стороны повесил подсумок с пороховницами и пулями.

Ангелы небесные, ну и вид! Будто на войну собрался! Кинжал, шпага, пара пистолей, волшебный жезл и стилет в сапоге! Столько оружия на себе приходилось таскать разве что в Лаваре.

Я с завистью глянул на перевязь брата-стрелка, подавил тяжелый вздох и, сняв врезавшийся в плечо ремень, кинул саквояж на лавку. С собой взял только кошель, сверток провощенной бумаги с документами и рабочими записями да заготовку второго волшебного жезла и зачарованные песочные часы. Пусть кареты и останутся на попечении караульных пограничной стражи, среди служивых всегда может найтись паршивая овца. А ну как перетряхнут мои пожитки? Потеря всего остального большой проблемой не станет, но деньги, документы и магические инструменты лучше из виду не упускать.

Вернув пистолы в футляр, я убрал тот в подсумок, несколько раз легонько подпрыгнул на месте и наконец счел себя готовым к пешему походу. Крутанул намотанные на запястье четки, поцеловал святой символ и прочитал короткую молитву о благополучном завершении задуманного. Меньше всего мне хотелось бродить по окрестным лесам, имея в провожатых малолетнего дурачка, ну да чего уж теперь...

2

В путь выдвинулись через четверть часа. Фельдфебель Сепп подошел к делу со всей серьезностью и помимо ротного колдуна взял на вылазку в лес дюжину солдат, а в лагере оставил только немногочисленных караульных и артиллеристов.

Егеря шли в головном и фланговых дозорах, а бойцы с арбалетами прикрывали нас сзади. Опасаться случайной банды дикарей не приходилось, и понемногу глухое беспокойство оставило меня. Ну а если вздумает выкинуть какой-нибудь фортель Ивар Фальк... Я улыбнулся и погладил магический жезл. Что ж... этим некромант избавит всех нас от множества проблем.

Весенний лес был хмурым, рассвет еще толком не осветил его, и дозорные буквально растворились меж деревьев. Мы не видели их, лишь слышали короткие условные посвисты. Наш юродивый провожатый то забегал вперед, то возвращался к дяде, а Ивар Фальк едва ковылял, спотыкаясь и пошатываясь, но обувь ему выдавать не стали, дабы в зародыше пресечь всякие мысли о побеге. Тучный каноник тоже продвигался по лесу без всякой спешки. Макс не отходил от него ни на шаг, помогал переступать через поваленные деревья и придерживал под руку, а с другого бока священника страховал кучер.

Постепенно меж деревьев начала растекаться белесая дымка тумана, видимость снизилась, арьергард подступил к нам вплотную. В отличие от егерей арбалетчикам нечасто доводилось углубляться в лес, вид у стрелков стал откровенно обеспокоенным. Они нервно озирались и реагировали на каждый звук, а тех хватало с избытком: время от времени выскакивали из-под кустов и стремглав уносились прочь зайцы, поскрипывали стволы деревьев, срывались с ветвей встревоженные пичуги.

Сначала Руне вел нас по просеке, затем свернул на извилистую тропинку, а когда из тумана выплыл силуэт расщепленного ударом молнии дуба, брат Стеффен повернулся ко мне и негромко произнес:

— Мы идем к заброшенной кузнице! Помните, вчера рассказывал о ней?

— Так и есть, — подтвердил фельдфебель Сепп, задумчиво постукивая пальцами по кирасе. Шлема он надевать не стал, предпочтя ему шляпу с широкими круглыми полями и высокой тульей. Помимо кинжала и офицерской шпаги за пояс командир роты заткнул пистоль с кремневым замком.

Макс вон Сюйд поколебался немного и сказал:

— Филипп, теперь мы знаем, где книга! Быть может, поищем ее сами?

Я промолчал, не в силах отвести взгляда от мертвого дуба и его растопыренных во все стороны сучьев. Невесть с чего вспомнились другой дуб и долгие блуждания по зимней чащобе, по спине пробежался неприятный холодок испуга. Но нет — это просто мертвое дерево, не более того.

— Филипп! — дернул меня Макс. — Возвращаемся?

Мы остановились.

— Возможно, — хмыкнул я после недолгих раздумий и обратился к Фальку-старшему: — Ты ведь там провел ритуал, верно?

Ивар закашлялся, сплюнул мокроту и кивнул.

— Но тайник был в доме, не в лесу, — сказал он, хрипло дыша. — Где именно спрятал фолиант Руне, не подскажу.

— Подходящих мест там не так уж и много, — рассудительно заметил Макс.

— Какое место сочтет подходящим деревенский дурачок? — многозначительно произнес брат Стеффен. — У нас в запасе не больше часа. Выедем позже, не успеем добраться до Ролле. Потеряем целый день. Бегать туда-сюда — вариант не из лучших!

Мнение ловчего и решило дело. Мы продолжили путь, и вскоре ветви деревьев и кустов заколыхались под легкими, едва уловимыми дуновениями свежего воздуха. Продравшись через густой подлесок, наш отряд выбрался к широкому длинному логу, залитому непроглядно-белой пеленой. На другом берегу «молочной» реки

вставала стена деревьев, немного дальше виднелась лысая макушка холма.

— Вон, смотрите! — указал фельдфебель Сепп. — Отсюда уже видно кузницу! Можно было идти по просеке, просто вышли бы немного дальше.

Я присмотрелся и не сразу, но все же сумел разглядеть приземистое, будто вросшее в землю строение неподалеку от вершины пригорка. По прямой до него было шагов триста, но по прямой нужно лететь подобно птице или пушечному ядру, а нам придется сначала спуститься в лог, а после взобраться наверх. И все это — практически вслепую.

— И что будем делать? — спросил я фельдфебеля.

— Ревень, Жлоб! Осмотритесь на месте! — отдал распоряжение командир роты, и две тройки егерей вошли в туман, моментально растворились в нем, сгнули, скрылись из виду.

Нам оставалось лишь ждать. Озябший Ивар Фальк стучал зубами от холода и беспрестанно кашлял, его племянник с удовольствием грыз невесть кем врученный сухарь. Макс посматривал на меня с неприкрытым укором; происходящее человеку архиепископа категорически не нравилось.

Пусть! Интересы его высокопреосвященства имели значение ровно до тех пор, пока не начинали идти вразрез с моими собственными. Я ничего не обещал архиепископу Фредрику и уж тем более ему не присягал.

Время ожидания тянулось мучительно медленно, условные посвисты донеслись, когда я окончательно извелся и не находил себе места от нетерпения. Фельдфебель Сепп приставил ладонь к уху, прислушиваясь, удовлетворенно кивнул и обратился к ротному колдуну.

— Что скажешь?

Магистр Тедер, который все время пути беззвучно шевелил губами, проговаривая очищающую сознание формулу, на миг выпал из транса и сказал:

— Не чувствую опасности.

Я прекрасно ощущал, как от колдуна растекаются волны поисковых чар, подрагивают в такт движениям магического жезла, сплетаются с белым маревом и проникают под его покров, уносятся

все дальше и дальше. Обычное армейское поисковое заклинание — безыскусное, но от этого ничуть не менее надежное, обойти которое не так-то и просто. К тому же оставался еще брат Даан...

Сам я незримой стихии не касался, не спуская глаз с Ивара Фалька. Левой рукой держал его за ворот дерюги, в правой сжимал волшебную палочку.

— Только дернись, — прошипел я на ухо некроманту. — Только дернись...

Тот презрительно фыркнул и вновь закашлялся.

Один из герхардианцев взял Руне за руку, и тогда фельдфебель Сепп скомандовал:

— Вперед!

Сначала вниз по склону холма двинулась последняя тройка егерей, затем стали спускаться и мы. Туман надвинулся, будто воды тихого озера; я ступил в него и еще долю мгновения удерживал воздух в легких, но сразу опомнился и спокойно задышал.

Уклон был пологим. Видимость в белесой пелене сократилась до расстояния вытянутой руки; приходилось идти медленно и осторожно, дабы не оступиться, не угодить в яму, не споткнуться о случайную корягу. На дне низины стало еще хуже, там среди каменной осыпи тек ручей, медленный, мутный и, на наше счастье, неглубокий.

Противоположный склон лога оказался несколько более крутым; взбираясь на него, я пусть и не выбился из сил, но немало запыхался. Да еще приходилось тащить за собой Фалька, который беспрестанно оступался и оскальзывался. Даже не знаю, как справится с подъемом каноник Йохан...

А потом холодная влажная пелена тумана как-то разом осталась позади. Вновь засияло утреннее солнце, запели птицы, раскрасили мир яркие цвета.

— Сюда! — позвал нас один из егерей, и по узенькой тропке мы углубились в лес, продолжая подъем к вершине холма.

Вскоре деревья расступились, и я выволок Фалька из кустов на поляну перед заброшенной кузницей. В основании той лежала солидная каменная кладка, а первый этаж венчала деревянная надстройка с прохудившейся крышей. За долгие годы строение буквально вросло в грунт, и заколоченные досками оконца опустились

до уровня земли. Судя по всему, это была часть каких-то древних укреплений — слишком уж солидными для простой хозяйственной постройки казались стены, да и немного дальше из дерна проглядывали кое-как отесанные камни, цепочка которых тянулась вплоть до самой вершины. Некогда, возможно, еще во времена Полуденной империи, там мог располагаться сторожевой пост.

— Ревень! Жлоб! Соха! В охранение! — скомандовал Сепп, а стоило егерям двинуться к подлеску, последовала новая команда: — Барабан, наверх!

Арбалетчики сорвались с места и потрусили к вершине холма. Позиция на втором этаже кузницы представлялась мне даже более выигрышной, но фельдфебель, так полагаю, просто не хотел, чтобы стрелки мешали поискам книги, путаясь под ногами у герхардианцев.

Ивар Фальк шагнул вперед, я остановил его рывком за ворот.

— Не торопись!

Пусть в отряде и было два опытных колдуна, я не собирался приближаться к месту проведения неведомого ритуала без предварительной оценки состояния эфирного поля. Магистр Тедер и брат Даан — сугубо практики, на некоторые мелочи они попросту не обратят внимания, а ведь в мелочах — вся суть...

Я рывком, без всякой подготовки погрузил сознание в незримую стихию, переборол мимолетное головокружение и качнулся навстречу миру, оценивая не только его, но и сопротивление толчку моей воли.

Поначалу эфирное поле казалось спокойным и однородным, но стоило лишь толкнуться в него, и будто побежали круги по воде; на миг проявились и тут же пропали следы некогда творившейся здесь волшбы. Докатившиеся колыхания оставили привкус пепла на языке, но непосредственной опасности эти ощущения с собой не несли; будто на костер плеснули водой, огонь погас, и даже угли успели остыть.

Брат Стеффен вопросительно посмотрел сначала на меня, затем на Даана.

— Проблемы?

Мы с братом-ритуалистом синхронно покачали головами, и ловчий дал отмашку.

— Отпускай, пусть идет.

Но Руне не сдвинулся с места и растерянно оглянулся на дядю. Тот через силу улыбнулся.

— Иди, малыш!

Дурачок неуверенно двинулся к кузнице, сделал два шага и вновь обернулся. Канонику Йохану это надоело, в сопровождении Макса и кучера он направился напрямик к покосившемуся строению. Повинуясь кивку Стеффена, братья немедленно двинулись следом; присматривать за Руне остался ловчий.

Напряженные отношения церкви и ордена Герхарда-чудотворца могли породить множество совершенно ненужных проблем, и я потянул за собой Фалька, намереваясь при случае вмешаться и в зародыше погасить намечающийся конфликт. Некромант не упирался, но едва переставлял ноги; его губы, ногти и ступни посинели от холода, руки мелко-мелко тряслись.

Каноник доковылял до кузницы и с кряхтением уселся на один из валунов, вооруженный арбалетом кучер замер рядом, а Макс скрылся внутри покосившегося строения. Три брата последовали за ним, на улице задержался только Даан. Он внимательно поглядывал по сторонам да отрешенно крутил свой украшенный сложной резьбой жезл.

Фельдфебель Сепп посмотрел на выпянувшее из-за края леса солнце и вздохнул.

— Ну? — поторопил он нас, заложив большие пальцы за оружейный ремень.

Перед кузницей по земле растеклась огромная лужа с серо-черным, будто покрытым пеплом дном. Руне стоял перед ней, бездумно ковырял пальцем в носу и пялился на воду.

— Скажи ему, пусть идет за книгой! — потребовал я у Фалька-старшего.

— Иди, малыш, — вздохнул некрмант. — Иди!

Руне занес над водой ногу, и тут же мир изменился, распался на части, словно это мимолетное движение разметало подогнанные друг к другу кусочки мозаики. Реальность обрела дополнительную глубину, потянула нас в неведомую даль, содрала с костей кожу и плоть.

— Стой! — неожиданно низким и сильным голосом рывкнул каноник, но поздно.

Ботинок со стоптанной подошвой разметал гладь лужи, и тотчас вверх взметнулись клубы пара, на миг они скрыли от нас Руне и так же быстро развеялись.

Святые небеса! В меня словно незримая волна ударила!

Напор сгустившегося эфира толкнул прочь, но я вовремя ухватился за плечо некроманта и сумел устоять на ногах. А тот даже не пошатнулся! Ивар Фальк начал открывать рот, и я без промедления врезал ему по голове магическим жезлом, нисколько не боясь ни проломить череп, ни сломать палку.

Удар заставил некроманта согнуться, а пинок в спину отбросил его в ноги брату Стеффену. Я вновь замахнулся жезлом и вдруг замер, пораженный увиденным до глубины души. Лужа высохла, и на ее глинистом дне разгоралась багряным сиянием сложная колдовская схема. Да и незримая стихия больше не пребывала в спокойствии, ее рвало и закручивало потоками стихийной энергии.

Не покрывай место проведения ритуала вода, мы загодя почувствовали бы тление остатков силы, а так оказались застигнуты врасплох. Эфирное тело Руне Фалька больше не казалось неполноценным, теперь оно лучилось темной энергией запределья. Деревенский дурачок пропал, миру явился некто больший, нежели просто человек. Но не уродливый кровожадный демон, врывающийся в тела людей и разрушающий своим тлетворным касанием плоть, а несравнимо более хитрая и осторожная тварь, выбравшаяся в мир смертных лишь частично.

Порождение запределья смотрело на людей багряными глазами дурачка и видело всех нас насквозь. Руне расплылся в безумной улыбке, и тут же от него ударили жгуты ментального подчинения. В меня, герхардианцев, солдат и через кусты куда-то много дальше.

Святые небеса! Да что за напасть?!

3

Сломать волю человека совсем не просто, для порабощения сознания требуется проделать кропотливую работу, жесткую и кровавую или ювелирную — не важно. Но есть и отмычки, позволяющие вскрыть душу человека, запустить в нее когти и вывернуть наизнанку.

Маленький дурачок Руне Фальк, нелепый и улыбчивый, жил в лагере пограничной службы бок о бок с солдатами, бегал для них за водой и радовался даже заплесневелому сухарю. Он примелькался, его полюбили. А любовь режет души людские без всякой жалости, не встречая сопротивления.

Фельдфебель Сепп благоволил юродивому мальчишке сильнее прочих; если ротный колдун выдержал первый, самый страшный натиск чужой воли, то рыжеусый служака сломался под этим напором, будто гнилая ветка. Рука фельдфебеля легла на рукоять заткнутого за пояс пистоля, и тогда каноник Йохан грузно шагнул к поработанному потусторонней сущностью мальцу и врезал ему наотмашь мясистой ладонью.

— Изыди!

Низкий голос прокатился по поляне гулким эхом, одно короткое слово своим яростным напором расколото эфирное поле и отшвырнуло Руне на добрый десяток шагов. Одержимый мальчишка рухнул на землю и покатился к лесу по склону холма. Колдовская схема разом погасла и перестала расчерчивать запекающуюся плину кроваво-красными огнями, а противоестественный натиск чужой воли пропал, прекратив насиловать сознание людей.

На миг показалось, будто мир замер в хрупком равновесии и все еще может обойтись, а потом фельдфебель Сепп спустил курок, и брат Даан рухнул с простреленной грудью.

Ангелы небесные! Кровь по праву считается мощнейшим колдовским ингредиентом, она и без всякого волшебства, пролившись, связывает людей крепче стальных кандалов. Расплескалось алое по земле — и все, пути назад нет.

На кузнице жажнуло, пуля угодила в кирасу фельдфебеля, но ударила под углом, и потому не пробил доспех, а соскользнула, лишь опрокинув человека на спину. Падение уберегло Сеппа от второго выстрела. Земля взметнулась рядом с его головой, командир роты шустро откатился в сторону и метнулся вслед за Руне.

Я практически услышал беззвучную команду демона «пли», перекинул жезл в левую руку и, едва не разрывая связки и сухожилия, вспорол эфирное поле круговым движением, зачерпнул при этом столько силы, сколько только смог. Магистр Тедер зеркальным отражением повторил мой жест, и два потока сырой силы сплелись

вокруг нас в непроницаемый купол. Выпущенные с верхнего этажа кузницы болты не поразили ротного колдуна, зависли в воздухе, и точно так же защита не дала убить меня арбалетчиком с вершины холма. Они даже не попытались этого сделать, словно видели перегородивший незримую стихию полог.

Брата Стеффена прикрывал угол кузницы, и одержимые стрелки избрали своими целями вскинувшего над головой руки каноника Йохана и перезаряжавшего арбалет кучера. Три болта ударили в них и сбили с ног. Ловчий миг смотрел на меня, а потом ухватил за ворот Фалька-старшего и затащил его в дверь. Мне о таком оставалось только мечтать. Хорошо еще, что в надстройке второго этажа хватало дыр, и братья-герхардианцы обстреляли арбалетчиков, заставив тех убраться с вершины холма, укрыться за камнями и в кустах.

Я остался один на один с ротным колдуном. Мы не готовились к поединку; все, что у нас было, — это наши жезлы, знания да бурливший вокруг эфир. Дерьмовейший расклад!

Волшебная палочка противника закружилась в ажурном плетении, вырезанные на ней символы засветились оранжевым сиянием, словно дерево начало тлеть изнутри. Магистр Тедер не собирался терять время попусту!

Наиболее эффективное боевое заклинание, которое я знал, основывалось на четырех витках, двух дугах и семи весьма непростых узлах. Оно выжигало из попавшего под удар человека саму жизнь, вот только любой колдун без особого труда мог развеять его одним движением жезла. Дуэльные чары были намного коварней, их плетение требовалось оттачивать на протяжении долгих месяцев, да и сокрушительная мощь армейской волшбы, буде к ним прибегнет ротный колдун, далеко превосходила мои весьма посредственные ныне способности к чародейству.

В честном поединке рассчитывать на успех не приходилось, и потому я шагнул вперед и лихо крутанул жезлом, даже не пытаясь хоть как-то замаскировать свои намерения. Магические формулы засияли расплавленным серебром, захватили эфир и соткали его в безыскусный сгусток призрачного огня.

Получай! И еще! И снова! Быстрее! Сырая сила могла лишь жечь и рвать, непреодолимой преградой для нее стал бы любой защитный амулет, не говоря уже об истинных святых реликвиях. Атаковать

подобным образом опытного заклинателя мог лишь глупец, но ничего иного мне сейчас попросту не оставалось. Действуя на пределе своих невеликих умений, я творил одно примитивное плетение за другим, швырял их в магистра Тедера и беспрестанно продвигался вперед.

Небрежным движением Тедер отбил мой первый бросок и вновь вернулся к сотворению своей предельно сложной формулы, но я тут же хлестнул его сплетенным из эфира жгутом, намереваясь если и не перерубить надвое тело, то хотя бы разорвать ауру. Ротный маг резким горизонтальным махом жезла рассек полупрозрачную полосу и вновь не стал бить в ответ, продолжив плетение чар. Он все поставил на одну карту и отказываться от своих планов не собирался.

А я набрал хороший темп, сила текла через меня бурным потоком, очередная атака получилась на удивление мощной. Шар разогретого эфира мог испепелить любого простеца, но магистр Тедер выставил щит, и клякса жгучего пламени скользнула по нему, прошла стороной. Смертоносное заклинание прожгло дыру в накрывшем нас куполе и унеслось дальше, чтобы миг спустя исчезнуть в яростном всполохе беззвучного взрыва.

В голове зашумело, а по левой руке пробежались первые предвестники боли, но это уже не играло никакой роли. Противник потерял еще пару драгоценных мгновений, и теперь нас разделяло меньше полдюжины шагов!

Выведенная Тедером вязь символов вдруг ослепительно вспыхнула и прожгла щели в пространстве, а затем перекрутила его и сложила в щерившийся смертоносными шипами шар. Мой оппонент откровенно перестарался: созданные им чары могли разнести даже кузницу, а попавший под их удар человек и вовсе испарился бы, враз перестал существовать.

Силовое плетение пробило бы любой выставленный на скорую руку полог; мне было не под силу ни развеять его, ни отклонить. Не стал и пытаться.

Шпага выскользнула из ножен и, продолжая это движение, я распластался над землей в отчаянно глубоком выпаде. Угодившее в грудь противника острие скрежетнуло о ребра, и клинок начал выгибаться, а потом вдруг провалился в тело сразу на ладонь. Магистр Тедер дрогнул и закашлялся, изо рта его хлынула кровь. Смертоносные чары мигнули и распались.

Удел ротных колдунов — всю свою службу прикрывать солдат от поползновений вражеских заклинателей да с безопасного расстояния крушить чужие позиции. Тедер мало что понимал в колдовских поединках один на один и просто-напросто не ожидал такого коварства от университетского белоручки. Наверняка полагал, будто магистр Вселенской комиссии станет чтить общепринятый кодекс чести, коим в магических поединках руководствовались школяры. А я не стал. На войне правил нет.

Магистр Тедер упал на колени и скорчился, но почти сразу дрогнул и выпрямился. Глаза его стали мертвыми и одновременно слишком уж живыми. Зубы обнажились в злобном оскале, а руки, пусть пока еще неуверенно, зашарили по земле в поисках оброненной волшебной палочки. Он восстал! Восстал из мертвых!

Неуспокоенный колдун мог наделать бед, и я не колебался ни мгновения. С ходу ударил шпагой по горлу, а после заставил себя позабыть об усталости и крутанул жезл, сплетая тонкую эфирную нить. Та захлестнула шею, и я одним решительным рывком обезглавил противника.

Созданный слиянием наших сил защитный купол растаял, висевшие в воздухе арбалетные болты попадали на землю. Пригнувшись, я метнулся к входу в кузницу и не добежал, растянулся на земле. За ногу ухватил кучер, через тело которого мне пришлось перескочить по пути в укрытие. Костлявые пальцы вцепились в штанину и потянули обратно, тогда я со всего маху приложил каблуком по оскаленному рту, рывком высвободился и устремился дальше на четвереньках, даже не пытаюсь подняться на ноги.

Макс на пару с ловчим рывком втянули меня в дверь, и в спину тут же угодил брошенный кучером арбалет. Оружие ударило меж лопаток с такой силой, что от увечья уберегла лишь поддетая под камзол кольчуга; я по инерции пробежал еще несколько шагов и тяжело навалился на стену. Ладно хоть самострел был разряжен, от болта в упор не спасет даже кираса...

Тут через порог метнулся кучер, и один из засевших на втором этаже братьев выстрелил через люк; мой преследователь рухнул на колени с пробитой макушкой. Но не умер. Он и до того уже был мертв.

Под страшный хруст позвонков спина покойника начала изгибаться, и Стеффен со всего маху врезал по горбу крепко сбитым табуретом. Во все стороны разлетелись деревянные обломки, кучер растянулся на полу, и на подмогу нам по шаткой лестнице скатился один из братьев-герхардианцев. Несколькими яростными ударами фальшиона он отделил голову неупокоенного от тела, и кучер наконец затих.

Тогда ловчий без промедления перескочил через мертвеца, захлопнул входную дверь и заложил ее брусом. Сразу стукнуло, и меж досок проклюнулось стальное острие арбалетного болта.

— Выродки! — не удержался брат Стеффен от крепкого словца.

Я без сил рухнул на пыльный топчан, кинул рядом жезл и окровавленную шпагу, заставил себя задыхаться размеренно и неторопливо, дабы хоть немного унять лихорадочное сердцебиение. Звуки стихли, навалилась ватная тишина, во всем мире остался лишь звон в ушах. И слабость, одуряющая слабость.

Макс вон Сюйд подошел к обезглавленному кучеру и снял у того с пояса кожаный колчан на дюжину болтов, затем поднял валявшийся рядом арбалет.

— Что здесь происходит?! — потребовал он объяснений, вооружившись.

Братья проигнорировали его выкрик, оттащили мертвеца к входу и подперли им дверь. Отрезанную голову небрежным пинком закатили в угол, а так и валявшегося в беспомощности Ивара Фалька уложили на топчан рядом со мной.

Макс надулся, будто жаба, но перехватил недобрый взгляд ловчего и проглотил уже рвавшиеся с языка ругательства. Стеффен криво усмехнулся, оттер ладонью забрызгавшую бороду кровь и с непостижимым спокойствием спросил:

— Одержимых никогда не видели, сеньор вон Сюйд?

Слова эти прозвучали столь буднично, что оставалось лишь позавидовать выдержке ловчего.

Одержимые? О да! Не было никакого древнего артефакта, да и некроманта не было тоже. Демонолог. Нас почти провел демонолог.

Глава 7

1

Слова герхардианца буквально повисли в воздухе, порученец архиепископа какое-то время осмысливал их, затем шумно сплотнул и признал:

— Не доводилось...

Брат Стеффен кивнул с таким видом, словно принял невысказанное напрямую извинение, и коротко изложил свое видение ситуации:

— Нечто из запределья проникло в племянника этой падали. — Он легонько пнул под ребра уложенного на топчан Ивара Фалька, который так и не пришел в сознание после удара жезлом по голове. — Демон взял под контроль солдат, и скоро они придут за нами. Я ничего не упустил, магистр?

Слабость понемногу начала отпускаться, на смену ей пришло выматывающее жжение в левой руке. Пропитка из настоя корня мандрагоры не стала панацеей, столь яростный выброс силы оказался для моего эфирного тела чрезмерным. Впредь стоило действовать более... тонко.

— Магистр! — повысил голос брат Стеффен. — Вам есть что добавить к моим словам?

Я вытер с лица липкий пот и достал из подсумка футляр с пистолями, после этого сказал:

— Полагаю, был проведен ритуал вызова некоей сущности, но тело мальчишки не смогло вместить всю ее мощь. Тварь выжгла часть души Руне, а после убралась до поры до времени в запределье. Не знаю точно, что случилось в ночь нападения на деревню, только Фальк не поднимал мертвые тела. Это сделал демон, призвав в наш мир своих вассалов.

Ловчий еще раз пнул Ивара Фалька, тот даже не пошевелился.

— Мы приняли демонолога за некроманта. Непростительная ошибка. — Стеффен поднял голову и повысил голос. — Как там у вас?

— Никого не видно! — отозвался со второго этажа один их братьев. — Брат Даан и каноник недвижимы. Демон не коснулся их.

Макс подошел к заколоченному окошку, посмотрел в щель.

— Ушли? — предположил он, оценив обстановку.

Стеффен зло рассмеялся.

— Ну уж нет, так просто эта тварь нас не выпустит. Знает, что иначе найдем и затравим!

Я рассовал пистолы за пояс, присмотрелся к Ивару Фальку. Бледность постепенно оставляла его лицо, щеки понемногу розовели, проявилось хриплое дыхание. Удар жезлом по затылку оказался чрезмерно силен, но все же не прикончил чернокнижника. Это радовало.

— Демонолог? — повторил я вслед за ловчим и с сомнением покачал головой. — Сомневаюсь. Призвать потустороннюю сущность может любой простец, достаточно знать нужное имя. Демон услышит, демон придет. Но одно лишь знание имени не поможет обуздать обитателя заповедья, для этого нужны знания и железная воля. А у этого выродка эфирное поле, как размазня! Он не практиковал как минимум несколько лет!

— И что тогда? — нахмурился брат Стеффен.

— Скорее всего, гримуар и в самом деле достался Фальку случайно, — предположил я. — Думаю, этот прощельга вознамерился вызвать кого-то себе в услужение, а поскольку силенок справиться с демоном ему не доставало, он решил схитрить и заточить его в теле племянника. Есть способы превратить тело смертного в ловушку для таких существ, но хитрая бестия лишь коснулась пацана, не став выбираться из заповедья. План Фалька отправился псу под хвост.

— Уверены, магистр? — прищурился брат Стеффен. — Если та тварь целиком здесь и сейчас, может ли Фальк ею управлять?

Я покачал головой.

— Не думаю, что демон выбрался из заповедья. В этом случае тело Руны претерпело бы необратимые изменения, а этого не произошло. Мальчишка будто перчаточная кукла, не более того. Нам бы отрезать его от потусторонней стихии, но как это сделать — не знаю. Подозреваю, со столь мощной сущностью это попросту не работает.

— Уверен? — огорчился Макс.

— Есть кое-какой опыт в подобных делах, — кивнул я и тут же о своем опрометчивом жесте пожалел. Вновь закружилась голова.

Но да, я был уверен. Мне до сих пор иногда снилась тронутая разложением физиономия Акселя Хольма — школяра, который наивно полагал, будто сумеет обмануть всех и каждого.

— Нужно выяснить имя! — решил Стеффен.

— Сумеете провести обряд экзорцизма? — усомнился я, поскольку одно лишь имя не могло дать над демоном полной власти.

— Даже если не изгоню тварь в заповедье, то разрушу ее власть над умами людей, — ответил ловчий и повысил голос: — Ищите книгу! Она может быть где-то здесь! — После он посмотрел на меня: — Магистр, сможете прикрыть нас?

Я вытянул перед собой левую руку, ладонь мелко дрожала, пальцы ходили ходуном.

— Если только с поисками книги, — не удалось удержаться мне от горького смешка.

Ловчий досадливо выругался и посмотрел на Макса.

— Разожгите очаг, сеньор, и начинайте искать фолиант! — потребовал он и пнул под ребра Ивара Фалька. — А я попробую разговорить нашего друга...

Стеффен недобро улыбнулся, собрал ножки разлетевшегося на части табурета и принялся затачивать их кинжалом.

С потолка посыпалась пыль, наверху что-то зашуршало и заскрежетало; братья приступили к поискам с немалой основательностью. Нижнее помещение было разделено каменной стеной на две неравные части, меньшую комнату завалили каким-то хламом, и, ко всему прочему, в том закутке не было ни одного окна, а потому если где и обустроили тайник, то именно там.

Макс разломал сиденье табурета, сложил обломки в очаг и после нескольких неудачных попыток все же развел огонь. Затем он соорудил некое подобие факела и ушел обыскивать темную комнатку. Я же остался сидеть на топчане. Мне попросту не доставало уверенности, что сумею устоять на ногах. Те были словно ватные, да еще никак не удавалось отдышаться — мертвым грузом давила отравленная миазмами заповедья атмосфера. А вот боль в левой руке понемногу отступала, вызванное настойкой корня мандрагоры онемение оказалось сильнее магического отката, и это не могло не радовать.

В отличие от меня, Стеффен не сидел без дела. Для начала он вбил колышки в засыпной пол и уложил между ними Ивара Фалька, затем закрепил руки и ноги пленника цепями кандалов и обрывками невесты где раздобытой веревки.

— Так или иначе, но мы узнаем имя этой гадины, — сказал ловчий, выпрямившись, и у меня от его тона по спине пробежались мурашки.

Узнаем, да. Ловчий вырежет это знание из чернокнижника. Если понадобится, вырвет его с потрохами. Весь вопрос в том, даст ли нам демон на это время...

2

Поиски результатов не принесли.

— Пусто! — послышалось минут через пять со второго этажа.

Двое братьев остались присматривать за округой, третий присоединился к Максусу, но тот уже и сам вышел из каморки, с ног до головы перепачканный пылью и паутиной.

— У меня тоже ничего, — покачал он головой.

Один из герхардианцев немного потоптался вниз и вновь поднялся в надстройку, а ловчий перестал подбрасывать в очаг щепки, вернулся к чернокнижнику и отвесил ему одну за другой пару крепких оплеух. Фальк заворочался, выгнулся, зашелся в приступе сухого кашля. Тяжелая ладонь легла ему на грудь и придавила к полу.

— Ивар! — Стеффен склонился над обездвиженным арестантом и ласково улыбнулся. — Поговори с нами, Ивар!

— Что... — прохрипел чернокнижник. — Что происходит?

Ловчий надавил на грудную клетку, и Фальк засипел, разинул рот, не в силах наполнить легкие воздухом.

— Где книга? — спросил я, не вставая с топчана. — Где тот драный гримуар?

Вопрос поставил чернокнижника в тупик, он растерянно заморгал, облизнул губы и на пробу попытался подтянуть себе руки, но нисколько в этой попытке не преуспел.

— Спросите у Руны... — начал было Ивар, и тут же ловчий со всей силы врезал ему под ребра.

Фалька выгнуло, он взвыл от боли, закашлялся и забился в путах. Брат Стеффен зажал его голову в ладонях и потребовал:

— Не играй с нами!

— Я не знаю... Не знаю, где книга... Честно... — прохрипел чернокнижник, но ловчий не собирался тратить время попусту. Он отошел к очагу и принялся нагревать над огнем зловещего вида нож.

— Станем его резать, истечет кровью. А так сразу и рану прижжем, — как-то совсем уж буднично сказал брат Стеффен, когда клинок начал светиться алым.

— Не надо! — взмолился Фальк. — Я не понимаю, что происходит! Не знаю, где книга! Это Руне привел нас сюда!

Ловчий встал над арестантом, продемонстрировал нож и потребовал:

— Начинай говорить правду!

Чернокнижник забился, зазвенел кандалами и выкрикнул:

— Я ничего не знаю! Я не виновен!

Но он лгал. Знал. Был виновен. Просто тянул время.

— Видят небеса, ты сам напросился, — вздохнул брат Стеффен, опускаясь на колени.

Фальк тоненько взвизгнул, а потом закричал так, что заложило уши. Шипения я не расслышал, но по кузнице моментально разошлась вонь горелой плоти.

Мне стало не по себе, а вот Макс вон Сюд даже не поморщился. Он следил за экзекуцией со столь бесстрастным видом, словно подобное зрелище было ему не в новинку. Да, наверное, и не было.

— Где книга? — повторил я вопрос, прижав к носу рукав камзола.

Чернокнижник меня не услышал, он тихонько выл, по лицу катились слезы. Ловчий вновь отошел к очагу и прикрикнул:

— Отвечай, мразь!

— Не знаю! — простонал Фальк. — Это все Руне...

Я вздохнул и спросил:

— Ты хоть понимаешь, что тебя сейчас порежут на куски, Ивар?

Арестант поднял голову и посмотрел на меня слезящимися глазами.

— За что? — спросил он. — Я ничего плохого не сделал!

— А что ты вообще сделал, Ивар? — вкрадчиво поинтересовался я.

Брат Стеффен развернулся от очага с раскаленным клинком в руке; чернокнижник стрельнул на него глазами и глухим голосом произнес:

— Когда-то я занимался тайными искусствами, но несколько в них не преуспел. Был недостаточно одарен и усидчив. Пробавлялся торговлей. Будь проклят тот день, когда мне в руки попал злосчастный гримуар! Один ритуал обещал могущество, власть над людьми. И я не устоял...

— У меня аж слеза на глаза навернулась, — проворчал ловчий. — Что ты натворил, гад?

— Я полностью выполнил инструкции, но ничего не вышло, — всхлипнул Ивар. — Совсем ничего! Изменения проявились не сразу...

— Не сразу? — фыркнул я. — Племянник стал дурачком позже?

Фальк пошамкал губами и ничего не ответил.

— Что за тварь ты вызвал из заповедья? — напрямую спросил я. — С каким демоном заключил сделку?

— Я ничего не...

Договорить чернокнижник не успел; брат Стеффен склонился над ним и ткнул ножом, но на этот раз сразу выдергивать раскаленный клинок из плоти не стал.

Ивар взвыл и, срывая связки, прокричал:

— Инку-у-уб! Я вызывал инкуба!

Ловчий выпрямился и с отвращением произнес:

— Скормил твари собственного племянника? Ну-ну...

Фальк понял голову и ожег герхардианца ненавидящим взглядом.

— Недалекий моралист! — выругался он. — Руне и так родился дурачком! Подумай! Подумайте все, каково ему пришлось бы после моей смерти! А я дал ему шанс на нормальную жизнь! Руне еще не вошел в возраст, инкуб не мог овладеть им в полной мере! У меня оставалось несколько лет, чтобы обуздать демона!

Инкубы и суккубы лучше прочих обитателей заповедья обольщали слабых духом людей и овладевали их помыслами и разумом. Обычно даже опытные демонологи не рисковали связываться с этими изворотливыми гадинами — чересчур своевольными и хитроумными они были, слишком ловко манипулировали смертными. Рано или поздно слуга и господин менялись местами, и пожранная душа глупца навеки отправлялась в заповедье.

— Имя! — потребовал брат Стеффен. — Нам нужно имя!

Ивар Фальк ощерился в безумной улыбке и замотал головой.

— Нет...

И тут же со второго этажа раздался крик:

— Идут!

Звонко клацнули струны арбалетов, следом один за другим грохнули выстрелы; в люке за клубился пороховой дым. По доскам надстройки забарабанили болты, кто-то вскрикнул, слышались злые ругательства.

— Таран!

Предупреждение запоздало, миг спустя входную дверь сотряс страшный удар. Запорный брус сорвало, и лишь тело кучера помешало нападавшим ворваться внутрь всей гурьбой. В неширокий зазор им пришлось протискиваться по одному.

Брат Стеффен навалился на дверь плечом, не позволяя продавить ее еще больше, и вслепую ударил — раз! другой! третий! — кинжалом, но, судя по лязгу, клинок всякий раз попадал в кольчугу. Макс выстрелил из арбалета, и удачно: бородатый егерь с проклятием осел на пол. Порученец архиепископа обнажил шпагу и рубанул подранка по голове.

— В сторону! — рявкнул я и вскинул пистолы, целясь в рвавшихся внутрь одержимых.

Макс шустро отступил, два выстрела слились в один, кузницу заволокло пороховым дымом. Прوماхнуться с такого расстояния было попросту невозможно, кто-то завыл, кто-то упал. О да! От пуль никакая кольчуга не защитит!

Сквозняк потянул дым в щели; я вооружился шпагой и поспешил на помощь Стеффену, но атака уже захлебнулась. По доскам второго этажа так и продолжали постукивать арбалетные болты, а вот егеря отступили, не сумев с ходу ворваться внутрь. Раненых они уволокли с собой, на земле в луже крови остались валять три мертвеца.

Валяться?! Одно за другим тела зашевелились, задержались, начали подниматься на четвереньки. Чужеродные сущности проникли в них, пожрали последние крохи тепла, превратили в безвольные орудия.

— Святые небеса! — невольно вырвалось у меня, но братья опередили нежить, хором затянув церковный гимн.

Голоса их сплелись, наполнились мощью и ударили молитвенным молотом, развеивая эманации запределья и вышвыривая из нашей реальности демонов, не успевших толком овладеть покойниками и перекроить под себя их плоть. Мертвые егеря повалились на землю.

Стеффен закрыл дверь, для надежности мы придавили ее топчаном и принялись стаскивать туда же всяческий хлам. И все это — под молитвенные песнопения братьев, большей частью мне совершенно непонятные. Неплохое знание письменного староимперского помогало разобрать лишь одно слово из трех.

«Воля к противлению злу»? Возможно, что и так.

Голоса гулко отзывались в голове, невесть с чего закололо сердце, захотелось зажать уши ладонями. Но сдержался конечно же. А тут и братья наконец умолкли. Мертвецы остались недвижимы; герхардианцы принялись рубить им головы и перетаскивать к входу. Крови при этом натекло на пол сверх всякой меры.

Я оценивающе встряхнул медную пороховницу и принялся перезаряжать пистолы. В люк со второго этажа выпянул брат-стрелок, из-под свободного рукава черно-красного сюрко выпядывала наложенная на бицепс повязка.

— Все целы? — спросил он.

— Да! — отозвался Стеффен и, в свою очередь, поинтересовался: — Сильно зацепило?

— Царапина.

Макс убрал шпагу и кинжал в ножны, спросил:

— А инкуба так изгнать не сможете?

Ловчий помрачнел.

— Если захватим пацана, изгоним. Но не навсегда, только на время.

— Мы его не захватим, — вздохнул я, выпядывая на улицу через щель в досках.

Любая попытка прорваться закончится тем, что нас перебьют засевающие в кустах арбалетчики. Да и егерей остается в избытке; сунемся наружу — порубят.

— Захватить не захватим, — согласился со мной Макс и криво ухмыльнулся. — А если убить?

Стеффен рассмеялся.

— Что порождению запределья раны смертной плоти? Без имени нечистого нам не обойтись.

И наши взгляды сошлись на Иваре Фальке. Тот задергался, забился, отчаянно завыл, будто угодивший в капкан дикий зверь. Пустое! Ни

вырваться, ни разжалобить нас у чернокнижника, скормившего демону душу собственного племянника, не было ни единого шанса.

Крики. Вонь паленой плоти. Хрип. Ивар Фальк оказался крепким орешком. Внезапное нападение одержимых подарило ему надежду на скорое избавление и вдохнуло новые силы. Он наивно полагал, будто инкуб кровно заинтересован в его спасении, а сверхъестественные способности демона исцелят его раны, надо лишь немного продержаться, еще чуть-чуть потерпеть. И он терпел. Драл плотку в безумных криках, плевался кровью и упорно не желал произносить заветного имени. Глупец!

Брат Стеффен планомерно превращал чернокнижника в обрубок, лишь отдаленно напомилавший человеческое тело. Ловчий действовал поспешно и неряшливо, но никто его в этом не упрекал. Я буквально чувствовал, как утекает сквозь пальцы время. Завладевший телом Руны инкуб не мог не осознавать, какую опасность представляет человек, знающий его истинное имя. Рано или поздно чернокнижник сломается, и тогда...

С улицы донесся раскатистый хлопок, а миг спустя над нашими головами что-то страшно треснуло, надстройка кузницы содрогнулась, и меж досок закапала, а затем и вовсе потекла алая кровь. Ангелы небесные! Нас обстреляли из пушки!

Ловчий отступил от лившихся сверху струек и задрал голову.

— Кас! Гил! Вибе! — нервно крикнул он.

Будто в ответ на эти слова в люке показался забрызганный кровью брат-стрелок. Он спешно прыгнул вниз, следом спустился один из арбалетчиков. И все.

— Вибе не повезло, — сказал стрелок, оттирая с лица чужую кровь.

— Уложило наповал, — подтвердил его собрат и выдернул торчавшую из щеки щепку. — Нас с Гилом чудом не зацепило.

Я подбежал к лестнице и предупредил:

— Держитесь подальше от двери и окон!

Каменная кладка первого этажа выглядела надежной, но удачное попадание в оконный проем способно наделать много бед.

— Не стоит туда лезть! — предупредил меня Гил.

— И не собираюсь! — уверил я стрелка, поднялся на несколько шатких перекладин и, высунув голову из люка, осмотрелся.

Первое, что бросилось в глаза, — это изуродованное тело. Жуткая рана продолжала кровоточить, в красном месиве проглядывало белое крошево ребер. Торс бедолаги едва не разорвало надвое.

Я перевел взгляд на стену и увидел, что одну из досок вырвало, а измочаленные соседние топорщатся забрызганной кровью щепой. В противоположной стене виднелось отверстие, в которое прошел бы кулак, его окружала целая россыпь дыр поменьше. Судя по характеру повреждений, стреляли виденным мной зарядом из полуфунтового ядра и мушкетных пуль.

Вновь грохнуло, и почти сразу доски над моей головой взорвались тучей щепок. Заряд выбил сразу две доски и прошил надстройку, изрешетил заднюю стенку.

От неожиданности я чуть не сверзился вниз, лишь чудом удержался на лестнице и поспешно ретировался. Второй этаж был для нас потерян безвозвратно. Всякий, кто решит занять там позицию, очень скоро распрощается с жизнью, словив добрую порцию картечи.

Тут в третий раз гроыхнула пушка, и на этот раз сеньор фейерверкер умудрился уложить двухфунтовое ядро точно в окно. Чугунный шар снес доски, пропахал засыпной пол и едва не разломал очаг.

Пришлось перетаскивать чернокнижника в безопасный угол. От вбитых в землю колышков отказались, но в них уже и не было нужды: теперь Ивар Фальк мог лишь стонать да истекать кровью. Брат Стеффен с ним больше не церемонился и разве что кишки на руку не мотал. Смотреть в ту сторону не хотелось.

Я многое повидал за время службы в Сизых псах, и чем дальше, тем больше происходящее напоминало Лавару. А ведь давал зарок, что никогда — никогда-никогда! — не позволю себе очутиться в подобной ситуации впредь. Вот же дерьмо!

Брат-стрелок плянул в окно и быстро отступил в сторону. Движение не осталось незамеченным, влетевший в кузницу болт ударил в стену и отскочил в темный закуток.

— Что там? — спросил Макс, не решаясь последовать примеру герхардианца.

Вместо этого он попытался вернуть на место сорванные прямым попаданием доски. Те, которые не расщепило ядро.

— Пушка на той стороне лога, шагах в трехстах, не больше, — сообщил Гил и принялся расстегивать застёжки кожаного чехла. — Фельдфебель что-то о просеке говорил, видно, по ней и привезли.

Очередное ядро ударило под потолок, стены дрогнули, но каменная кладка выдержала попадание, лишь посыпалась на головы пыль. Стрелок вынул из чехла непривычно короткий мушкет, засыпал порох и достал из подсумка пулю — не обычную круглую, а скорее напоминавшую усеченный с одного конца желудь. С задней стороны у нее была глубокая выемка.

К моему удивлению, пуля вошла в ствол без всякого сопротивления, и Гилу даже пришлось забивать сверху матерчатый пыж, дабы она случайно не вывалилась обратно.

— К чему это? — удивился я, когда он присел у лестницы в ожидании очередного выстрела пушки. — Триста шагов — слишком много для мушкета!

Стрелок зло осклабился.

— Только не для штуцера. И расстояние все же чуть меньше. Достану.

— Попробуй уложить фейерверкера, — посоветовал я.

Кузница содрогнулась от нового попадания, на сей раз ядро скользнуло по каменному косяку и вышибло верхние доски входной двери.

Гил моментально забрался на второй этаж, затаился там, высматривая жертву, а после выстрела спрыгнул вниз за миг до того, как по доскам застучали арбалетные болты.

— Готов! — с гордостью объявил брат, принимаясь за перезарядку штуцера.

Ответ прилетел незамедлительно — по надстройке хлестанул заряд картечи.

Ивар Фальк кричал уже просто безостановочно, в воздухе клубился пороховой дым и висела пыль. Мы словно очутились в заповедье, и были все шансы, что очень скоро окажемся там и в самом деле, без всяких «словно».

Брат-стрелок вновь выбрался на второй этаж, но после выстрела вернулся изрядно раздосадованный.

— Они откатали пушку в кусты. Теперь придется бить наугад.

Дуэль двухфунтового орудия и мушкета? Уверен, что заранее угадаю победителя...

Очередное попадание вновь пришлось в простенок между дверью и окном, и на этот раз кладка едва не обвалилась, даже зашаталась крыша.

— Магистр! — крикнул брат Стеффен. — Сделайте что-нибудь! Мне нужно время!

Я помянул недобрым словом всех демонов запределья вместе взятых и прямо на земле в глухом углу несколькими быстрыми росчерками ножа начертил схему, призванную усилить связь с незримой стихией. Будь жив магистр Тедер, никогда бы не пошел на подобный риск, ну а так имелись все шансы не только остаться после разведки в живых, но и разузнать необходимые сведения.

Мои силы после колдовского поединка еще толком не восстановились, поэтому в транс я погружался осторожно и без всякой спешки. И столь же едва уловимо наливался неведомыми простецам цветами пыльный сумрак кузницы. Отголосок нового удара донесся будто из иной реальности, сознание оттолкнулось от тела и скользнуло в незримую стихию. Точнее, нырнуло. Эфирное поле рвал жесточайший шторм, порожденный эманациями запределья, отголосками демонического присутствия, молитвенными песнопениями братьев и агонией погибших в схватке людей. Хаос!

Меня закрутило и швырнуло в неведомую бездну, лишенную направлений и расстояний. Там не было ни маяков, ни ориентиров, и на миг я уподобился жертве кораблекрушения, утянутой водоворотом на глубину и потерявшей всякое представление, где находится верх, а где низ.

Четки! Стиснутые в кулаке четки святого Мартина пробились через буйство незримой стихии, позволили сориентироваться в беспрестанно меняющейся реальности и начать движение вперед. Только вперед ли? Обычные чувства не могли подсказать, на какое расстояние мне удалось продвинуться, и вновь начала накатывать паника. Тут рывкнула пушка, и совсем неподалеку мелькнул отсвет охранных формул, нанесенных на ее бока. Мир враз стал предельно понятным, сознание устремилось на свет, выискивая по соседству

отголоски чар, наложенных на зарядный ящик, но тщетно. Ни отблесков, ни ледяного жжения — ничего.

Я бы расплакался от досады, только духи не плачут. К тому же пусть оловянные символы и станут легкой добычей, но, прожигая и плавя их, я неминуемо выложусь до последней капли эфира и после не сумею пошевелить ни рукой, ни ногой. А так просто придется действовать тоньше. Жаль только, времени на эту волшбу уйдет несравнимо больше...

Понемногу, постепенно я начал выплывать из транса, но направление на оружие не упустил и сразу сделал на земле пару зарубок, отмечая нужную линию.

— Ну что? — встревоженно спросил меня Макс. — Справишься?

— Будет непросто, — признал я и вздрогнул, когда от удачного — для них, не для нас! — попадания из кладки вывалилась здоровенная каменюка. Крыша заметно перекосилась.

Лишенный командира расчет снизил темп стрельбы и время от времени допускал промахи, но кардинально убийство фейерверкера ситуацию не изменило.

Стеффен отвлекся от чернокнижника и резко бросил:

— Поторопитесь! Если рухнет стена, они возьмут нас голыми руками!

Я ничего не ответил и глянул в люк, пытаясь определить положение солнца. Крыша зияла прорехами, одну из них заливало нестерпимое сияние. Сделав на полу очередную пометку, я начал строить сложную схему, для которой требовалось связать в единое целое два десятка различных факторов: направление на цель и расстояние до нее, положение солнца, а желательно, и луны, отклонения от осей север — юг и запад — восток, способ нанесения и тип защитных формул, габариты орудия, используемый пороховой заряд, калибр и кучу всего еще.

Проведение ритуалов никогда не было моей сильной стороной, во время обучения подобные знания мало привлекали меня, но в Лаваре волей-неволей пришлось до предела отточить способы защиты собственных орудий и уничтожения вражеских. В этой области передо мной спасовали бы даже многомудрые профессора.

Ко всему прочему, сейчас не приходилось полагаться на ненадежных лазутчиков, пушку я видел собственными глазами и

потому с ходу отбросил идею усилить детонацию порохового заряда или повредить запальное отверстие. От подобного рода воздействия орудие было превосходным образом защищено. Но вот ядровый излет покрыть магическими формулами не удосужились, и это давало мне шанс в своем начинании преуспеть. Помимо всего прочего, пушка была нацелена прямо на кузницу, что делало угол приложения сил просто-таки идеальным.

Жахнуло! Чугунное ядро едва не угодило в окно, в стороны полетели обломки раздробленного камня. Я сторбился и углубился в расчеты. Удержать в голове все параметры не было никакой возможности, пришлось вычертить на земле таблицу и накидать в ее клетки условные значки, а попутно высчитать недостающие переменные.

Любая ошибка могла выйти боком, но времени на перепроверку уже не оставалось. Я забрал один из брошенных Стеффеном обрывков веревки, отмерил нужную длину и, пользуясь им будто циркулем, вычертил на полу круг. Затем вписал в него шестиконечную звезду, только не обычную, равностороннюю, а должным образом искаженную. Направленный на пушку треугольник был предельно вытянут, а второй, напротив, сильно сжат, его основанием стал радиус окружности.

Каждую из вершин я, не обращая внимания на косые взгляды братьев-герхардианцев, пометил кровью, коей было залита добрая половина кузницы, а затем опоясал окружностями поменьше. После базовой схемы пришел черед стены. На камнях требовалось изобразить спираль, и возникла нужда не только высчитать нужное количество витков, но и кропотливо выверить их размеры. Добиться нужного результата на неровной кладке получилось далеко не с первого раза, да еще угли крошились и разламывались в самый не подходящий для того момент.

Ангелы небесные! Это не в университетских аудиториях на доске схемы выводить!

Магический жезл для отрисовки символов на земляном полу не годился, на помощь пришел нож. Уже после этого я прорезал эфир волшебной палочкой и напитал схему энергией. Когда закончил, левую кисть охватило нестерпимое жжение, пальцы едва шевелились, из носа потекла струйка крови.

Очередное ядро перебило балку, и крышу окончательно перекосило, но я не обратил на это никакого внимания и скользнул сознанием в незримую стихию. На этот раз буйство эфирных полей отступило, созданная мной схема создала малый островок стабильности. Ее линии горели пронзительно-синим огнем, да еще ядовитым багрянцем полыхали помеченные кровью вершины звезды. Вписанные в малые окружности символы обрели объем и принялись кружиться, создавая вокруг узловых точек дополнительные барьеры. А спираль...

Выведенный мной рисунок вытянулся и начал вращаться, призрачным штопором ввернулся в пространство и пополз к пушке с размеренностью скользящего по воде ужа. Направление и расстояние оказались рассчитаны идеально, спираль пронзила медь ядрового излета, не затронув витками магических формул на дульном срезе и не дотянувшись до основной защиты второго уступа. Ствол оказался перегорожен дюжиной силовых нитей — невидимых и нематериальных, но чрезвычайно прочных, — и тогда я порезал ножом правую руку и окропил своей кровью вершины гексаграммы, активируя и подчиняя энергетические узлы схемы.

Но это была лишь половина дела. Всякий образованный человек знает, что сила действия равна силе противодействия, и магия не может изменить этот принцип мироздания, она лишь удобный инструмент, и не более того. Попробуй остановить заклинанием пушечное ядро, и, если не предпримешь должных мер предосторожности, откатом тебя попросту разорвет надвое, а малейшая ошибка в расчетах будет стоить головы. Смертью закончится даже излишняя кривизна спирали, пусть ты и пытаешься противодействовать всего лишь двухфунтовому оружию.

Всего лишь, о да!

Неведомым образом я уловил жар полыхнувшего порохового заряда, а потом ядро коснулось первого витка моей силовой спирали, легко продавило энергетическую нить и понеслось дальше, превратив ее в звенящую от напряжения струну.

Дальняя вершина гексаграммы вспыхнула, земля враз запеклась и пошла трещинами. Второй виток под напором чугунного ядра растянулся столь же легко, и сразу полыхнула огнем следующая пара энергетических узлов. Но, в отличие от предыдущего, они не

перегорели, лишь начали смещаться в мою сторону по окружности, сминая треугольник и распределяя отдачу по всей схеме. Я почувствовал давление, будто в грудь уперлась призрачная рука.

Пороховые газы продолжали толкать ядро, спираль растягивалась и вибрировала, пространство искривлялось, одна за другой загорелись остальные вершины. Усиливавшие их круги понемногу деформировались и сплетались друг с другом. Исчертившая засыпной пол сложнейшая схема трансформировалась и сминалась, принимая напор магического отката.

А потом звезда погасла, и сгустившийся эфир ударил меня в грудь, протащил по земле к противоположной стене, вдавил в шершавый камень, но, прежде чем треснули ребра, давление вдруг пропало. Дрогнула земля, качнулись стены, и до нас донесся тугой отголосок взрыва.

Да! Заклинание заперло ядро в стволе, стенки пушки не выдержали напора пороховых газов, и ее разорвало. Ее! А могло ведь и меня...

Я хрипло выдохнул, выпуская из легких воздух, и повалился на пол, скорчился и замер, дожидаясь, когда отпустит дурнота. А та никак не желала уходить, голова кружилась, пот лил ручьем. Мне было плохо. И немудрено! Еще бы немного — и размазало по камням! Как видно, в расчеты все же закралась небольшая неточность...

Макс присвистнул от изумления.

— Филипп, да ты просто...

— Тихо! — рявкнул вдруг брат Стеффен, склонился к самому лицу изрезанного чернокнижника, выслушал едва различимый шепот и пообещал: — Да! Назови имя демона, и все закончится! Клянусь!

Ивар Фальк засипел, в горле его заклокотало, а потом в полной тишине что-то глухо ударило по крыше. И тут же из люка выпал и закрутился на полу под шипение запальной трубки рифленый чугунный шар!

Брат Гил шагнул было к ручной бомбе, но в окно тут же забросили еще один смертоносный подарок, а следом что-то подозрительно стукнуло у входной двери.

Порученец архиепископа отпрыгнул от чернокнижника и рявкнул:

— За стену!

По пути Макс ухватил меня за ворот и затащил за собой в комнатуху без окон, тут же споткнулся и повалился сверху, а следом к нам ввалились герхардианцы. Два взрыва слились воедино, потом гроыхнуло чуть тише, каменная кладка содрогнулась, принимая на себя ударную волну и осколки. В уши словно вставили восковые пробки, слышен был один только звон. И совсем ничего не было видно — все кругом заволокло едким дымом.

Гил с пистолями в обеих руках шагнул обратно в кузницу и пальнул по ворвавшимся в дверь егерям. Одного уложил наповал, а второго лишь ранил в плечо. Одержимый перебросил фальшион в левую руку и ринулся в атаку, но брат-стрелок уклонился от неловкого замаха, а подоспевший на подмогу Макс боковым ударом разрубил одержимому голову и сразу метнулся к сорванной с петель двери. Влетевший в окно болт разминулся с ним и угодил в грудь Гиля. Кольчуга оказалась пробита будто бумажная, герхардианец умер еще прежде, чем повалился на залитый кровью пол.

Ловчий с последним уцелевшим собратом бросились на помощь Максу, я тоже отсиживаться в каморке не стал и выбрался из-за стены. В голове стоял несмолкаемый звон, до боли напоминавший жужжание призрачных ос, а руки дрожали, но пара пистолей могла переломить ситуацию, медлить было нельзя.

За окном мелькнуло белое пятно лица, и я выстрелил. Плеснуло красным, но человек лишь покачнулся и устоял на ногах. Пришлось подступить к щерившемуся обломками досок проему и разрядить второй пистоль в спину ковылявшего прочь арбалетчика. Тот пошатнулся и распластался на земле.

Рубка у двери стихла; встретившие яростный отпор егеря предпочли в очередной раз ретироваться, не став продолжать штурм. Общими усилиями Макс и герхардианцам удалось худо-бедно завалить дверь досками, обломками топчана и обезглавленными телами.

После брат Стеффен привалился к стене и вдруг охнул.

— Спаси нас Вседержитель!

Я проследил за его взглядом и выругался. Пороховой дым почти рассеялся, открыв изуродованный взрывами труп Ивара Фалька. Имени демона он нам теперь точно не откроет.

Ситуация стала безвыходной. В голове безостановочно жужжали призрачные осы.

Глава 8

1

Прорыв отложили до заката. В сумерках меньше шансов поймать арбалетный болт, да и в темном лесу куда как сподручней играть в прятки со смертью. Не говоря уже о том, что после не самого простого ритуала мне требовалось хоть немного прийти в себя.

— Попробую укрыть нас в тених, — предложил я, не испытывая при этом никакой уверенности в собственных силах. — Не уверен, что получится, но попробовать — попробую.

— Почему тогда не дождаться ночи? — удивился Макс.

— Они и сами ждут ее, чтобы атаковать, — покачал головой брат Стеффен. — А в сумерках караульные будут не столь бдительны.

Пока же одержимых было не видно и не слышно. Демон не хотел попусту рисковать своим воинством, пополнить которое не так-то и просто, и нам оставалось только радоваться краткой передышке. Но радоваться не получалось.

Земляной пол пропитался кровью, и эта смердящая смертью грязь мерзко чавкала под ногами, да еще плотку и глаза драло от пороховой гари. Нестерпимо хотелось промочить горло и умыться, но воды у нас не было. Ни воды, ни еды.

Пить кровь и жрать мертвечину? Нет, до такого мы точно не дойдем. Не успеем потерять человеческий облик по объективным причинам: одержимые прикончат нас раньше. Еще пара атак, и просто не сможем отбиться. Сомнут. Да и не надо быть семи пядей во лбу, чтобы незаметно подкрасться и зашвырнуть внутрь ручную бомбу. С потерей наблюдательного пункта на втором этаже пропала и всякая возможность контролировать подходы к дому.

— Может, они ушли? — предположил Макс. — Не видать никого.

Брат Стеффен только фыркнул.

— Даже не надейся! Инкуб от нас не отстанет. Мы для него будто кость в плотке!

— С чего бы это? — нахмурился порученец архиепископа. — Фальк мертв, имя для нас потеряно. Мы больше не опасны для демона!

— Еще как опасны! — горько усмехнулся я. — Мы о нем знаем и неминуемо наведем на его след погоню. У твари земля под ногами гореть будет. Единственный выход — прикончить нас всех до одного. Тогда никто не докопается до истины. Никто не поймет, что здесь произошло.

Макс сплюнул и вновь отвернулся к окну, а брат Стеффен отдал перевязь и пистолы убитого стрелка Касу, мне же вручил штуцер. Я не стал отказываться от оружия, но по здравом размышлении решил, что идти на прорыв с мушкетом — идея не из лучших, и убрал его в чехол. Зброшу перед рывком за спину, а дальше видно будет. Глядишь, и пригодится.

И без того в нашем распоряжении четыре арбалета и столько же пистолей, да еще мои скромные таланты. Прорвемся. Наверное.

Меня до сих пор мутило, а жжение в левой руке особо и не начинало утихать. Заблокированную часть эфирного тела переполняла энергия; рабочая область, напротив, была истощена до предела, и этот дисбаланс ощущался уже физически. Водой бы себя окатить, но тогда точно морок наложить не сумею. Да и нет у нас воды. О чем вообще я? Святые небеса! Неужто бредить начинаю?

Какое-то время я всерьез раздумывал о том, не погрызть ли заготовку магического жезла. Рот наполнялся слюнями при одной только мысли о палке, пропитанной экстрактом корня мандрагоры. Но не стал. Сдержался. До заката оставалось еще несколько часов, успею и без столь радикальных мер справиться с силами.

Навести морок да выставить защиту против арбалетных болтов не так уж сложно, куда больше меня беспокоили мушкеты из сруба с пушкой. Пусть пока что одержимые в ход их и не пускали, всерьез уповать на забывчивость солдат не приходилось. С мушкетерами, будь они неладны, нам столкнуться еще предстоит. У меня сомнений в этом не было ни малейших.

Я вздохнул и принялся выстраивать в голове нужные схемы и подгонять их под свое нынешнее плачевное состояние. Стоило потратить время с умом и как следует все продумать, дабы свести к минимуму нагрузку на эфирное тело при грядущем наложении чар. Даже если придется усложнить схему — не страшно, успею провести все необходимые расчеты и приготовления. Должен успеть.

Морок, полог и маленький сюрприз для мушкетеров. На большее меня уже точно не хватит, да и так на следующие несколько седмиц придется о магических фокусах, от греха подальше, забыть. А то надорвусь. Тогда и мигрень на полгода вперед обеспечена, и ночь за ночью кошмары станут приходить. Да и беспрестанно ощущать, как впиваются в левую руку ядовитые жала призрачных ос, приятно мало. А неприятного — много. И это еще мягко сказано.

Эх, мне бы выжимку корня мандрагоры! Но чего нет, того нет.

Творить чары я ушел во вторую комнату. В голове к этому времени давно сложился должный порядок действий, но мало было соткать уже придуманные и продуманные заклинания, их еще требовалось удержать до того момента, когда в них возникнет нужда.

Жезлом я прорезал пространство и перекраивал эфир, вил силовые нити, выводил петли и затягивал узлы. Каждое новое плетение повисало на мне вполне ощутимым грузом, давило к земле, капля за каплей вытягивало и без того невеликие остатки сил. В голове стучало, в груди понемногу разгорался жар рукотворного солнца. Уколы боли отдавали в левое плечо все резче и резче.

Готовые чары — будто заведенная до упора пружина. Только ослабь хватку — и выстрелит. Ритуалистам безумно сложно контролировать уже сотканное плетение, а с моим ущербным эфирным телом это и вовсе сродни балансированию на канате с завязанными глазами. Меня чуть не разорвало.

— Прорываться будем к вершине холма, — сказал Макс вон Сюйд, когда я вернулся к своим товарищам по несчастью. — Там нас точно не ждут. А если загонят в лог, внизу и останемся. Перебьют, как курей.

— А дальше? — спросил брат Стеффен. — Куда пойдем дальше?

— Помните плот на берегу болота? Уплывем на нем, — предложил порученец архиепископа.

Брат Кас нахмурился, восстанавливая в памяти вчерашнюю вылазку в лес, что-то прикинул и сказал:

— От холма на запад, а дальше — вдоль ручья. Не промахнемся.

Ловчий кивнул и обратился ко мне:

— Магистр, постарайтесь не отставать.

— Постараюсь, — криво улыбнулся я и заставил себя ослабить хватку стиснувших колдовской жезл пальцев. Те уже побелели и

понемногу теряли чувствительность.

— Помолимся! — сказал тогда брат Стеффен.

И мы помолились. Не важно, насколько набожен человек; когда жизнь висит на волоске, всяк начинает уповать на веру. Особенно если его одежда забрызгана кровью товарищей, лицо посерело от пороховой гари, а в ушах беспрестанным звоном звучат отголоски оглушительных взрывов.

Солнце уже коснулось деревьев, тени удлиннились, и начало быстро темнеть. Макс подобрался к окну и спросил:

— Начинаем?

— Начинаем, — подтвердил брат Стеффен, и черно-красные стали оттаскивать от забаррикадированного дверного проема обезглавленные тела.

Макс поспешил на помощь братьям-герхардианцам, а я с невероятным облегчением выпустил на волю морок. Тени и вечерний сумрак сплелись воедино и растеклись, затягивая эту сторону кузницы чуть более глубокой темнотой, нежели сгустилась по соседству. Я дотянулся до эфирных тел спутников и аккуратно вплеп их в структуру маскировочных чар.

— Только не удаляйтесь от меня! — предупредил я и дал отмашку: — Идем!

Выходить из-под прикрытия исклеванных ядрами стен на открытое пространство было откровенно страшно. Сердце лихорадочно билось в ожидании криков и выстрелов, но — ничего. Нас не заметили.

Я отлип от угла кузницы последним, глубоко вздохнул, перебарывая головокружение, и двинулся к вершине холма. Морок не наделял людей истинной невидимостью, он лишь заставлял наши силуэты сливаться с тенями, лишал их привычных очертаний, размазывал по склону и укрывал среди валунов. А еще понемногу расслаивался, истлевал и тянулся следом, будто содранная кожа.

Ощущения были мерзкими до невозможности, но я стиснул зубы и продолжал упрямо продвигаться к вершине. Вперед! Только вперед!

Хватило моих чар на две дюжины шагов, а потом в кустах заголосили одержимые, и вдогонку нам полетели арбалетные болты. Сотканый из эфира и теней полог закружил их и отбросил в сторону.

— Ходу! — рявкнул я, срываясь на бег.

Защитное заклинание стремительно распадалось и развеивалось; усталость мешала удержать его под контролем, сознание путалось, в реальность то и дело прорывались неопишуемые краски незримой стихии. К счастью, вдогонку нам больше не стреляли. Крики за спиной смолкли, но одержимые не отстали, они бросились в погоню молча, будто волчья стая.

Изначальный отрыв позволил взлететь на вершину холма, опережая преследователей на несколько десятков шагов, и все бы ничего, но там навстречу поднялись три затаившиеся меж камней фигуры. Гандлангеры вскинули мушкеты, и я резко махнул жезлом, активируя последнее заклинание.

Клацнули кремневые замки, искры не полетели, порох не загорелся. Макс и Стеффен застрелили двух одержимых из арбалетов и накинулись на уцелевшего мушкетера. Тот попытался нанизать ловчего на штык; герхардианец уклонился и перехватил ствол, дав возможность порученцу архиепископа раскроить череп одержимого страшным ударом шпаги.

Я сунул ненужный более жезл в подсумок, вытянул из-за пояса пистолети, развернулся и пальнул по несшимся вдогонку одержимым. Брат Кас последовал моему примеру, и кто-то из самых резвых преследователей покотился по земле, кто-то согнулся в три погибели и завыл от боли.

А мы кинулись прочь. Промчались по голой вершине холма, сбежали с нее и понеслись по склону, едва успевая уклоняться от летевших в лицо ветвей и сучьев. То и дело попадались камни и поваленные ветром деревца, приходилось перескакивать через них, рискуя упасть и свернуть шею. Каждый шаг отдавался острой резью в едва-едва зажившем бедре, да еще шпага путалась в ногах и мешала бежать, в итоге я вытянул ее из ножен и ринулся дальше, придерживая клинок левой рукой.

Не отставать! Не отставать! В одиночку я сразу заплутаю и стану легкой добычей егерей!

Послышался отзвук угодившего в дерево болта, но в вечернем лесу стрелкам нас было уже не достать. Мы затерялись в зарослях, погоня отстала. В отдалении зазвучала переключка, преследователи потеряли нас из виду. Упустили. И все же я и не думал замедлять бег. Глотка

пересохла, легкие горели огнем, каждый вдох рвал их болью, но я бежал, бежал и бежал.

Увы, преследователи знали местность как свои пять пальцев, они рассыпались по лесу частой гребенкой, намереваясь прижать нас к оврагу с бурной речушкой, и в своем начинании отчасти даже преуспели. Я бежал вдоль крутого обрыва, изо всех сил стараясь не отставать от остальных, когда из кустов, будто демоны из мрака запределья, выскочили два егеря. Герхардианцев они перехватить не успели и накинулись на мчавшегося передо мной Макса. Тот отбил летевший ему в голову фальшон и на бегу рубанул солдата шпагой, тогда второй одержимый подбил ноги порученца архиепископа копьём. Макс вскрикнул от боли и покатился по земле.

Я с разбегу обрушил на голову егеря свой клинок, но выродок ловко извернулся и принял удар на древко. Шпага оставила зарубку и отскочила, одержимый в ответ ткнул меня хищным наконечником копья. Крутанув оружие, я отбил острие вниз и в сторону, шагнул вперед, не позволяя противнику разорвать дистанцию, и обратным движением полоснул его по ноге. Лезвие легко распороло кожу и плоть, и все же ранение оказалось не слишком серьезным; егерь, вновь перехватив копьё обеими руками, оттолкнул меня древком.

На отступе я ударил шпагой; метил в голову, а попал по плечу, и клинок соскользнул с кольчуги. Бородач тут же поменял хват и выбросил вперед копьё. Парировать неожиданный выпад не получилось, спасла кольчуга. Острие хоть и распороло куртку и камзол, пробить стальные звенья не смогло и с мерзко проскрежетало по боку.

И все бы ничего, но тычок заставил отшатнуться, под ногу подвернулось корневище, и я завалился на спину, покатился по крутому склону оврага, а миг спустя и вовсе рухнул в бурный поток и с головой ушел под воду. Холод опалил ледяным огнем и сбил дыхание, а немалый груз оружия и кольчуги вкупе с промокшей одеждой враз потянул на дно. Каким-то чудом я умудрился вынырнуть и хватануть воздух разинутым ртом. Студеная вода тут же сомкнулась надо мной, закружила и потащила по камням, приложила о здоровенный валун и уволокла дальше, не позволив ухватиться и выбраться на берег.

Спасло переброшенное через овраг дерево. Я вцепился в него обеими руками и лихорадочно засучил ногами, не в силах выбраться на этот импровизированный мосток, а миг спустя кто-то ухватил меня и одним рывком выволок на берег. Я разглядел в темноте черно-красное одеяние брата Каса и скорчился на земле, откашливаясь, отплевываясь и дрожа от холода.

— Молчи! — шикнул Стеффен.

Братья ухватили меня под руки и волоком потащили от оврага. Я и не думал протестовать. Изматывающая волшба, лихорадочное бегство и купание в ледяной воде лишили последних сил. Потом уже, когда откашлялся и начал уверенно держаться на ногах, заковылял прочь от оврага самостоятельно. Благо трусили мы под уклон, а лес поредел, и не было опасности распороть лицо о сучья или случайно налететь на неожиданное препятствие.

Преследователи потеряли нас на той стороне оврага, и постепенно братья успокоились, замедлили шаг, завертели головами в поисках ориентиров. Я заволновался было, но очень скоро Кас вытянул руку и сказал:

— Туда!

Герхардианец не ошибся: почти сразу под ногами захлюпала вода, затем потянулись ивы и повеяло сыростью. Петлявшая меж кустов тропинка вывела нас на небольшую полянку, за которой чернела окруженная камышом заводь. Тут же лежал вытащенный на землю плот, вполне способный выдержать трех-четырех человек. У покосившегося шалаша стояли длинные ошкуренные шесты.

— Тащи! — указал мне на них брат Стеффен, и я поспешил выполнить распоряжение.

Надо убираться отсюда, пока не нагрянули егеря!

Промедление смерти подобно!

Доковыляв с тяжеленными палками до берега, я не удержался и рухнул на колени, тогда герхардианцы заволокли меня на уже спущенный на воду плот и принялись работать шестами, которые беспрестанно вязли в илистом дне. Хорошо хоть в камышах обнаружилась прореха, и берег вскоре скрылся, растворился во тьме. Течение подхватило плот и потащило в ночь. Над головой загадочно моргали зеленые огоньки звезд, и я бы восхитился красотой

мироздания, если б не дрожал в ознобе. Холодно. После купания в студеной воде мне было жутко холодно.

— Что с Максом? — спросил тогда ловчий.

— Ему не повезло, — коротко ответил я, вытянул из-за пазухи сверток вощенной бумаги и разложил перед собой документы, но волновался напрасно: недолгое купание не успело испортить их. Местами начали расплываться подмоченные чернила, а в целом текст остался вполне читаем.

Вскоре течение ослабло, и братьям вновь пришлось налечь на шесты. Вымотаны они были ничуть не меньше моего, поэтому, когда из черноты выплыл силуэт небольшого островка, восприняли это знаком судьбы и направили к нему плот.

— Стоит ли терять время? — усомнился я. — Надо убираться отсюда!

— Не видно ни зги, — проворчал Кас. — Проще простого в засаду угодить.

— Местные говорили, болота соединены протокой с рекой, там нас и будут караулить, — поддержал собрата ловчий и приналег на шест. — Попробуем проскользнуть на рассвете. По реке в два счета доберемся до заставы, которую проезжали по дороге в Луксалу.

Я вздохнул, спрыгнул с плота и по колено в воде побрел к берегу.

Все равно вымок до нитки. Хуже точно не будет.

2

Островок оказался невелик, и большая его часть заросла камышом. Но все было не так уж и плохо. Нам несказанно повезло обнаружить рыбацкий навес, запас привезенного с берега валежника и здоровенный глиняный горшок, треснутый, но еще пригодный для использования.

Заросли закрывали очаг со всех сторон, и брат Стеффен рискнул развести огонь, а Кас отправился за водой.

— Раздевайтесь, магистр, — посоветовал мне ловчий. — Если не просушите одежду, разболеетесь.

Да я и сам думал ровно так же, поэтому избавился от подсумка и кинул его на землю. Заготовка магического жезла вывалилась, и стоило бы предупредить, что ее не следует кидать в огонь, но у меня зуб на зуб от озноба не попадал. Негнущимися пальцами я расстегнул

куртку и повесил ее на распорки, предназначенные для сушки сетей. Брат Стеффен помог стянуть кольчугу, а дальше я уже самостоятельно избавился от стеганого колета, сапог, рубахи и штанов. Мокрое исподнее тоже оставлять не стал, разве что надел обратно выжатые панталоны. Влажная ткань неприятно липла к телу, но самую малость стало теплее.

Когда вернулся Кас, ловчий установил горшок на очаг и спросил:

— Дать вам куртку?

— Не стоит, — отказался я, стуча зубами от холода, и принялся выжимать рубаху. Подержал ее немного у огня, затем надел и начал разбирать оружие. Мушкет в кожаном чехле не вымок, а вот пистолы требовалось как можно скорее прочистить и протереть.

Ловчий рассмеялся.

— Наемник однажды — наемник навсегда!

Я не обратил внимания на упоминание о собственном прошлом, лишь кивнул. Даже не знаю, стал бы ландскнехт сначала заниматься одеждой или первым делом начал приводить в порядок оружие.

Брат Кас выдернул из земли пригнувшуюся ему палку и обрывком веревки примотал к ее концу арбалетный болт. В кожаном колчане тех осталось не меньше полдюжины, поэтому Стеффен протестовать не стал. Нам с единственным самострелом больше в любом случае не понадобится.

— Не уходи далеко и возьми штуцер, — лишь предупредил ловчий, расстегнул поясную сумку и принялся развязывать матерчатые мешочки, заполненные листьями и соцветиями разных трав.

Кас снял оружейную перевязь, сюрко и сапоги, закатал штанины и растворился во тьме. Вскоре шорох камышей смолк и послышался негромкий плеск.

Я уселся у костра, обхватил себя руками и попытался сдержать сотрясающую тело дрожь. Уха пришлась бы сейчас весьма кстати, но отмеряемые Стеффеном травы нисколько не походили на специи, коими приправляют рыбный суп.

— Горячий отвар поможет восстановить силы, — подсказал ловчий, перехватив мой озадаченный взгляд. Потом спросил: — А где ваша шпага?

— Утопил, — поморщился я, снял с оружейного ремня пустые ножны и откинул их в камыши.

Вода понемногу начала закипать, но Стеффен не торопился забрасывать в горшок свои травки. Он с интересом посматривал на меня и время от времени подкладывал в огонь сухие ветки. А я просто сидел рядом с очагом и с блаженной улыбкой впитывал идущее от него тепло.

Купание в реке избавило от излишков магической энергии, и я едва ощущал собственное эфирное тело, зато от левого запястья перестали стрелять к шее болезненные судороги. Да еще в голове смолкло назойливое жужжание призрачных ос, и это не могло не радовать, с какой стороны ни посмотри.

Я пришел в норму, просто очень устал и еще более замерз. Но не беда! Сейчас обсохну и отогреюсь, а на рассвете тронемся в путь и к полудню — а то и раньше! — доберемся до армейской заставы. Мне хотелось так думать. Это помогало не обращать внимания на гулявший над заводью ветерок, стылый и противный.

Умиротворение. Я настолько вымотался, что начал ощущать умиротворение, просто греясь у костра.

Все испортил брат Стеффен. Он пригладил ладонью курчавую бородку и вдруг произнес:

— Признаюсь, магистр, я впечатлен. Сегодня вы спасли нас всех. А ведь Вильгельм уверял меня, что ваш дар заблокирован безвозвратно.

Мысленно я проклял слишком уж болтливого подручного барона аус Баргена и развел руками.

— Слухи и сплетни, брат Стеффен. Слухи и сплетни, не более того.

Ловчий кивнул.

— Но ангельская печать у вас на спине...

Он не договорил, да в этом и не было никакой нужды. Несмотря на темень ночи, герхардианец разглядел выжженное на моей правой лопатке клеймо, а всякому знающему человеку известно, что с подобной меткой колдун теряет возможность касаться эфира и управлять им.

Я попытался вспомнить, как давно стих плеск воды, не смог и беспечно улыбнулся.

— Вам доводилось бывать в Лаваре? — спросил я и задумчиво взглянул на пистолы, но оружие еще не просохло, попытка зарядить его стала бы пустой тратой пороха.

Неожиданный вопрос озадачил Стеффена, он закинул в горшок отобранные травы и признал:

— Не доводилось.

Листья и соцветия не утонули, закачались на бурлящей поверхности, и ловчий огляделся в поисках палочки, которой смог бы разогнать сбившуюся в комки траву. Я поднял вылетевшую из подсумка заготовку магического жезла и вложил ее в ладонь собеседника. Тот с благодарностью принял ошкуренную ветвь дуба и начал помешивать ею воду.

— Любого заклинателя, попавшего в руки лаварских скопидомов, ждала долгая и мучительная смерть, — сказал я ловчему, который не мог не слышать об учении ересиарха Тибальта. — Многие колдуны сознательно наносили себе подобные... украшения. В случае пленения это давало возможность заявить об отречении от греховных способностей.

Брат Стеффен отвлекся от помешивания травяного настоя и посмотрел на меня с нескрываемым сомнением.

— Но блокировка необратима, магистр!

Я лишь рассмеялся.

— Мало кто в точности знает плетение ангельской печати. Достаточно допустить одну-две неточности, и клеймо станет банальным подобием татуировки. Это лишь видимость!

Ловчий покачал головой.

— Никогда бы не подумал, — проворчал он и продолжил размешивать кипящий отвар.

— По понятным причинам о таком предпочитали не распространяться, — улыбнулся я. — Позже была возможность свести клеймо, но не стал. Слыть лишенным дара оказалось не так уж и плохо. Люди, с которыми мне приходится вести дела, склонны недооценивать простецов. Это во многом упрощает работу.

Брат Стеффен стряхнул капли с заготовки жезла и бросил ее на землю, затем снял горшок с огня.

— Немного остынет, и можно пить, — сказал он и отошел к рыбацкому навесу, пошарил в набросанном там хламе и вернулся с

надколотой глиняной кружкой без ручки.

— Плохо другое, — пробормотал я, вживаясь в роль. — Отсутствие практики притупляет талант. Прежде я бы и вполовину так не вымотался.

Ловчий зачерпнул травяного отвара и подул на кипяток. Меня вновь начала бить крупная дрожь. Холодно. Холодно. Холодно. А развешенная вокруг очага одежда просохнет разве что к утру. Плохо.

Брат Стеффен оценил мой измученный вид, в несколько быстрых плотков осушил кружку и вновь наполнил ее.

— Пейте, магистр, — сказал ловчий, шумно переведя дух. — Сразу станет легче.

Я принял выщербленную посудину и стиснул ее озябшими пальцами. Горячие глиняные бока обожгли ладони, пар защекотал ноздри ароматом незнакомых трав. Я принюхался, затем осторожно пригубил отвар, сплотнул и блаженно улыбнулся. Привкус корня мандрагоры потерялся в общем букете, но по мне будто пробежалась живительная волна. Хорошо, очень хорошо.

Опустошив кружку, я протянул ее Стеффену, тот наклонился вперед и вдруг ухватил за руки. Сильные пальцы стиснули запястья, и тут же шею захлестнула веревка. Бесшумно подобранный сзади Кас рывком завалил меня на спину и принялся закручивать удавку.

Святые небеса! За что?!

Я забился, пытаюсь высвободиться, но хватка ловчего оказалась воистину стальной, да он еще навалился сверху и прижал к земле, лишив всякой подвижности. Перед глазами замелькали серые точки, в ушах зазвенело, и сознание поначалу неспешно, а потом все быстрее и быстрее устремилось в черный омут забвения.

Тьма! Очень скоро во всем мире осталась одна лишь тьма.

Глава 9

1

Сознание возвращалось мучительно медленно, ясность мысли то накатывала, то отступала подобно волнам. Поначалу даже не удавалось сообразить, что случилось и где нахожусь, лишь неведомо кто услужливо шепнул: «Не подавай виду, что очнулся!»

Я и не подавал. Жутко саднила ободранная шея, спина занемела от долгого лежания на холодной земле, кисти связанных за спиной рук неприятно, колело и никак не получалось пошевелить ногами.

Стоп! Шевелиться нельзя! Я вспомнил. Вспомнил кривую ухмылку Стеффена и захлестнувшую шею веревку, вспомнил неудобные вопросы и свое не слишком искусное вранье. Ловчий не поверил моим объяснениям, но еще оставался шанс выкрутиться. Надо было просто лежать и не шевелиться.

Любопытство оказалось сильнее. Через смеженные веки угадывались отсветы огня; я рискнул самую малость приоткрыть глаза и оглядеться.

Брат Стеффен сидел ко мне боком и баюкал в руках глиняную кружку. Брат Кас помешивал заготовкой моего жезла в горшке; пахло вареной рыбой.

Лежать. Не шевелиться. Ждать. Если герхардианцы готовят похлебку, травяной отвар они уже выпили. Это хорошо. Очень хорошо.

Я обратился к своему эфирному телу и попытался с помощью внутренней энергии усилить кровоток в связанных конечностях, но лишь натолкнулся на невидимую стену. Покалывание в кистях и ступнях отчасти даже усилилось, и было непонятно: хорошо это или плохо.

Если не смогу высвободиться, так и сдохну здесь, а подыхать на этом островке посреди безымянного болота я не собирался. И потому стиснул челюсти, да так, что едва не выдал себя скрипом зубов, и продолжил раскачивать внутреннюю энергетiku, распалаять эфирное тело и пытаться достучаться до своего увечного колдовского дара.

Брат Стеффен допил отвар и отставил кружку, что-то сказал, выслушал ответ и кивнул. Мне не удалось разобрать ни слова:

говорили черно-красные на каком-то из майнрихтских наречий.

Тухлые селедки! Всколыхнувшаяся в душе ярость придала сил и решимости, и я продолжил воздействовать на эфирное тело и разгонять по жилам кровь. Понемногу пальцы обрели чувствительность, но, сколько ни пытался, распутать запястья так и не получилось. Просто не удавалось дотянуться ногтями до веревки.

Соткать чары? Если б это было так просто! Эфир тек сквозь пальцы, а четки святого Мартина со всеми зачарованными бусинами с моего запястья предусмотрительно сняли. Брат Стеффен забрал их себе. Сволочь такая!

Как оказалось, без сознания я провалялся довольно долго: рыба вскоре сварилась, и герхардианцы приступили к трапезе. Несмотря на обстоятельства, рот наполнился слюной.

Ловчий выкинул не землю объедки, поднялся и покачнулся. Постоял, давая утихнуть головокружению, и отошел сполоснуть руки. Когда он скрылся в камышах, я даже не шелохнулся. Брат Кас продолжал сидеть у костра и не спускал с меня взгляда осоловелых глаз.

Ангелы небесные! Ну почему бы вам не лечь спать? Ложитесь спать, и мы еще посмотрим, кто проснется утром!

Надеждам моим сбыться оказалось не суждено, безмолвные мольбы не были услышаны на небесах. Стеффен вернулся на поляну и сразу направился напрямик ко мне. Я спешно зажмурился и размеренно задышал, а миг спустя тяжеленный ботинок врезался в живот и перевернул на спину. Стон, вскрик, всхлип...

Я скорчился, а ловчий придавил меня к земле и печально улыбнулся.

— А ведь ангельская печать подлинная, магистр... — сказал он, и только тут я сообразил, что за время беспамятства с меня стянули рубаху.

Стеффен огладил короткую русую бородку и вздохнул.

— Ты еще поведаешь, кому из князей запределья продал душу, дабы вновь обрести колдовской дар, — заявил он, угрожающе нависая надо мной, — но сначала поговорим о другом. — Улыбка исчезла без следа, сменилась оскалом. — На кого работаешь?

Вопрос вогнал в ступор, и тут же здоровенный кулак ловчего со всего маху врезался мне под ребра. Боль ошеломила, воздух вырвался

хриплым вскриком, и я замер с разинутым в беззвучном вопле ртом.

— Зачем убил Шеера? Был с ним заодно и подчистил хвосты или следил за де ла Вегой? Кто донес на Новица? Зачем приехал в Сваами?! Кто тебя прислал?! Отвечай! Отвечай, мразь!

Каждый выкрик сопровождался яростным ударом, и я не сумел бы вымолвить ни слова, даже возникни вдруг такое желание. Все, что мог, — это корчиться от боли и пытаться протолкнуть в легкие хоть немного воздуха. Под конец меня вырвало, и только тогда ловчий, пошатываясь, поднялся на ноги. Лицо его покраснелось, по щекам катился пот, зрачки странно расширились, почти поглотив собой радужку.

Герхардианец был вне себя от бешенства, его попросту трясло. Но куда больше этой безумной злобы меня напугали вопросы. Неправильные вопросы. Вопросы, от которых так и веяло долгими пытками и мучительной смертью.

Все прежние уверения оказались ложью; ловчий ордена Герхарда-чудотворца по уши увяз в делах имперского Кабинета бдительности. И точно так же впутался в них и я, убив возжелавшего распечатать место силы Клауса Шеера, бакалавра тайных искусств.

Попробуй докажи теперь, что все это — лишь дело случая! Я ведь пробовал — не поверили...

Брат Стеффен отошел к очагу, устроил на красных углях кинжал, многообещающе улыбнулся.

— Помнишь, что случилось с Фальком? — спросил он. — Подумай об этом! С тобой я торопиться не стану. Все расскажешь! И еще поблагодаришь меня за это! Лишь через страдания брэнного тела мерзкий грешник вроде тебя может надеяться обрести прощение небес!

Ловчий пошевелил клинком угли и подул, распаяя их, но нечего было и надеяться использовать этот краткий миг, чтобы отползти в камыши. Не со связанными за спиной запястьями и спутанными лодыжками. Да и сидевший у очага с мушкетом на коленях брат Кас ни на миг не спускал с меня пристального взгляда своих водянистых глаз.

Я сплюнул наполнившую рот слюну и попытался собраться с мыслями. Это было непросто. Отбитые внутренности невыносимо болели, сознание плыло, то и дело подступало забытьё.

Одна случайная встреча, другая, и вот уже закручивается клубок догадок и подозрений. Подобных совпадений не бывает, стоило вспомнить об этом при недавней встрече с братом Стеффеном...

Я вздохнул поглубже, закашлялся и прохрипел:

— Макс оказался прав!.. Тебя... сволочь... больше интересовала моя персона, нежели обстоятельства дела...

— Вон Сюд был умным человеком, — усмехнулся ловчий. — И вот еще один вопрос: что связывает тебя с архиепископом? Зачем он приставил к тебе своих людей?

— Ко мне? Он приставил их к вам, выродки!

Стеффен порывистым движением вскочил на ноги, пошатнулся и даже шагнул в сторону, чтобы удержать равновесие.

— Вымотался... — хрипло сказал ловчий и устало потер пальцами виски, но сразу криво ухмыльнулся. — Ну да ничего! Торопиться не стану, даже не надейся...

Не желая больше откладывать экзекуцию, герхардианец наклонился за кинжалом, но оступился и едва не завалился в костер.

— Милость небесная! — озадаченно протянул он, выпрямляясь, и тут брат Кас за его спиной качнулся вперед и уткнулся лицом в землю.

Ловчий оглянулся на шум и замер в немом изумлении.

— Кас? — прохрипел он. — Кас, проснись!

Превозмогая боль, я перекатился к костру и ударил спутанными ногами Стеффена под колени. Тычок вышел слабым и неуклюжим, но ловчому хватило и этого. Он всплеснул руками и рухнул на спину.

Вылетевший из руки герхардианца кинжал зашипел на мокрой земле, а я поджал колени к груди и напрягся, силясь до предела опустить связанные руки и вывести их из-за спины. Ну же! Еще чуть-чуть!

Стеффен перевалился на бок, проследил за моими корчами совершенно безумным взглядом и уткнулся лицом в грязь. Но быстро собрался с силами, приподнялся и сунул в рот пальцы. Сообразил, гад, что одурманен!

Избавившись от содержимого желудка, ловчий оставил меня извиваться и дергаться в попытках освободиться, а сам развернулся к костру. Действовать ему приходилось исключительно руками, поскольку ноги отнялись и безвольно скользили по земле, но

справился и так. Сцапав свою сумку с травами, герхардианец принялся лихорадочно перебирать мешочки, выискивая нужный. Отыскал, разорвал его и всыпал в рот горсть каких-то сухих темно-красных ягод.

Я не знал, помогает ли это средство при отравлении вытяжкой из корня мандрагоры, и потому задержался пуще прежнего. Ценой содранной кожи запястий и жуткой боли в плечах мне удалось вывести руки из-за спины, и веревка тут же уперлась в босые пятки. Я зарычал, согнулся еще сильнее и в итоге все же добился своего. Освободился!

Сначала мне удалось встать на колени, после я уперся ладонями в землю и поднялся на ноги. Тут-то и обнаружилось, что брат Стеффен больше не давится, пережевывая ягоды. Он вновь обрел ясность мысли, и тело повиновалось ему куда лучше, нежели минуту назад. И было неважно, что послужило тому причиной: мощная конституция ловчего, рвота или разжеванное противоядие; значение сейчас имело лишь стремление герхардианца вытащить мушкет из-под тела своего не столь живучего собрата.

При падении Кас навалился на оружие всем своим весом, только это меня и спасло. Толкнувшись земли спутанными ногами, я прыгнул к Стеффену, а тот рывком высвободил штуцер, и... и тут мне на глаза попалась воткнутая в песок острога.

Щелкнул приведенный к бою замок мушкета; я ухватил древко связанными руками, выдернул оружие из земли и воздел над головой. И сразу со всего маху ударил, метя в голову ловчего!

Стеффен не сидел на месте, изображая мишень, он как раз начал направлять в мою сторону ствол мушкета, и примотанный к палке болт угодил в правый висок, легко пробив тонкую кость. Ловчий хрюкнул, выронил штуцер и распластался на земле.

— Да-а-а! — яростно, во всю плотку закричал я в безумной радости счастливчика, выигравшего в кости у судьбы собственную жизнь.

Стертые запястья и лодыжки горели огнем, шею саднило, отбитые внутренности крутило и завязывало узлом. Я рухнул рядом с бездыханными телами и принялся тихонько поскуливать в ожидании, когда хоть немного утихнет боль, но та и не думала отступать. Напротив — мне становилось все хуже и хуже.

Собравшись с решимостью, я наполовину вытянул из ножен фальшион брата Каса и стал перетирать завязанные на запястье веревки о его не слишком острое лезвие. Тогда-то и различил сиплое дыхание. Герхардианец был еще жив!

Я задергал руками как заведенный, веревка поддалась и начала распускаться на волокна, а через несколько судорожных рывков мои руки и вовсе оказались свободны. Фальшион с недобрым шипением выполз из ножен и уже готов был рухнуть на беззащитного человека, но я в последний миг сдержался, не стал наносить смертельный удар.

Нет! Так нельзя! Это неправильно! Поддамся слабости, зарублю герхардианца и до конца жизни себе этого не прощу!

Настороженно поглядывая на Каса и прислушиваясь к его прерывистому дыханию, я разрезал путы на ногах и пару минут просто сжимал и разжимал кулаки да растирал ступни, стремясь поскорее восстановить кровоснабжение конечностей. Фокус с эфирным телом не дал им полностью занеметь, и не более того.

Окончательно придя в себя, я ухватил Каса под мышки и поволок его к воде. Герхардианец и сам был человеком немаленьким, а с учетом кольчуги показался и вовсе не подъемным; пришлось даже остановиться и перевести дух. Но справился.

Зайдя по колено в воду, я разжал руки и позволил Касу упасть в болото, потом еще и наступил ему на грудь, выдавливая из легких воздух. Побежали пузырьки, герхардианец несколько раз дернулся и затих. Упади он с плота в кольчуге — точно не выплыл бы; на том и строился мой расчет.

Дознаватели ордена Герхарда-чудотворца славились изрядной вьедливостью, а обстоятельства гибели своих братьев они и вовсе расследовали с особой тщательностью. У меня же не было ни малейшего желания объяснять, как так вышло, что одержимые зарубили моих товарищей по несчастью, а я при этом не получил ни единой царапины.

Теперь же другое дело: мы плыли на плоту, нас обстреляли, ловчий получил болт в голову, дернулся и столкнул в воду собрата. А тот был в кольчуге и камнем пошел на дно. Неудачное стечение обстоятельств, только и всего. Даже тело Стеффена топить не стану, с собой для убедительности прихвачу.

Убедившись, что неожиданного воскрешения можно больше не опасаться, я оставил брата Каса мокнуть в болоте, а сам ушел к очагу и принялся скамливать ненасытному огню одно полешко за другим. Заодно дохлебал остававшийся в горшке бульон. Стало немного легче.

Заготовка магического жезла валялась тут же, я отряхнул ее и убрал в подсумок. Кто бы мог подумать, что эта палка спасет мне жизнь! Марта была совершенно права: дерево впитало в себя столько выжимки из корня мандрагоры, что оказалось способно отравить питье, даже ненадолго оказавшись в кипятке.

Не стоило Стеффену приставать ко мне с расспросами об ангельской печати. Ловчий, сам того не ведая, наступил на больную мозоль. Я просто не мог отреагировать на его вопросы иначе! Иные слова острее бритвы!

Многим опасным людям доподлинно известно о клейме у меня на спине; их чрезвычайно интересует слух, что сеньор Филипп Олеандр вон Черен неким неведомым образом сохранил свои колдовские таланты. Они могут начать копать, и тогда, следуя от одной неправильности к другой, неминуемо придут к выводам, которые в итоге обовьются вокруг моей шеи прочной веревкой с пудовым камнем на конце.

Есть двери, которые не следует открывать. И есть двери, которые я не позволю открыть никому и никогда.

Сплюнув в огонь, я забрал у Стеффена свои четки и начал одеваться. Штаны и сапоги худо-бедно просохли, оставались лишь слегка влажными, но уже не мокрыми, а вот куртку и стеганый колет толком выжать не получилось, их надевать пока было рано. Пришлось ограничиться изгвазданной в грязи рубахой.

После я отвязал от засевшего в голове ловчего болта палку и зашвырнул ее в камыши, а обрывок веревки отправил в костер. Отыскал в вещах свой кошель, мешочек с перстнями и документы, вернулся к огню и попытался осмыслить, во что же такое меня угораздило вляпаться.

За кого подручные барона аус Баргена приняли меня, если вознамерились выпотрошить магистра Вселенской комиссии по этике, невзирая на возможные последствия? Что за игра идет? Какие ставки на кону?

Увы, сумбурные вопросы брата Стеффена, выкрикнутые им в состоянии аффекта, положение дел не особо прояснили. Ясно было лишь одно: причина всему — ритуалы, которые проводил Клаус Шеер и которыми не на шутку заинтересовался Кабинет бдительности. Мое совершенно случайное участие в этом деле повлекло за собой предположение, будто я подчистил хвосты, когда лиловые жандармы вышли на след чернокнижника, вот ситуация и вышла из-под контроля.

Но при чем здесь Сильвио де ла Вега? На кого работает южанин: на подельников убитого мной бакалавра, на ведомство аус Баргена или на некую третью сторону, таящуюся в тени? И в сотрудничестве с кем подозревали меня самого?

Греясь у костерка, я выдвигал и отбрасывал одну теорию за другой и в итоге пришел к заключению, что Сильвио никак не был связан ни с Клаусом Шеером, ни с Кабинетом бдительности. Угрожай мы с Хорхе его патрону, южанин действовал бы куда решительней и точно не стал бы наблюдать за развитием ситуации со стороны. А ведомству барона аус Баргена чернокнижник требовался целым и невредимым. Приказ произвести арест заставил бы Сильвио вмешаться, даже невзирая на риск для жизни.

Итак, де ла Вега связан с кем-то третьим. И что мне это дает? А ничего. Ровным счетом ничего.

2

Заготовленного рыбаками валежника до рассвета не хватило. Под конец пришлось разобрать и спалить рыбацкий навес, и даже так первые лучи солнца я встретил, отогревая ладони у едва теплившихся углей. Сухие камыши прогорали вмиг, их сбор попросту не имел никакого смысла.

Пока горел костер, я просушил и зарядил свои пистолы. Помимо них кинжала и стилета в моем распоряжении оказались мушкет и арбалет, два фальшиона и несколько клинков покороче. Оружие герхардианцев брать не стал, хватило и собственного железа; разве что не на шутку заинтересовался штуцером. И дело было даже не в его невеликих размерах — внимание привлек необычный дульный срез. Внутренний канал ствола оказался не привычно круглым, а

неправильной формы, со сплаженными выступами, которые уходили вглубь семью скрученными волнами.

Столь сложное устройство породило множество вопросов, но факт оставался фактом: брат Гил умудрился с первого же выстрела поразить цель на расстоянии как минимум двадцать пять дюжин шагов. Штуцер я решил придержать.

На исходе ночи вновь начала бить дрожь, и дело было уже не в холоде — мне просто стало очень-очень плохо. И прежде не лучшим образом себя чувствовал, а тут как-то разом все навалилось, словно жизненные силы покинули. Жутко саднили ободранные веревками запястья, лодыжки и шея, а каждое движение сопровождалось вспышками боли в отбитом животе; ниже ребер там наливались огромные синяки.

Обращаться к эфирному телу я не рискнул. На меня и без того с некоторым запозданием накатила расплата за излишнее усердие в сотворении чар: вновь загудели в ушах призрачные осы и понемногу начала гореть огнем левая кисть. Какое-то время я сидел, судорожно стискивая в левом кулаке янтарные четки, потом не выдержал, поставил на огонь горшок и опустил в воду заготовку волшебного жезла. Тогда-то и спалил последние полешки, желая вытянуть из дубовой палки остатки пропитавшей ее настойки корня мандрагоры.

Получившийся отвар отдавал болотиной, и всё же добавлять в горшок травы из запасов ловчего я не рискнул. Черпал кипяток обколотой кружкой, давился, но пил. Несколько раз накатывали приступы тошноты и меня начинало полоскать, прошибал холодный пот, а потом мало-помалу боль стихла, накатила апатия и сонливость. Возникло даже подозрение, что переборщил с зельем, поэтому не смыкал глаз, опасаясь уснуть и уже не проснуться.

Когда мрак рассеяли лучи еще толком не поднявшегося из-за горизонта солнца, я надел стеганный колет, поверх затянул перевязь брата Гила и устроил в ней пару пистолей. Одежда была мерзко влажной, но с этим сейчас ничего поделать было нельзя, холод и неприятную сырость оставалось лишь перетерпеть.

После я разулся, закатал штанины и отправился проведать утопленника. Брат Кас за ночь никуда не делся, и в несколько подходов мне удалось затащить неподъемное тело на плот.

Я намеревался скинуть его где-нибудь подальше от берега, на глубине, и все бы ничего, но вновь разболелся живот, потроха словно затянуло узлом. Пришлось усесться рядом с покойником и попытаться перевести дух. Тогда-то и услышал это.

Скрип — плеск. Скрип — плеск. Скрип — плеск.

Скрип уключин, плеск весел.

В утренней тиши звуки далеко разносились над водной гладью, и вовсе не сразу я сообразил, что лодка плывет с другой стороны острова. Плывет или подплывает?!

Вскочив на ноги, я охнул от боли в животе, но сразу переборол ее и поспешил к очагу, схватил оставленный там штуцер и побежал дальше, все углубляясь и углубляясь в камыши. Обломки стеблей кололи босые ступни, а я не обращал внимания ни на боль, ни на холод и не остановился, пока впереди не показалась открытая вода.

Лодок было две. В одной разместились три человека, в другой — четыре. Над головами людей торчали поднятые к небу стволы мушкетов. Руне Фальк сидел на банке спиной ко мне, но и так по коже побежали колючие мурашки. Клятый инкуб!

Камыш окружал островок со всех сторон густым кольцом, оно ничем не отличалось от соседних зарослей, тут и там желтевших на глади заводи. Преследователям и в голову не пришло проверять их, ночью они миновали место нашей стоянки и уплыли дальше, теперь же возвращались обратно несолоно хлебавши. Гребцы спешили и выбивались из сил.

Я поднял штуцер, поймал на мушку мальчишеский затылок и повел ствол вслед движению лодки, не давая ускользнуть вместилищу инкуба от прицела.

«Стреляй! — шепнули у меня в голове. — Избавь мир от этой гадины!»

Я тронул пальцем спусковой крючок и опустил штуцер. Незнакомое оружие, изрядная дистанция, шестерка одержимых, справиться с которыми мне попросту не по силам. Цена промаха была слишком высока, расплата за точное попадание — неизбежна.

— Ангелы небесные! — тихонько выдохнул я и начал выбираться из воды на берег.

Я должен рассказать о явившейся из заповедья погани. Это мой долг. Да и дознавателям ордена Герхарда-чудотворца в этом случае

будет чем заняться, кроме как выпытывать у меня подробности гибели собратьев.

Все так. Все так... Но как же хотелось нажать на спусковой крючок!

И — страшно...

Кое-как отжав штаны, я отложил мушкет и ухватил под руки брата Стеффена. Поднатужился, пытаюсь сдвинуть с места окоченевшее тело, и сразу согнулся из-за нестерпимой рези в отбитых потрохах.

Тяжелый, гад! Ловчий был человеком весьма крепкого сложения, поэтому я решил схитрить и взял его за ноги. Так дело пошло проще. Правда, время от времени приходилось останавливаться и переводить дух, но после я вновь брался за лодыжки и с новыми силами тянул покойника к плоту. А уже рядом с плотом зацепился взглядом за подошву левого ботинка, и под лопатку мне будто ткнули ледяным ножом.

Один из гвоздей набойки вылетел, и стоптанный с внутренней стороны каблук злорадно скалился миру щербатой улыбкой! Такой знакомой улыбкой!

На ум сразу пришли зарисовки магистра Риперторпа.

Ангелы небесные! Да я и сам видел подобные отпечатки в комнате зарезанного помощника книготорговца! И еще вспомнились слова Хорхе Кована о встреченном им в «Белой лилии» шпиике Кабинета бдительности: «Лет сорока на вид, крепкого сложения, светловолосый, с короткой бородкой».

Хорхе говорил о брате Стеффене! Теперь-то я предельно отчетливо понимал это! Более того — знал это наверняка!

Бросив покойника, я уселся на край плота и зажал в ладонях лицо. Святые небеса! Но зачем ловчему ордена Герхарда-чудотворца понадобилось убивать моего слугу? Что такого мог разузнать Хорхе о его делах? Неужто хватило и того, что опознал в нем шпиика Кабинета бдительности?

Но нет, не все так просто! Брат Стеффен прикончил Эгхарта Новица и зарезал его помощника, а вчера... вчера в числе прочего он спрашивал, кто навел меня на косоногого книготорговца!

Неужто барон аус Барген затеял игру против епископа Вима и это его люди спровоцировали Ральфа вон Далена заинтересоваться тем

роковым сочинением? Предположение выглядело вполне логичным, ведь светлейший государь вполне мог не желать вхождения его преосвященства в число курфюрстов империи. И все же меня не оставляло ощущение, будто упускаю некую немаловажную деталь.

Каким образом бакалавр тайных искусств и чернокнижник Клаус Шеер связан с книготорговцем Эгхартом Новицем? С чего брат Стеффен примчался вслед за мной в Мархоф? И какова истинная роль в этом деле Сильвио де ла Веги?

Я выругался и тряхнул головой. Довольно! Довольно с меня чужих тайн и загадок! Убийца Хорхе Кована получил свое — это хорошо. А с остальными проблемами буду разбираться по мере их возникновения. Сейчас же меня ждет непыльная служба в Рёгенмаре и, надеюсь, трактат «Размышления о нереальности нереального» некоего отправленного на костер ересиарха. Быть может, даже получится оказать содействие епископу Виму в его делах с братством святого Луки, и тогда расположение со стороны столь важной персоны самым серьезным образом укрепит мои позиции во Вселенской комиссии по этике. А уж если его преосвященство, вопреки всему, станет курфюрстом, бывшее не решится ворошить даже злопамятный Гепард.

Впрочем, так далеко я не планировал пока загадывать. Для начала стоило выбраться из этой передрыги живым.

Я крутанул четки, поцеловал святой символ и помолился об удачном завершении пути. Удача точно не будет лишней. Только не для меня...

ISBN 978-5-9922-2935-6
9 785992 229356